Н. Карѣевъ.

МЫСЛИ

О СУЩНОСТИ

ОБЩЕСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

ИЗДАНІЕ 2-Е, ДОПОЛНЕННОЕ.

Цѣна 50 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1901.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Н. Карѣевъ.

МЫСЛИ

О СУЩНОСТИ

ОБЩЕСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

ИЗДАНІЕ 2-Е, ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1901.

Библиотека "Руниверс"

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28
3045

Библиотека "Руниверс"

ПРЕДИСЛОВІЕ КО 2-му ИЗДАНІЮ.

Настоящее изданіе отличается отъ перваго опущеніемъ довольно-таки случайной статьи, которая была въ немъ помѣщена „вмѣсто предисловія“, съ замѣною опущеннаго „приложеніемъ“, имѣющимъ прямое отношеніе къ предмету книжки. Что касается до текста, то въ немъ сдѣлано лишь нѣсколько незначительныхъ измѣненій и сокращеній.

Библиотека "Руниверс"

I. Нравственность и общественная дѣятельность.

Задача этой книжки—сдѣлать по отношенію къ общественной дѣятельности то, что̀ сдѣлано уже мною по отношенію къ нравственной жизни въ книжкѣ „Мысли объ основахъ нравственности“. И она, какъ эта послѣдняя, пишется для тѣхъ же читателей, для которыхъ были предназначены мною и „Письма о самообразованіи“, и „Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія“.

Въ дѣлѣ выработки міросозерцанія путемъ самообразованія играютъ роль не только теоретическіе вопросы мысли,—которые, между прочимъ, могутъ быть направлены или на индивидуальное, или на соціальное существованіе человѣка,—но и практическіе вопросы жизни, поскольку человѣкъ сознаетъ въ себѣ нравственную личность и чувствуетъ себя членомъ общества. Вырабатывая свое міросозерцаніе, мы не можемъ ограничиваться знаніемъ и пониманіемъ того, что̀ есть, ка́къ оно есть: мы хотимъ еще знать и понимать, что̀ должно быть, хотимъ жить и дѣйствовать и чѣмъ-либо руководиться въ своей жизни и дѣятельности. Вопросы о томъ, что̀ должно быть, могутъ относиться только или къ личности, или къ обществу, взятому въ смыслѣ культурныхъ формъ и экономическихъ, юридическихъ и политическихъ порядковъ, а когда рѣчь идетъ о должномъ для личности, то необхо-

Библиотека "Руниверс"

димо имѣть въ виду не только ея частную жизнь со всѣми частными отношеніями человѣка къ другимъ людямъ, но и общественную дѣятельность этой личности. Такъ какъ, стремясь къ выработкѣ міросозерцанія, человѣкъ руководится не одними теоретическими интересами отвлеченной мысли, но—и это прежде всего—также практическими интересами дѣйствительной жизни, то и понятно, почему нравственные и общественные вопросы получаютъ такое значеніе въ этомъ дѣлѣ. Вопросамъ первой категоріи я уже посвятилъ отдѣльную книжку, теперь прямая очередь за вопросами другой категоріи.

Обѣ темы находятся въ самомъ тѣсномъ родствѣ. Въ „Мысляхъ объ основахъ нравственности“ рѣчь шла объ индивидуумѣ, о личности, о томъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ, какъ индивидуумъ, какъ личность. И теперь я намѣренъ говорить не объ обществѣ, а объ отдѣльномъ человѣкѣ, не о томъ, чѣмъ должно быть общество, взятое въ смыслѣ культурныхъ формъ и экономическихъ, юридическихъ и политическихъ порядковъ, а о томъ, чѣмъ долженъ быть отдѣльный человѣкъ въ одномъ изъ своихъ отношеній къ обществу, извѣстномъ подъ названіемъ общественной дѣятельности. Другими словами, въ обѣихъ темахъ я беру индивидуальнаго человѣка, и все различіе заключается въ томъ, что въ одномъ случаѣ идетъ рѣчь объ индивидуумѣ, какъ о нравственной личности, въ другомъ—какъ объ общественномъ дѣятелѣ; въ первомъ случаѣ нравственная личность разсматривается въ своихъ отношеніяхъ къ самой себѣ и въ частныхъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, во второмъ имѣется въ виду именно только общественная дѣятельность индивидуума, его публичная, а не частная жизнь. Пусть не ищутъ въ настоящей книжкѣ трактата по соціологіи: мой предметъ, повторяю, не общество, не культурныя и соціальныя формы, а личность, ея общественная дѣятельность. Это—

Библиотека "Руниверс"

та же этика, но только этика не частной жизни, не поведенія въ отношеніяхъ частнаго характера, а жизни публичной, поведенія соціальнаго. Конечно, важно знать, что̀ такое общество, какими законами управляется его жизнь и развитіе, чѣмъ должно оно быть, каковы принципы разумнаго и справедливаго общественнаго устройства, и важно это знать какъ по чисто теоретическому интересу, представляемому этими и подобными вопросами, такъ и по практическому значенію знанія и пониманія всего этого для самой общественной дѣятельности, но не менѣе важно имѣть надлежащія понятія и о томъ, что̀ такое общественная дѣятельность и чѣмъ она должна быть, въ чемъ должна заключаться ея цѣль, какими средствами она можетъ пользоваться, какихъ качествъ требуетъ она отъ человѣка, какихъ условій требуетъ отъ общества, взятаго въ смыслѣ культурныхъ формъ и соціальныхъ порядковъ и т. п. Общественная дѣятельность есть лишь одна изъ возможныхъ сторонъ нашей индивидуальной жизни. Если человѣкомъ чувствуется потребность въ установленіи извѣстныхъ нормъ для всей его жизни, то и отдѣльныя ея стороны нуждаются въ такихъ нормахъ: общественная жизнь не можетъ и не должна быть исключеніемъ изъ этого правила. Вотъ почему я и счелъ себя въ правѣ говорить о тѣсной связи, въ какой между собою находятся обѣ мои темы—о нравственности и объ общественной дѣятельности.

Самый интересъ, какой обнаруживаетъ молодежь къ общественнымъ вопросамъ, имѣетъ прежде всего этическій характеръ. На первыхъ порахъ спрашивается не о томъ, что̀ такое общество и какими законами управляется его жизнь и развитіе, а о томъ, чѣмъ должно быть общество и на какихъ принципахъ оно должно быть построено. Вмѣстѣ съ этимъ, далѣе, общество возбуждаетъ къ себѣ интересъ прежде всего не какъ предметъ для теоретиче-

Библиотека "Руниверс"

скаго изученія, хотя бы и съ идеалистическими требованіями, а какъ предметъ для практическаго воздѣйствія. Человѣкъ, настроенный этически, ставящій разумную цѣль своей жизни, стремящійся служить общему благу, не можетъ быть равнодушнымъ къ практическимъ общественнымъ вопросамъ, не можетъ не работать надъ ихъ разрѣшеніемъ или не готовиться къ такой работѣ. Правда, многіе—и притомъ въ разныхъ возрастахъ—стремятся къ общественной дѣятельности безъ малѣйшаго альтруизма и соціальнаго инстинкта, руководствуясь только честолюбіемъ или тщеславіемъ и выгодой,—таковы всѣ карьеристы и дѣльцы,—но настоящая общественная дѣятельность, въ которой на первомъ планѣ дѣйствительно стоитъ общее благо, должна именно вытекать изъ чистыхъ мотивовъ, изъ альтруистическаго и соціальнаго настроенія, изъ служенія этической идеѣ. Хотя и среди молодежи есть, конечно, и карьеристы, и дѣльцы, но въ большинствѣ случаевъ юношескій идеализмъ съ его этическою подкладкою придаетъ съ этой стороны общественнымъ интересамъ молодежи симпатичный характеръ, каковы бы ни были въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ другія стороны этого явленія, хотя бы, напр., въ томъ случаѣ, когда отдѣльныя лица ради соціальной этики пренебрегаютъ этикою индивидуальною.

Къ сожалѣнію, нерѣдко приходится встрѣчаться съ мнѣніемъ, по которому нравственность и общественная дѣятельность—двѣ вещи совершенно различныя, и по которому первая годна только въ частной жизни, а вторая должна руководиться своими особыми принципами. Я не могу раздѣлять этого мнѣнія и даже считаю нужнымъ возражать. Конечно, „мораль“ и „политика“, какъ любятъ выражаться представители оспариваемаго мною взгляда, двѣ вещи разныя, поскольку одна исходитъ изъ идеи справедливости, а другая—изъ идеи пользы или необходимости, но отсюда еще далеко до раздѣла всей жизни человѣка

Библиотека "Руниверс"

между „моралью“ и „политикой“ въ томъ смыслѣ, чтобы жизнь частная была подчинена одной „морали“, а жизнь публичная—одной „политикѣ“. Дѣло вѣдь въ томъ, что и въ частной своей жизни человѣкъ не можетъ избѣжать „политики“, и что нѣтъ никакихъ резоновъ оставлять „мораль“ за порогомъ, отдѣляющимъ публичную жизнь отъ частной. Жизнь человѣка, дѣйствительно, раздѣлена между „политикой“ и „моралью“, но такъ, что обѣ одинаково дѣйствуютъ въ разнообразныхъ отношеніяхъ какъ частной, такъ и публичной жизни каждой отдѣльной личности. Что частная жизнь не можетъ руководиться только одною „моралью“, это само собою очевидно: самый моральный человѣкъ совершаетъ массу поступковъ исключительно по расчету, и простое чувство самосохраненія заставляетъ его во многихъ случаяхъ быть „политикомъ“. Съ другой стороны, во что бы превратилась общественная дѣятельность, если бы подобно личной жизни она была совершенно освобождена отъ „морали“, чтобы руководствоваться одною только „политикою?“ Вотъ на этомъ-то вопросѣ и нужно намъ остановиться.

Въ общественной дѣятельности мы можемъ различать ея мотивы, ея цѣли и ея средства. Мотивъ, это—то чувство, то побужденіе, которое заставляетъ человѣка заниматься общественною дѣятельностью. Цѣль, это—то состояніе общества, которое должно быть осуществлено данною дѣятельностью, направленною на общество. Наконецъ, какъ и вездѣ, цѣль предполагаетъ средства: послѣдними въ данномъ случаѣ и являются тѣ поступки, изъ коихъ слагается общественная дѣятельность человѣка. Посмотримъ, можно ли освободить какой-либо изъ этихъ моментовъ отъ подчиненія этическому закону?

Человѣкъ можетъ стремиться къ общественной дѣятельности или по своекорыстнымъ, или по идеальнымъ побужденіямъ. Въ первомъ случаѣ ближайшую цѣль своей

Библиотека "Руниверс"

общественной дѣятельности онъ полагаетъ въ самомъ себѣ, во второмъ случаѣ—въ обществѣ. Въ первомъ случаѣ общество получаетъ значеніе средства по отношенію къ цѣли, ему совершенно посторонней, а это искажаетъ самое понятіе общественной дѣятельности, т.-е дѣятельности, направленной въ интересахъ общества. Общественная дѣятельность должна имѣть своимъ объектомъ не просто общество, а общественное благо: кто, выступая въ качествѣ общественнаго дѣятеля, равнодушенъ къ этому благу и смотритъ на общество исключительно съ точки зрѣнія своей личной выгоды, тотъ на самомъ дѣлѣ является не дѣятелемъ, а дѣльцомъ или карьеристомъ. Нравственное чувство не мирится съ такимъ отношеніемъ къ дѣлу, ибо подобное отношеніе противорѣчитъ основному этическому принципу, не позволяющему видѣть въ человѣкѣ,—будетъ ли то отдѣльная личность, или цѣлая группа отдѣльныхъ личностей, т.-е. общество,—видѣть въ человѣческой личности или человѣческомъ обществѣ орудіе или средство для цѣлей, имъ постороннихъ. Объ основаніяхъ этическаго запрещенія относиться къ людямъ, какъ къ вещамъ, было уже достаточно сказано мною въ книжкѣ, посвященной нравственности, а потому я здѣсь и не объясняю, почему дурно выступать на арену публичной дѣятельности безъ этическаго отношенія къ обществу, имѣя въ виду лишь свои выгоды (все равно, матеріальныя или нематеріальныя), безъ внутренняго интереса къ людямъ, безъ любви къ ближнимъ, безъ уваженія къ правамъ чужой личности, безъ побужденій соціальнаго идеализма. Кто сталъ бы утверждать, что общественная дѣятельность можетъ обойтись безъ всего этого, тотъ лишь обнаружилъ бы полное непониманіе сущности и значенія общественной дѣятельности, такъ какъ ставилъ бы ее наряду со всякимъ практическимъ дѣломъ, предаваясь которому, человѣкъ не руководится какими-либо идеальными побужде-

Библиотека "Руниверс"

ніями, а только повинуется необходимости что-нибудь дѣлать, дабы имѣть средства къ жизни.

Итакъ, мотивы общественной дѣятельности, заслуживающей этого названія, заключаются не въ эгоистической, а въ альтруистической сторонѣ человѣческаго бытія. Поэтому и цѣль общественной дѣятельности должна лежать въ самомъ обществѣ. Кто становится общественнымъ дѣятелемъ ради того, чтобы служить исключительно своимъ собственнымъ интересамъ, тотъ поступаетъ безнравственно, и наоборотъ, выступленіе на публичную арену именно ради общаго блага, этого верховнаго критерія этики, есть фактъ нравственный. Недостаточно, однако, чтобы мотивъ общественной дѣятельности былъ нравственнымъ, нужно еще, чтобы и цѣль, поставленная этой дѣятельности, оправдывалась этикой. Повидимому, какъ могло бы возникнуть противорѣчіе въ данномъ случаѣ между мотивомъ и цѣлью, а между тѣмъ это бываетъ сплошь и рядомъ. Я могу выступить совершенно самоотверженнымъ дѣятелемъ, повинуясь своему убѣжденію, требующему отъ меня исполненія извѣстной общественной обязанности, но моя искренность и беззавѣтная преданность взятому на себя дѣлу далеко еще не гарантируютъ того, что я дѣлаю непремѣнно хорошее дѣло. Не всякое общественное убѣжденіе бываетъ разумно и нравственно: человѣкъ можетъ понимать общество, его интересы и свои обязанности по отношенію къ нему фальшиво и невѣрно. Правда, очень часто человѣкъ и не понимаетъ, что цѣль, которую онъ ставитъ своей общественной дѣятельности, съ нравственной точки зрѣнія дурна, но разъ я надлежащимъ образомъ умѣю различать добро и зло и ставлю своей дѣятельности цѣлью то, что не есть добро съ этической точки зрѣнія, я вношу въ свое общественное поведеніе элементъ безнравственности, но вмѣстѣ съ тѣмъ искажаю и самое понятіе общественной дѣятельности. Кто, напр., отожде-

Библиотека "Руниверс"

ставляетъ общественный интересъ съ интересомъ классовымъ или сословнымъ, тотъ не только съуживаетъ и тѣмъ искажаетъ понятіе общества, но и вноситъ въ его пониманіе безнравственное начало, поскольку цѣлью самаго существованія общества ставитъ благо лишь нѣкоторыхъ его членовъ, т.-е. извѣстнаго класса или сословія, а не всего общества, заставляя всѣхъ остальныхъ членовъ общества играть роль служебнаго средства по отношенію къ немногимъ избранникамъ. Если исключительное служеніе интересамъ извѣстной части общества и можетъ получить нравственный характеръ, то лишь въ томъ случаѣ, когда эти интересы заключаются опять-таки въ устраненіи какой-либо неправды, въ возстановленіи какого-либо права, основаннаго на нравственной справедливости и т. п. Во всѣхъ, однако, случаяхъ, когда общественный дѣятель ставитъ своею цѣлью не общее благо, онъ легко впадаетъ въ ошибочное съ нравственной точки зрѣнія пониманіе своихъ общественныхъ обязанностей. Какъ бы тамъ ни было, въ концѣ-концовъ, каждый,—по крайней мѣрѣ, въ чужихъ глазахъ, если только имъ не потерянъ всякій стыдъ,—каждый старается оправдать свою общественную дѣятельность ея нравственною цѣлью, хотя бы при этомъ дѣлались непреднамѣренныя ошибки или сознательныя натяжки.

Нравственная цѣль, вѣрно или невѣрно понимаемая, искренне или неискренне выставляемая, является такимъ образомъ высшей санкціей общественной дѣятельности. Мало того, именно въ примѣненіи главнымъ образомъ къ отношеніямъ общественной жизни высказывается мысль о цѣли, оправдывающей средства. Когда говорятъ, что цѣль оправдываетъ средства, предполагаютъ, во-первыхъ, что рѣчь идетъ о хорошей цѣли, а во-вторыхъ, что средства сами по себѣ безразличны и получаютъ значеніе хорошихъ (или дурныхъ) поступковъ лишь въ зависимости отъ того,

Библиотека "Руниверс"

какой цѣли служатъ. По первому пункту распространяться нечего: само собою разумѣется, что дурное, напр., нехорошее побужденіе, нехорошая цѣль и т. п., ничему не можетъ служить оправданіемъ, такъ какъ дурное можетъ быть, напротивъ, основаніемъ только для осужденія. Другое дѣло—вопросъ о безразличіи средствъ. Въ данномъ случаѣ подъ средствами разумѣются, конечно, поступки, и совершеніе дурныхъ поступковъ думаютъ оправдывать хорошими цѣлями или, что то же, благими намѣреніями. Дѣйствительно ли, однако, это такъ? Нравственное достоинство поступка,—а вѣдь изъ отдѣльныхъ поступковъ и слагается общественная дѣятельность, — обусловливается или побужденіемъ къ его совершенію, или цѣлью, во имя которой онъ совершается. Положимъ, извѣстный благородный мотивъ заставляетъ меня поступить такимъ-то образомъ въ виду ожидаемаго результата: это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о моемъ этическомъ настроеніи, которое, конечно, несовмѣстимо съ не-этическимъ настроеніемъ, дозволяющимъ, однако, въ противорѣчіи съ общей идеей блага совершать одновременно съ этимъ какое-либо зло. Та или другая цѣль хороша, когда она оправдывается съ точки зрѣнія принциповъ этики, но можетъ ли назваться хорошимъ средство, если оно осуждается тѣми самыми принципами, согласіе съ которыми только и дѣлаетъ цѣль хорошею? Этическій законъ есть общій критерій, на основаніи котораго мы должны судить одинаково какъ о достоинствѣ цѣлей, такъ и о достоинствѣ средствъ. Не цѣль оправдываетъ средства, а и сама цѣль, и ведущія къ ней средства должны искать оправданія въ общемъ принципѣ истины и справедливости. Цѣль столь же мало оправдываетъ средства, какъ и средства—цѣль. Опасная сторона іезуитской морали въ томъ и заключается, что въ ней средства подчинены цѣлямъ безъ соподчиненія какъ послѣднихъ, такъ

Библиотека "Руниверс"

и первыхъ однимъ и тѣмъ же нравственнымъ принципамъ. Если цѣль должна быть всегда хороша, то не нужно забывать, что всякое нехорошее средство прямо противорѣчитъ общему принципу хорошей цѣли. Дѣло въ томъ, что каждый поступокъ, разсматриваемый, какъ средство для достиженія извѣстной цѣли, имѣетъ въ виду тотъ или другой желательный результатъ или какъ непосредственную цѣль его совершенія, или только какъ условіе, необходимое для достиженія дальнѣйшей цѣли. Въ первомъ случаѣ средство, которымъ непосредственно осуществляется цѣль, и эта самая цѣль соединены неразрывно въ одно цѣлое, вслѣдствіе чего не можетъ возникнуть между ними никакого внутренняго противорѣчія съ этической точки зрѣнія, хотя бы съ чисто практической точки зрѣнія средство и оказалось не соотвѣтствующимъ цѣли: нравственный поступокъ останется хорошимъ и тогда, когда цѣль его не будетъ достигнута. Другое дѣло, когда поступку ставится дальнѣйшая цѣль, т.-е. когда ближайшій непосредственный результатъ, ожидаемый отъ поступка, не есть его послѣдняя цѣль, когда онъ самъ есть лишь условіе: въ такомъ случаѣ между дальнѣйшею и ближайшею цѣлью поступка можетъ существовать противорѣчіе и именно нравственное противорѣчіе, о которомъ только и идетъ рѣчь, а не простое практическое несоотвѣтствіе, съ коимъ мы встрѣчаемся въ случаѣ нецѣлесообразныхъ поступковъ. Это противорѣчіе возможно лишь въ томъ случаѣ, когда тотъ самый нравственный принципъ, который одобряетъ и предписываетъ стремленіе къ дальнѣйшей цѣли, наоборотъ, осуждаетъ и запрещаетъ стремленіе къ ближайшей цѣли. Положимъ, цѣлью своей общественной дѣятельности я ставлю распространеніе дознанной мною истины: могъ ли бы я, спрашивается, для достиженія этой цѣли пользоваться ложью и обманомъ? Или во имя естественныхъ правъ человѣческой личности я могу по-

Библиотека "Руниверс"

ставить себѣ цѣлью достиженіе извѣстныхъ общественныхъ перемѣнъ, но если при этомъ я буду самъ же нарушать естественныя права личностей, употребляя ихъ, какъ свои орудія, и для того обманывая ихъ, распоряжаясь ими безъ ихъ вѣдома и согласія, не уважая ихъ личнаго достоинства, т.-е. поступая съ ними не такъ, какъ я хотѣлъ бы, чтобы поступали со мною,—развѣ опять я не нарушалъ бы въ своихъ средствахъ того самаго принципа, осуществленіе котораго одно только и придаетъ нравственный характеръ моей цѣли? Въ общественной дѣятельности не должно быть этическаго противорѣчія между цѣлями и средствами, ибо сами средства всегда бываютъ въ то же время и цѣлями, да и сами цѣли становятся средствами по отношенію къ другимъ цѣлямъ: вся существующая въ жизни цѣпь цѣлей, цѣлей-средствъ и средствъ-цѣлей должна подчиняться какому-либо одному принципу, т.-е. или все позволительно, какъ учитъ политическій маккіавелизмъ, и тогда о нравственности не можетъ быть никакой рѣчи, или есть нѣчто, что ни въ какомъ случаѣ непозволительно, и тогда въ общественной дѣятельности нѣтъ и не можетъ быть мѣста для моральнаго іезуитизма. Если нравственное чувство возмущается маккіавелизмомъ и іезуитизмомъ, т.-е. полнымъ отрицаніемъ нравственныхъ началъ въ политикѣ и искаженіемъ ихъ въ морали, оно не дѣлаетъ никакого различія между ученіемъ и поведеніемъ, не имѣющимъ въ своей основѣ никакой этической идеи, не ставящимъ политикѣ никакой нравственной цѣли, съ одной стороны, а съ другой стороны, ученіемъ и поведеніемъ, дозволяющимъ нарушать въ общественной дѣятельности требованія нравственности и тѣмъ самымъ широко открывающимъ доступъ въ общественную жизнь обману, лжи, неправдѣ со всѣми ихъ безнравственными и вредными для общества послѣдствіями.

Библиотека "Руниверс"

Что-нибудь одно, повторяю: или во всемъ одна „политика“ въ смыслѣ теоріи и практики, отрѣшенныхъ отъ всякихъ этическихъ соображеній, или во всемъ „мораль“ въ смыслѣ теоріи и практики, основанныхъ на нравственныхъ принципахъ. Почему то, что̀ осуждается въ частной жизни, въ личныхъ отношеніяхъ, можетъ оправдываться въ публичной сферѣ, въ дѣятельности общественной? Если мои личныя цѣли не оправдываютъ достиженія ихъ безнравственными средствами, почему безнравственныя средства становятся позволительными, когда дѣло идетъ о цѣляхъ общественныхъ? Я хорошо понимаю, почему я не имѣю права не стѣсняться въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ частныхъ цѣлей, но то же самое основаніе не позволяетъ мнѣ считать совершенно безразличными и средства, къ которымъ люди прибѣгаютъ для достиженія цѣлей общественныхъ. Все различіе тутъ въ томъ, что въ одномъ случаѣ дѣло идетъ объ интересѣ одного лица, въ другомъ объ интересѣ общества, а это не создаетъ основанія для того, чтобы удовлетвореніе частныхъ интересовъ могло совершаться лишь подъ условіемъ соблюденія требованій этики, удовлетвореніе же интересовъ общественныхъ—съ нарушеніемъ этихъ требованій. Во-первыхъ, всякій общественный интересъ есть лишь сумма многихъ частныхъ интересовъ, и если бы общественный интересъ оправдывалъ безнравственность, то стоило бы только отдѣльному человѣку соединить свой частный интересъ съ одинаковыми интересами другихъ лицъ, чтобы откинуть въ своей дѣятельности всѣ нравственныя соображенія. Во-вторыхъ, хотя частное и должно склоняться передъ общимъ, тѣмъ не менѣе индивидуумъ въ самомъ себѣ носитъ извѣстныя права, нарушеніе которыхъ не можетъ быть оправдано никакими общественными соображеніями: въ своихъ интересахъ, вѣрно или невѣрно понимаемыхъ, общество не имѣетъ нравственнаго

Библиотека "Руниверс"

права ни убивать людей, ни калѣчить ихъ, ни насиловать ихъ совѣсть, ни продавать ихъ въ рабство и т. п. Если частный интересъ и долженъ быть подчиненъ интересу общественному, то только во имя извѣстнаго этическаго принципа, но во имя того же самаго принципа и права́ общества должны имѣть ограниченіе въ правахъ индивидуума. Нравственное побужденіе, заставляющее работать на пользу другихъ людей, къ которой въ концѣ концовъ и сводится всякій общественный интересъ, имѣетъ тотъ же источникъ, въ которомъ коренится и нравственное отвращеніе отъ нанесенія вреда другимъ людямъ. Между тѣмъ формула: „цѣль оправдываетъ средства“ заставляетъ человѣка совершать въ одно и то же время правду и неправду. Въ-третьихъ, по этой формулѣ въ томъ безнравственномъ пониманіи, въ какомъ мы ее разсматриваемъ, цѣлью, для осуществленія коей дозволяется прибѣгать къ дурнымъ средствамъ, является благо всего общества, средства же оказываются приносящими зло лишь нѣкоторымъ лицамъ, при чемъ предполагается, что для великаго блага всѣхъ позволительно причинять зло немногимъ. Говоря объ этомъ, я устраняю всѣ случаи, когда причиненіе зла имѣетъ свой источникъ въ чувствѣ мести, ибо какъ въ частныхъ отношеніяхъ, такъ и въ общественной жизни, поступки, имѣющіе характеръ мщенія, имѣютъ своею цѣлью не объективное благо другихъ, а удовлетвореніе субъективнаго настроенія мстящаго. Смертная казнь за убійство есть въ сущности месть убійствомъ же за убійство, причемъ человѣку ставится въ вину то же самое, что̀ продѣлывается потомъ надъ нимъ самимъ, хотя при этомъ и думаютъ посредствомъ устрашенія достигнуть и объективныхъ результатовъ („дабы другимъ неповадно было“). Политическіе убійцы тоже подводятъ свое преступленіе подъ понятіе казни, совершаемой отъ имени (хотя и не по уполномо-

Библиотека "Руниверс"

ченію) общества надъ лицами, которыхъ они считаютъ врагами общества, причемъ и тутъ казнь прежде всего имѣетъ характеръ мести, потомъ устрашенія. Когда въ ходъ пускаются такія средства, рѣчь можетъ идти не объ общественной дѣятельности, но о войнѣ, въ которой люди убиваютъ другъ друга, какъ враговъ, которымъ нужно мстить, которыхъ нужно устрашать. Конечно, и общественная дѣятельность предполагаетъ борьбу. Ученіе о несопротивленіи злу можетъ завести слишкомъ далеко, если будетъ запрещать самозащиту, защиту слабыхъ, защиту правды, немыслимыя безъ борьбы съ насильниками и вредными людьми, и въ положеніи необходимой обороны человѣкъ вынужденъ бываетъ иногда вступать на путь войны, но сама по себѣ война съ ея хитростями и насиліями, съ ея убійствами и устрашеніями есть зло, есть явленіе безнравственное и противообщественное. Я говорю здѣсь лишь о той общественной борьбѣ, которая ведется мирнымъ путемъ. Если современное правосознаніе даже на войнѣ не все считаетъ дозволительнымъ, то тѣмъ болѣе должно это имѣть мѣсто въ дѣятельности мирной. Общественная борьба не оправдываетъ употребленія безчестныхъ или преступныхъ средствъ. Нравственное чувство запрещаетъ путемъ интриги устранять своего противника. Чувство чести не можетъ примириться съ вѣроломствомъ по отношенію къ противникамъ. Тотъ аргументъ, будто „слово, данное еретику, недѣйствительно“,— аргументъ, которымъ убѣдили императора Сигизмунда нарушить обѣщаніе, данное Гусу относительно его безопасности,—есть лишь частное примѣненіе безнравственнаго правила, по которому противъ врага все дозволено. Общественная борьба немыслима безъ боевыхъ средствъ, наносящихъ вредъ врагамъ общественнаго блага, и въ этомъ смыслѣ она, конечно, уподобляется войнѣ, но эта война должна напоминать не кровавыя битвы и убійства мирныхъ

Библиотека "Руниверс"

жителей, а состязанія, въ которыхъ отъ противниковъ требуется соблюденіе извѣстныхъ правилъ. Передержка или подтасовка въ устномъ спорѣ или печатной полемикѣ, допущенная моимъ противникомъ, не даетъ мнѣ права мстить ему тѣмъ же, если я, дѣйствительно, ищу только истины и защищаю справедливость, а не хочу всѣми средствами доставить побѣду своему, хотя бы и невѣрному взгляду или неправому дѣлу. Если нанесеніе ударовъ противнику безъ употребленія безчестныхъ или преступныхъ средствъ не только можетъ требоваться соображеніями общественной пользы, но и не осуждается нравственнымъ чувствомъ, а во многихъ случаяхъ даже имъ предписывается (когда именно приходится защищать правое дѣло), то именно потому, что въ подобныхъ случаяхъ общественная цѣль достигается безъ причиненія кому-либо зла, понимаемаго въ смыслѣ нравственно предосудительныхъ дѣйствій: непріятность, полученная отъ меня вреднымъ для общества человѣкомъ, который, однако, не могъ бы при этомъ доказать, что мои цѣли или мои средства въ нравственномъ отношеніи дурны, не есть зло, а скорѣе добро, ибо такая непріятность можетъ быть только справедливымъ возмездіемъ за неправоту такого человѣка, за его дурныя цѣли и дурныя средства. Конечно, непріятно быть побѣжденнымъ въ спорѣ, но если это есть побѣда истины надъ заблужденіемъ или прямоты надъ изворотливостью, она есть благо. Точно такъ же нужно разсуждать и о вредѣ, который я могу причинить, не прибѣгая къ безчестнымъ и преступнымъ средствамъ, тому же врагу общественнаго блага, моему противнику въ общественной борьбѣ: если ближайшею цѣлью нанесенія этого вреда является устраненіе возможности, какую данный человѣкъ имѣетъ вредить обществу, и оно не переходитъ за границы того, гдѣ начинаются уже месть и устрашеніе, то и это не есть зло, ибо устраненіе во имя общаго блага

Библиотека "Руниверс"

возможности нанесенія ему вреда, достигаемое нравственно дозволительными средствами, есть добро, и вредъ, причиненный противнику, не выходитъ за границы его обезоруженія. Итакъ, когда говорятъ о причиненіи зла немногимъ ради общаго блага, то имѣютъ въ виду или войну, которая есть явленіе не только безнравственное, но и противообщественное, или общественную борьбу мирными и нравственно дозволительными средствами, которая, однако, никому зла не причиняетъ; то, что̀ при такой борьбѣ можетъ быть непріятно либо вредно противнику, является лишь или естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ его собственнаго поведенія (напр., уличеніе во лжи), или только его обезоруженіемъ, разъ онъ пускаетъ въ ходъ дурныя средства (напр., созданіе мелкаго кредита для крестьянъ, невыгоднаго для ростовщиковъ).

Но покупка общаго блага цѣною того, что̀ отдѣльнымъ лицамъ можетъ быть непріятно или вредно, предполагаетъ и другую категорію случаевъ, не только тѣхъ случаевъ, когда этими лицами являются люди, въ которыхъ видятъ враговъ общества или противниковъ общественнаго блага. На войнѣ не только убиваютъ непріятелей, но и подвергаютъ себя опасности быть убитыми. Смерть есть зло, но̀ безъ отдачи себя на смерть невозможно то общественное благо, которое заключается въ побѣдѣ. Многіе думаютъ, что̀ какъ на войнѣ солдаты являются лишь слѣпыми орудіями вождей, дѣйствующихъ во имя блага того цѣлаго, которое называется арміей, такъ и въ общественной дѣятельности позволительно видѣть въ людяхъ, въ помощи и содѣйствіи которыхъ эта дѣятельность нуждается, лишь простыя орудія, необходимыя для достиженія цѣли, и притомъ орудія тѣмъ лучшія, чѣмъ они болѣе слѣпы и пассивны. Валленштейну или Наполеону нужны были не люди, а „пушечное мясо“, и это нехорошо не только потому, что своей дѣятельности оба они ставили

Библиотека "Руниверс"

чисто эгоистическія цѣли, но и потому, что они относились къ людямъ, какъ къ средствамъ для достиженія цѣлей, этимъ людямъ совершенно постороннихъ. Чтобы сдѣлать человѣка слѣпымъ и послушнымъ орудіемъ другого, какія бы цѣли этотъ другой себѣ ни ставилъ, нужно или обмануть, или развратить человѣка, скрыть отъ него правду или часть правды, лишить его или не дать въ немъ развиться способности самостоятельно мыслить, заглушить въ немъ голосъ его собственной совѣсти или дѣйствовать на чувство ложнаго стыда, потакать его дурнымъ наклонностямъ и страстямъ, или придавать имъ въ его глазахъ не то значеніе, какое онѣ въ дѣйствительности имѣютъ, устрашать его местью за неповиновеніе, противодѣйствуя въ то же время всякой его попыткѣ эманципироваться, стать на свои ноги, смотрѣть на вещи своими глазами, подчиняться голосу собственнаго нравственнаго чувства и вести себя такъ, какъ то подобаетъ свободной личности, а не слѣпому и пассивному орудію чужой воли. Іезуитизмъ, оправдывающій цѣли средствами, возвелъ въ искусство такую дрессировку человѣческой личности, сочетавъ въ себѣ принципы военной команды, распоряжающейся людьми, какъ „пушечнымъ мясомъ“, и принципы тайныхъ обществъ, вожаки которыхъ тоже весьма часто скрываютъ отъ обыкновенныхъ членовъ свои настоящія цѣли, умышленно поддерживаютъ въ нихъ заблужденія, признаваемыя выгодными для дѣла, связываютъ ихъ страшными клятвами и не останавливаются передъ террористическими мѣрами для поддержанія между ними повиновенія и дисциплины. Остановимся еще немного на такой аберраціи нравственнаго чувства, когда ради хорошей общественной цѣли считаютъ позволительнымъ прибѣгать къ средствамъ, этически предосудительнымъ, т.-е. ради блага всѣхъ или многихъ дѣлать зло нѣкоторымъ или немногимъ, напр., пользуясь послѣдними, какъ слѣ-

Библиотека "Руниверс"

пыми орудіями, обманывая ихъ, или безъ ихъ вѣдома, разумѣнія и свободнаго согласія ставя ихъ въ опасное положеніе, или посылая на неминуемую гибель: благая общественная цѣль и съ разсматриваемой точки зрѣнія не оправдываетъ безнравственныхъ средствъ, напр., лжи, обмана, пользованія чужимъ неразуміемъ, неопытностью, довѣрчивостью и т. п. Еще на-двое и даже не на-двое, а иногда лишь съ самою малою долею вѣроятности можно сказать, послужатъ ли такія средства къ осуществленію отдаленной, конечной цѣли такого образа дѣйствій, тогда какъ ближайшая-то цѣль, ради которой совершается безнравственный поступокъ, или непосредственный, естественно и необходимо изъ этого образа дѣйствій вытекающій результатъ или непремѣнно получится, или будетъ болѣе, чѣмъ вѣроятенъ. Если ничто великое не дѣлается безъ жертвъ, то это даетъ право, а иногда вмѣняетъ даже въ обязанность жертвовать собою, своимъ счастьемъ, своей свободой, своей жизнью, но ничто не даетъ права человѣку, ссылаясь на цѣль, оправдывающую средства, жертвовать счастьемъ, свободой, жизнью другихъ людей только потому, что подобныя жертвы кажутся человѣку необходимыми для общаго блага, и онъ на основаніи предположеній, которыя могутъ оказаться и ошибочными, пользуется чужимъ непониманіемъ или намѣренно вводитъ другихъ въ заблужденіе, дабы приносить ихъ въ жертву своей идеѣ. Ни одинъ разумный человѣкъ не захочетъ, чтобы съ нимъ такъ поступали, а нравственный человѣкъ не захочетъ обращаться съ другими такъ, какъ не хотѣлось бы ему, чтобы другіе съ нимъ обращались. Конечно, это — главный аргументъ противъ оправдыванія безнравственныхъ средствъ нравственными цѣлями, но если бы онъ одинъ не имѣлъ силы, то неужели ему не должно придать убѣдительности и то соображеніе, что полученіе желательнаго результата отъ употребляемаго

Библиотека "Руниверс"

средства, которое и пускается въ ходъ ради этого результата, есть еще вещь проблематическая, тогда какъ непосредственное, естественное и необходимое слѣдствіе, вытекающее изъ дурного поступка, не подлежитъ никакому сомнѣнію? Наконецъ, нельзя безнаказанно пользоваться дурными средствами ради хорошей цѣли: умъ — великій софистъ, а привычка дѣлается второй натурой, такъ что человѣку, желающему быть общественнымъ дѣятелемъ, но не желающему быть щепетильнымъ въ нравственномъ отношеніи, весьма легко изолгаться и измошенничаться. И другія наказанія влечетъ за собою политика, оправдывающая средства ради цѣли. Для искренняго человѣка, дѣйствительно дорожащаго тѣмъ дѣломъ, которому онъ служитъ, и особенно дорожащаго людьми, дѣлающими съ нимъ одно и то же дѣло, весьма важно довѣріе друзей и уваженіе недруговъ, ибо и то, и другое можетъ идти только на пользу дѣла. Возможно ли довѣріе къ общественному дѣятелю, не стѣсняющемуся ничѣмъ въ выборѣ своихъ средствъ? Полезно ли для дѣла, когда недруги могутъ бросить его сторонникамъ упрекъ, что ведется оно нечистыми средствами?

Но довольно объ этомъ. Пусть каждый, кому еще не приходилось серьезно задумываться надъ вопросомъ объ общественной дѣятельности, поразмыслитъ хорошенько на тему о взаимныхъ отношеніяхъ между нравственностью и общественной дѣятельностью, взятой со стороны побужденій къ ней, ея цѣлей и ея средствъ. Я же сказалъ свое: ни въ своихъ мотивахъ, ни въ своихъ задачахъ, ни въ своихъ проявленіяхъ общественная дѣятельность, по моему глубокому убѣжденію, не должна быть дѣломъ, свободнымъ отъ контроля нравственнаго чувства и этическихъ соображеній. Мало того: поскольку общественная дѣятельность есть лишь одна изъ сторонъ духовной жизни личности, а въ этой жизни долженъ царствовать прав-

Библиотека "Руниверс"

ственный законъ, постольку и въ общественной дѣятельности должно проявляться идеальное этическое начало человѣка.

Есть и еще соображенія, говорящія въ пользу неотдѣленія общественной дѣятельности отъ нравственности. Если послѣдняя признаётся обязательною въ частной жизни, то вѣдь, строго говоря, граница между частною жизнью и общественною дѣятельностью есть лишь нѣчто условное. По тѣсной связи, существующей между людьми, членами общества, между личностью и обществомъ съ его культурно-соціальными формами и порядками, каждый поступокъ человѣка имѣетъ то или другое общественное значеніе, приноситъ пользу либо вредъ другимъ людямъ или хотя бы является просто безполезнымъ, что тоже имѣетъ общественное значеніе, разъ это даетъ право смотрѣть на многихъ людей, какъ на ненужное бремя, и кромѣ того, каждый поступокъ такъ или иначе поддерживаетъ или разрушаетъ данныя формы и порядки общества. Человѣкъ въ своей частной жизни можетъ быть поэтому для общества величиною положительною или отрицательною, дѣятелемъ прогресса, застоя или регресса, хотя бы онъ не ставилъ себѣ ровно никакихъ общественныхъ цѣлей, а занимался исключительно своимъ частнымъ дѣломъ, своимъ хозяйствомъ, своимъ ремесломъ, своей профессіей, по которымъ, однако, онъ неминуемо приходитъ въ то или другое соприкосновеніе съ другими людьми и съ общественными отношеніями. Однимъ словомъ, частной жизни, совершенно изолированной, въ человѣческомъ обществѣ нѣтъ и быть не можетъ. Въ интересахъ собственнаго своего существованія общество поддерживаетъ всѣми находящимися въ его распоряженіи способами (нравами, воспитаніемъ, религіей, общественнымъ мнѣніемъ, законодательствомъ) нравственность въ тѣхъ отношеніяхъ, изъ которыхъ складывается частная жизнь

Библиотека "Руниверс"

его членовъ: было бы странно, если бы общественный интересъ не требовалъ соблюденія извѣстныхъ этическихъ нормъ и въ отношеніяхъ, которыя образуютъ общественную дѣятельность. Нравственныя правила, получающія общественную санкцію, имѣютъ своимъ предметомъ не что иное, какъ поступки, касающіеся другихъ людей, но изъ такихъ поступковъ складывается не только то поведеніе личности, которое подходитъ подъ рубрику частной жизни, но и то поведеніе, которому мы даемъ названіе общественной дѣятельности. Послѣдняя есть только квалифицированное поведеніе: въ концѣ концовъ и она сводится къ отдѣльнымъ поступкамъ личности, касающимся другихъ людей, и разъ всѣ такіе поступки должны подчиняться требованіямъ нравственности, для насъ должно быть рѣшительно все равно, касаются ли эти поступки членовъ нашей семьи, нашихъ родныхъ, друзей, пріятелей, знакомыхъ и т. п., съ которыми мы находимся въ такъ называемыхъ частныхъ отношеніяхъ, или же они, поступки эти, будутъ касаться людей, съ которыми намъ приходится сталкиваться въ нашей общественной дѣятельности, напр., съ которыми, для которыхъ, противъ которыхъ и т. д. мы именно и дѣйствуемъ. Когда говорятъ, что цѣль оправдываетъ средства, разумѣя подъ послѣдними поступки, какихъ не стали бы оправдывать, если бы они совершались не ради данной цѣли, то имѣются въ виду или такіе поступки, совершеніе коихъ несовмѣстимо съ нравственнымъ достоинствомъ дѣйствующаго лица, или такіе, которыми нарушается чье-либо чужое право. Если человѣкъ воленъ распоряжаться и жертвовать самимъ собою, своею жизнью, но не имѣетъ права распоряжаться и жертвовать другими людьми, то ему самому судить, можетъ ли онъ и долженъ ли ради какой-либо высокой цѣли приносить въ жертву свое нравственное достоинство, унижая себя въ собственныхъ глазахъ

Библиотека "Руниверс"

совершенiемъ противнаго совѣсти поступка, но это ни малѣйшимъ образомъ не уполномочиваетъ его дѣлать что-либо вредное для другихъ людей, часто ни въ чемъ неповинныхъ, оскорблять ихъ человѣческое достоинство, нарушать ихъ законныя права. Разъ общественная дѣятельность въ послѣднемъ анализѣ сводится къ отдѣльнымъ поступкамъ, касающимся другихъ людей, она не можетъ не подчиняться тѣмъ общимъ правиламъ, которыя общество санкцiонируетъ въ своихъ собственныхъ интересахъ, т.-е. въ интересахъ всѣхъ своихъ членовъ. Если вообще нравственно относиться къ людямъ, какъ къ личностямъ, въ себѣ самихъ составляющимъ цѣль собственнаго существованiя, а не какъ къ вещамъ, которыми можно пользоваться въ качествѣ средствъ и орудiй для цѣлей, имъ постороннихъ, то это отношенiе должно лежать одинаково въ основѣ какъ частнаго, такъ и публичнаго нашего поведенiя. Если общественная дѣятельность получаетъ разумный и нравственный смыслъ лишь подъ условiемъ стремленiя къ являющемуся ея цѣлью общему благу, т.-е. къ благу отдѣльныхъ личностей, видящихъ въ себѣ цѣль собственнаго своего существованiя и не желающихъ быть средствами и орудiями для цѣлей, имъ постороннихъ, то было бы неразумно и безнравственно въ отдѣльныхъ поступкахъ, расчитанныхъ на достиженiе общихъ культурныхъ и соцiальныхъ результатовъ, но въ то же время касающихся и тѣхъ или другихъ людей, проявлять неуваженiе къ жизни, свободѣ, благосостоянiю, достоинству и правамъ человѣческой личности.

У человѣка, кромѣ обязанностей по отношенiю къ другимъ людямъ, есть и обязанности по отношенiю къ самому себѣ. Эту мысль я нарочно подчеркиваю въ книжкѣ объ основахъ нравственности. Я только-что сказалъ, что человѣкъ воленъ распоряжаться самъ собою, смотрѣть на себя, на свою дѣятельность, какъ на сред-

Библиотека "Руниверс"

ство для достиженія какой-либо идейной цѣли, жертвовать своею жизнью, своею свободою, своимъ достояніемъ, своими правами, и въ этомъ заключается одна изъ величайшихъ добродѣтелей человѣка, дѣлающая общественнаго дѣятеля героемъ, но есть нѣчто, пожертвовать чѣмъ покажется постыднымъ и каждому герою гражданской доблести: это — унизить себя отреченіемъ отъ своего убѣжденія, поступить противъ голоса своей совѣсти, положить пятно на свою честь. Если бы правило: „цѣль оправдываетъ средства"—было вѣрно, то ради общественной цѣли человѣкъ имѣлъ бы право не только совершать дурные поступки по отношенію къ другимъ людямъ, но и искажать свою собственную нравственную природу, поступаясь, разъ цѣль все оправдываетъ, своими убѣжденіями, заглушая въ себѣ голосъ совѣсти, ни во что не ставя требованія чести. Чѣмъ были бы убѣжденія и нравственныя правила, совѣсть и стыдъ, честь и человѣческое достоинство, если бы наше поведеніе въ общественныхъ дѣлахъ получало тотъ или другой характеръ лишь въ зависимости отъ своей цѣли, а средства для ея достиженія сами по себѣ были вполнѣ безразличными? Чѣмъ былъ бы, спрошу я еще, и самъ общественный дѣятель, который сталъ бы смотрѣть на убѣжденія, на совѣсть, на честь, какъ на вещи сами по себѣ безразличныя и лишь условно бывающія дурными и хорошими? Кто привыкъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ руководиться нравственными нормами, голосомъ совѣсти, требованіями чести, тотъ, конечно, не станетъ полагать границы между частной и публичной своею жизнью, чтобы одни и тѣ же отношенія къ людямъ въ частныхъ своихъ дѣлахъ подчинять этическимъ принципамъ, а въ дѣятельности общественной эти принципы игнорировать.

Такъ представляются мнѣ взаимныя отношенія „морали" и „политики", беря оба термина въ особенномъ,

Библиотека "Руниверс"

условномъ значеніи. Я думаю именно, что „мораль“ должна вѣдать не одну только частную жизнь, но и общественную дѣятельность, какъ, съ другой стороны, безъ „политики“ нельзя обойтись не только въ общественной дѣятельности, но и въ частныхъ отношеніяхъ. Я разумѣю здѣсь подъ „политикой“ всякій образъ дѣйствій, который внушается не убѣжденіемъ, а расчетомъ. Человѣкъ индивидуальный и человѣкъ коллективный, т.-е. общество, живетъ не однимъ нравственнымъ и справедливымъ, но и выгоднымъ, и полезнымъ. Иначе и быть не можетъ, разумѣется. Этика не осуждаетъ стремленія вообще къ пользѣ и къ выгодѣ, порицая лишь исключительное къ нимъ стремленіе и особенно принесеніе имъ въ жертву нравственнаго и справедливаго. Польза, требующая нарушенія справедливости, не можетъ быть общею пользою, разъ кому-нибудь она приноситъ вредъ, но требованіе справедливости, хотя бы исполненіе этого требованія было кому-либо невыгодно, не ведетъ къ нарушенію общей пользы. Истинно полезно лишь то, что̀ справедливо, и если цѣль общественной дѣятельности—общая польза, то основнымъ правиломъ ея должна быть справедливость.

Общественная дѣятельность, чтобы быть достойною этого названія, должна быть въ своемъ источникѣ и въ своихъ результатахъ, въ своей цѣли и своихъ средствахъ дѣятельностью нравственною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственная жизнь человѣка не развертываетъ всего своего содержанія, если замыкается въ сферу чисто личныхъ отношеній частнаго характера. Конечно, этическія отношенія отличны отъ отношеній культурныхъ, экономическихъ, юридическихъ и политическихъ, изъ которыхъ и складывается то, что̀ мы зовемъ общественною жизнью; но различіе заключается не въ томъ, будто первыя имѣютъ исключительно частный, а остальныя—публичный характеръ: оно

Библиотека "Руниверс"

заключается въ точкѣ зрѣнія на человѣка, возьмемъ ли мы его особнякомъ или въ націи, обществѣ, государствѣ, ибо только съ этической точки зрѣнія человѣкъ есть личность съ присущими ей достоинствомъ и правами, тогда какъ съ другихъ точекъ зрѣнія это будетъ или составная часть какой-либо національности, клѣточка соціальнаго организма, производитель и потребитель матеріальныхъ продуктовъ, субъектъ правъ, санкціонированныхъ законодательствомъ, подданный или гражданинъ государства. Правильно ли практическое отношеніе къ обществу, которое и есть общественная дѣятельность, разъ оно не будетъ проникнуто этическими элементами общаго блага и уваженія къ достоинству и правамъ человѣческой личности?

Интересъ къ общественнымъ вопросамъ въ лучшей части молодежи имѣетъ главнымъ образомъ этическій источникъ: отвлеченная теорія, составляющая предметъ спеціальнаго интереса ученыхъ, и житейская практика, заставляющая интересоваться общественными дѣлами по зависимости отъ нихъ нашихъ личныхъ дѣлъ, въ данномъ случаѣ играютъ весьма незначительную роль, ибо, съ одной стороны, не всѣ родятся съ задатками ученыхъ, изслѣдователей, мыслителей, а съ другой,—нужно уже пожить, чтобы быть приведеннымъ практикой жизни къ занятію общественными дѣлами. Разъ, однако, это такъ, т.-е. если вѣрно, что общественный интересъ молодежи имѣетъ этическій источникъ, то пусть она дѣлаетъ отсюда и надлежащіе выводы относительно своей будущей общественной дѣятельности. Пусть въ ея представленіи общественная дѣятельность во всѣхъ своихъ сторонахъ и проявленіяхъ будетъ проникнута этическимъ отношеніемъ къ обществу и къ отдѣльнымъ человѣческимъ личностямъ! Пусть, далѣе, молодежь пойметъ, что нельзя построить соціальной этики на какомъ-либо иномъ фундаментѣ, кромѣ этики индивидуальной! Пусть поэтому она ради теоретическаго занятія об-

Библиотека "Руниверс"

щественными вопросами не пренебрегаетъ занятіемъ вопросами этическими! Кто несогласенъ съ основной этической точкой зрѣнія, на которую я приглашаю стать своихъ читателей при теоретическомъ разсмотрѣніи вопроса объ общественной дѣятельности, тотъ въ дальнѣйшемъ не найдетъ, чего ищетъ.

II. Цѣль жизни и жизненное призваніе.

Свои „Мысли объ основахъ нравственности" я началъ съ вопроса о цѣли жизни. Я думаю, что это одинъ изъ первыхъ по своей жизненной, т.-е. практической и этической важности вопросовъ всякаго міросозерцанія. Я высказалъ, далѣе, ту мысль, что поставить цѣль своей жизни можетъ и долженъ каждый самъ для себя, что никто не имѣетъ права навязывать другимъ свое пониманіе цѣли жизни и требовать отъ другихъ, чтобы они стремились не къ той цѣли, которую они сами себѣ поставили. Личность человѣка должна быть свободна въ выборѣ своихъ цѣлей. Это долженъ помнить и каждый общественный дѣятель, разъ онъ самъ чувствуетъ себя свободною человѣческою личностью и является таковою на самомъ дѣлѣ. Если, однако, нельзя навязывать другимъ свое пониманіе цѣли жизни, то отсюда отнюдь, конечно, не вытекаетъ, чтобы нельзя было доказывать другимъ невѣрности ихъ взгляда, когда они ошибаются, и убѣждать ихъ въ истинности своего, разъ въ этой истинности самъ не сомнѣваешься. Да, доказывать и убѣждать, а не навязывать, т.-е. обращаться къ разуму и къ совѣсти, а не дѣйствовать на неясныя стремленія и смутныя чувствованія, хотя бы этимъ путемъ достигалось быстрѣе и легче внушеніе другому тѣхъ мыслей, которыя желаютъ сдѣлать

Библиотека "Руниверс"

его мыслями. Истинной наукѣ и этикѣ, этимъ единственно надежнымъ органомъ разума и совѣсти, чужды догматизмъ, фанатизмъ и деспотизмъ безсознательнаго внушенія, преднамѣреннаго навязыванія, духовнаго насилія надъ умомъ и волею другого человѣка. Мое пониманіе цѣли жизни есть дѣло моей мысли и моей совѣсти, а мысль и совѣсть должны быть свободны, иначе пришлось бы вернуться на путь религіозныхъ гоненій, на путь преслѣдованій за то, что составляетъ содержаніе вѣры человѣка. Никто не имѣетъ права требовать отъ человѣка, чтобы онъ думалъ или вѣрилъ иначе, чѣмъ онъ думаетъ и вѣритъ. Можно только требовать отъ человѣка, чтобы онъ не совершалъ безнравственныхъ дѣяній, но нельзя навязывать ему, чтобы онъ дѣлалъ не то, что хочетъ дѣлать.

Ставя себѣ самъ цѣль своей жизни, человѣкъ самъ же долженъ найти или опредѣлить свое жизненное призваніе. Каста, заранѣе предначертывающая человѣку весь его жизненный путь, разъ человѣкъ этотъ родился въ извѣстномъ состояніи, и тяглое государство, прикрѣпляющее личность къ извѣстной „службѣ“ помимо ея желанія и согласія, нарушаютъ право личности самой ставить цѣль своей жизни, самой находить свое дѣло. Въ идеальномъ обществѣ каждый долженъ былъ бы сдѣлаться тѣмъ, къ чему чувствовалъ бы наибольшее расположеніе, влеченіе, стремленіе, наибольшую склонность и способность. Человѣкъ, имѣющій возможность свободнаго выбора, но самъ не выбирающій, а предоставляющій все дѣло обстоятельствамъ и случайностямъ, подчиняющійся чужому примѣру, чужому внушенію, чужой волѣ, не пользуется своимъ естественнымъ правомъ. Человѣкъ, стремящійся въ другихъ замѣнить самостоятельный и свободный выборъ, основанный на всестороннемъ и подробномъ разсмотрѣніи вопроса, внушеніемъ имъ своего безаппелляціоннаго взгляда на дѣло, дѣйствуя, напр., на незнаніе, неопытность, по-

Библиотека "Руниверс"

датливость и не стараясь просвѣтить ихъ умъ и нравственное чувство,—равнымъ образомъ мѣшаетъ другимъ пользоваться ихъ правомъ. Пусть каждый прежде всего „познаетъ самого себя“ и опредѣлитъ свое жизненное призваніе въ зависимости отъ наклонностей и способностей своей природы. Попасть въ жизни не на свое мѣсто, взять дѣло не по своимъ способностямъ или силамъ, выбрать занятіе, къ которому не чувствуешь внутренней склонности, стать въ положеніе, требующее совершенія поступковъ, которыхъ внутренне не оправдываешь, все это—великое несчастье для человѣка, вносящее въ его жизнь только одни сожалѣнія, одно недовольство самимъ собою и своей обстановкой, одну фальшь. Между тѣмъ очень нерѣдко такой ложный шагъ дѣлаетъ человѣкъ и по своей винѣ, а не внѣшнія обстоятельства не даютъ ему возможности выбирать, не представляютъ для него иного исхода. Виноватъ человѣкъ въ фальши собственнаго своего положенія, когда не столько извнутри, изъ самого себя опредѣляетъ свое жизненное призваніе, а ищетъ его внѣ себя, требуетъ отъ другихъ этого опредѣленія, какъ готоваго шаблона, общаго рецепта, точно можно найти сапоги или платье, которые были бы всѣмъ впору или всѣмъ по росту. Къ сожалѣнію, нѣтъ недостатка въ людяхъ, которые находятъ возможнымъ предлагать ищущимъ, что имъ дѣлать, именно такіе шаблоны и рецепты, словно всѣ люди сами сшиты по одной колодкѣ, сдѣланы по одной мѣркѣ, отлиты въ одной формѣ. Человѣка нужно учить, развивая въ немъ мыслительную способность, умѣніе анализировать явленія жизни и продукты чужого и собственнаго мышленія, привычку критически относиться къ каждому вопросу и каждому его рѣшенію, обогащая его умъ фактическимъ и идейнымъ знаніемъ и тѣмъ помогая ему въ его исканіи цѣли жизни, въ его стремленіи найти свое жизненное призваніе: это — путь ума, путь изслѣдованія, ана-

Библиотека "Руниверс"

лиза, критики, путь доказательства и убѣжденія, путь знанія и науки, путь наиболѣе вѣрный и надежный. Другое дѣло—дать догматическое опредѣленіе цѣли жизни, для всѣхъ одинаковое, не принимающее въ расчетъ разнообразія индивидуальныхъ особенностей и не допускающее критическаго обсужденія общей формулы съ различныхъ точекъ зрѣнія, которыя должны порождаться этими особенностями; другое также дѣло—дать и общій рецептъ жизни, не взирая, что само общество нуждается въ разнообразіи дѣятельностей, да и разные люди могутъ удовлетворяться только извѣстными занятіями, хорошо исполнять только извѣстныя дѣла. Указывать *такимъ* образомъ на жизненную дорогу значитъ толкать на путь господства смутныхъ чувствованій и неясныхъ стремленій, на путь слѣпой вѣры, на путь догматическаго внушенія и навязыванія, на путь чужой, а не своей мысли или воли. Вотъ почему, говоря объ общественной дѣятельности, я не даю никакого общаго для всѣхъ рецепта. Я не знаю, *что̀* нужно дѣлать всѣмъ. Я знаю только, что̀ *мнѣ* нужно дѣлать, и я это дѣлаю, но я не знаю, *что̀* всѣмъ одинаково нужно дѣлать, и даже прямо думаю, что такого дѣла нѣтъ и быть не можетъ. То, что̀ я дѣлаю, я считаю, однако, хорошимъ, нравственнымъ, полезнымъ, нужнымъ для общества, но хорошими, нравственными, полезными, нужными для общества я считаю и многія другія дѣла, и если я ими не занимаюсь, то потому, что у меня нѣтъ къ нимъ ни внутренняго влеченія, ни необходимыхъ способностей, ни надлежащаго умѣнія, ни свободнаго времени, наконецъ. Итакъ, я не могу сказать, что̀ нужно дѣлать всѣмъ, но я могу сказать зато, *ка̀къ* нужно выбирать себѣ дѣло, и *какія дѣла*—хорошія, нравственныя, полезныя, нужныя для общества. И это очень просто: поменьше догматизма при опредѣленіи своего собственнаго призванія, поменьше фанатизма и деспотизма со стороны тѣхъ, которые имѣютъ возмож-

Библиотека "Руниверс"

ность влiять на чужой выборъ. А чтобъ узнать, что хорошо, что нравственно, что полезно, что нужно для общества, тоже слѣдуетъ поменьше полагаться на готовыя формулы, побольше думать, побольше читать по этикѣ, по соцiальнымъ наукамъ, по исторiи. Кто ищетъ путей жизни, тотъ не долженъ думать, будто вѣрное рѣшенiе своего жизненнаго вопроса онъ можетъ найти совсѣмъ готовымъ въ какой-либо придуманной другими формулѣ, въ какомъ-либо сочиненномъ другими рецептѣ, въ какой-либо выставленной другими программѣ, безъ собственнаго исканiя, изслѣдованiя, размышленiя, безъ всякихъ усилiй, безъ всякаго труда съ своей стороны, единственно на почвѣ инстинкта, чувства, настроенiя: инстинктъ слѣпъ, чувство не помогаетъ, а скорѣе мѣшаетъ уму находить истину, а всякiя настроенiя вообще отличаются большою подвижностью и измѣнчивостью.

Итакъ, я отказываюсь дать готовый рецептъ общественной дѣятельности. Это не значитъ, чтобы у меня не было опредѣленной формулы *моей* общественной дѣятельности, чтобы я не считалъ своего дѣла жизненнымъ призванiемъ, оправдываемымъ съ точекъ зрѣнiя разума и совѣсти, но это значитъ, что я не могу, не хочу, не считаю себя въ правѣ возводить мою личную формулу на степень единственно вѣрнаго и для всѣхъ одинаково обязательнаго рецепта, и не значитъ еще, чтобы съ точки зрѣнiя разума и совѣсти не могли также оправдываться и другiя формулы, если только онѣ не заявляютъ себя „едиными спасающими“ Каждый долженъ самъ найти свою формулу, и я считаю себя въ правѣ лишь помогать ему въ этой его работѣ, содѣйствуя, какъ знаю и умѣю, просвѣщенiю его ума и проясненiю его нравственнаго чувства. Конечно, если бы я вѣрилъ самъ въ спасительность такихъ готовыхъ рецептовъ общественной дѣятельности, какихъ многiе ищутъ, не подозрѣвая, что это—погоня за

Библиотека "Руниверс"

призраками, и какіе другими даются, чтобы на время создать нѣкоторую иллюзію, рано или поздно влекущую за собою разочарованіе, тѣмъ большее и тѣмъ горшее, чѣмъ болѣе слѣпо раньше вѣрилось,—если бы я самъ, повторяю, вѣрилъ въ такіе рецепты вообще и вѣрилъ, что самъ нашелъ совершенно вѣрный рецептъ, я не преминулъ бы объявить его во всеобщее свѣдѣніе. Но что̀ дѣлать, въ это я не вѣрю, а вѣрю лишь въ силу умственной самостоятельности и самодѣятельности, которыя только и могутъ помочь человѣку найти свой настоящій жизненный путь.

Конечно, мое утвержденіе, для меня имѣющее силу несомнѣнной безспорной истины, для другихъ подлежитъ спору, и я предвижу разныя возраженія.

Да, скажутъ мнѣ, то, что̀ вы говорите, вполнѣ примѣнимо только въ идеальномъ обществѣ, но для того, чтобы осуществить извѣстный общественный идеалъ, нужно прибѣгнуть къ средству, которое хотя и не оправдывается съ точки зрѣнія самого идеала, но зато можетъ быть оправдано, какъ средство, безъ котораго нельзя осуществить этого идеала. Мы согласны съ тѣмъ, что противно правамъ личности дѣлать изъ нея орудіе цѣли, которую она не сама себѣ самостоятельно и свободно поставила, которую ей внушили, навязали, предписали, но ради достиженія хорошей цѣли—достиженія такого общественнаго состоянія, когда всѣ права личности будутъ признаны и осуществлены, развѣ нельзя поступиться на время этимъ принципомъ, если безъ этого нельзя достигнуть поставленной цѣли? На это я возражаю. Во-первыхъ, это—та же „цѣль, оправдывающая средства“, но съ такимъ ученіемъ я не согласенъ,—почему, это уже объяснено было вообще въ первой главѣ. Во-вторыхъ, разъ мы для обезпеченія правъ или свободы однѣхъ личностей, взятыхъ нами въ качествѣ цѣлей, будемъ нарушать права или свободу другихъ личностей, которыми

Библиотека "Руниверс"

и пользуемся въ данномъ случаѣ, какъ орудіями, мы впадаемъ въ противорѣчіе съ самими собою, начиная осуществленіе принципа съ его нарушенія. Если принципъ, по которому личность есть сама своя цѣль, если принципъ свободы и самоопредѣленія личности вѣренъ, то онъ долженъ быть по возможности соблюдаемъ и въ современномъ обществѣ, а не откладываемъ въ долгій ящикъ подъ тѣмъ предлогомъ, что этого требуютъ интересы будущаго общества. Чѣмъ передъ законами разума и совѣсти провинились современныя поколѣнія, если ради осуществленія извѣстнаго принципа въ жизни отдаленныхъ ихъ потомковъ мы намѣренно будемъ нынѣ живущихъ людей лишать того блага, которое и имъ должно принадлежать по этому принципу? Въ третьихъ, оставляя въ сторонѣ соображенія справедливости, т.-е. уступая даже по пункту оправданія цѣли средствами,—чего на самомъ дѣлѣ я, конечно, не уступаю,—спросимъ себя, цѣлесообразно ли это? Для того, чтобы въ идеальномъ обществѣ личность могла самостоятельно и свободно опредѣлять себя, нужны не только извѣстныя внѣшнія условія, т.-е. извѣстные культурные и соціальные порядки и формы, ради достиженія которыхъ и считаютъ необходимою догматическую проповѣдь съ готовыми рецептами, но и нѣкоторыя внутреннія условія, развитію которыхъ всегда будетъ помѣхою всякій догматизмъ, всякая проповѣдь готовыхъ рецептовъ. Въ обществѣ должна быть создана прочная привычка, прочная традиція свободнаго самоопредѣленія личности, индивидуальной самостоятельности; но какъ создалась бы эта привычка, эта традиція, если бы воспитаніе общества происходило въ духѣ началъ, противныхъ принципамъ самоопредѣленія и свободы? Это значило бы уподобиться якобинцамъ, которые, желая сдѣлать французскій народъ свободнымъ, подчинили его самому деспотическому правленію въ ожиданіи того момента, когда правительственный гнетъ сдѣлаетъ французовъ совсѣмъ

Библиотека "Руниверс"

способными къ свободѣ, чего, однако, не получилось. Средство въ данномъ случаѣ не только нравственно не оправдывается своею цѣлью, но и логически ей противорѣчитъ: это не только не этично, но и нецѣлесообразно. Что касается до осуществленія извѣстныхъ выгодныхъ для личнаго развитія и благополучія культурныхъ и соціальныхъ условій, то и оно едва ли требуетъ, чтобы рѣшеніе задачи заключалось въ догматической проповѣди готовыхъ рецептовъ общественной дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, если то, что стремятся догматически внушить или деспотически навязать, вѣрно, въ такомъ случаѣ и у истины есть болѣе вѣрные и прочные и ей внутренне болѣе соотвѣтствующіе способы распространенія и утвержденія въ общественномъ сознаніи. Путь знанія предпочтительнѣе пути вѣры въ смыслѣ большей цѣлесообразности, хотя, быть можетъ, идти по нему и кажется болѣе медленнымъ. Путь догматизма и вѣры есть путь стіхійныхъ движеній, которыхъ такъ много знаетъ исторія. Чѣмъ менѣе въ движеніяхъ этихъ ясной и широкой критической мысли и чѣмъ болѣе туманной и ограниченной догматической вѣры, тѣмъ возможнѣе неудачи, тѣмъ естественнѣе разочарованія. Судьба всѣхъ готовыхъ рецептовъ общественной дѣятельности такова: сначала слѣпое увлеченіе, преувеличенныя надежды, несбыточныя ожиданія, потомъ столкновеніе съ дѣйствительностью, неудачи и разочарованіе, за которыми слѣдуетъ или сомнѣніе,—если не прямое невѣріе,—въ возможности какой бы то ни было дѣятельности во имя дорогой цѣли, разъ „единая спасающая“ формула, т.-е. то, что за таковую принималось съ исключеніемъ всего остального, оказалась несостоятельной, потерпѣвъ крушеніе, или же слѣдуетъ подтачивающее силы человѣка сомнѣніе въ самомъ себѣ. И остаются два выхода—либо махнуть на все рукой, либо начать повтореніе эксперимента съ новымъ рецептомъ, который тоже заявляетъ себя „единымъ спасаю-

Библиотека "Руниверс"

щимъ“ Не знаю, но мнѣ кажется, что не можетъ быть двухъ различныхъ отвѣтовъ на вопросъ о томъ, что̀ важнѣе въ дѣлѣ достиженія высшихъ цѣлей культурно-соціальнаго прогресса, т.-е. что̀ цѣлесообразнѣе, идти ли путемъ догматическихъ увлеченій, за которыми слѣдуютъ разочарованія, и путемъ фанатическихъ опытовъ, обреченныхъ на неудачи, или же идти, слѣдуя указаніямъ критической обоснованной теоріи, умѣя вѣрно предсказывать или, по крайней мѣрѣ, предвидѣть, какія слѣдствія можетъ имѣть то или другое дѣйствіе, къ чему приведутъ такія-то и такія-то усилія? Другими словами, въ комъ болѣе нуждается общество и въ текущей своей жизни, и въ дѣлѣ своего историческаго прогресса,—въ самостоятельныхъ ли общественныхъ дѣятеляхъ, сознательно и свободно выбравшихъ свое дѣло, не увлекающихся призраками, но и предвидящихъ воможность неудачъ при рѣшеніи вполнѣ осуществимыхъ цѣлей, вмѣстѣ съ тѣмъ не производящихъ экспериментовъ зря и на-авось, но не бросающихъ дѣла при первой неудачѣ, или же общество нуждается, наоборотъ, въ людяхъ, говорящихъ съ чужихъ словъ, дѣйствующихъ по чужой волѣ, готовыхъ и въ своихъ увлеченіяхъ ставить на карту самые важные общественные интересы, а въ случаѣ крушенія опускающихъ руки или способныхъ даже въ своемъ разочарованіи всѣмъ прежнимъ перебѣгать въ другой лагерь? Послѣднее вѣдь и бываетъ результатомъ непрочности представленій, чувствованій и стремленій, которыя не выработаны, не выстраданы самимъ человѣкомъ, не куплены цѣною усилій его мысли и тревогъ его совѣсти.

Вотъ мои возраженія противъ полезности догматической проповѣди съ ея готовыми рецептами. Одна оговорка, однако, необходима. Догматической проповѣди, конечно, избѣжать нельзя уже по одному тому, что есть масса людей, которые по своему развитію и образованію и неспо-

Библиотека "Руниверс"

собны къ воспринятію общественныхъ истинъ въ иной формѣ, но усыплять посредствомъ такой проповѣди критическую мысль въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, гдѣ она можетъ и должна существовать, значитъ прямо содѣйствовать культурному регрессу, который никоимъ образомъ не можетъ быть средствомъ прогресса соціальнаго. На этомъ основаніи я и говорю людямъ, у которыхъ предполагаю достаточно развитія, чтобы совѣтъ могъ быть принятъ и осуществленъ: находите сами цѣль своей жизни, опредѣляйте сами свое жизненное призваніе, побольше думайте, изучайте себя и окружающую среду, прислушивайтесь къ тому, что̀ говорятъ другіе, читайте и учитесь, анализируйте и критикуйте, взвѣшивайте, сравнивайте и выбирайте, но не воображайте, что кто-либо за васъ можетъ рѣшить вопросъ о томъ, чѣмъ вамъ быть и что̀ дѣлать, или имѣетъ право требовать отъ васъ, чтобы вы были тѣмъ-то и тѣмъ-то и дѣлали то-то и то-то.

Въ главѣ о цѣли жизни въ „Мысляхъ объ основахъ нравственности" я проводилъ не только ту идею, что каждый самъ долженъ ставить цѣль своей жизни, но и ту, что цѣль эта должна заключаться въ той же самой жизни, а не внѣ ея. Почему это такъ, въ своемъ мѣстѣ было объяснено и доказано, и выводъ отсюда простъ: никто не можетъ навязывать человѣку дѣятельности, которая не давала бы ему личнаго удовлетворенія, которая не соотвѣтствовала бы какой-либо жизненной его потребности. Съ этой точки зрѣнія и общество не имѣетъ никакихъ особыхъ правъ надъ личностью. Но изъ сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ, ставя цѣль своей жизни въ самой этой жизни, а не внѣ ея, не могъ въ силу этого брать на себя какое-либо общественное дѣло, чтобы онъ долженъ былъ ограничиться занятіями чисто частнаго характера, необходимыми исключительно для поддержанія личнаго существованія. Если въ качествѣ разумнаго и нрав-

Библиотека "Руниверс"

ственнаго существа человѣкъ не можетъ свести свою жизнь на то, чтобы ѣсть, пить и спать, то въ качествѣ существа общественнаго онъ не можетъ вполнѣ удовлетвориться служеніемъ эгоистическимъ интересамъ (не однимъ матеріальнымъ, но и духовнымъ даже) своего *я* и своей семьи. Въ формулу жизни человѣка, одареннаго альтруистическимъ чувствомъ и соціальнымъ инстинктомъ, не можетъ не входить удовлетвореніе потребности въ общественной дѣятельности, возникающей на почвѣ общественности, какъ одного изъ важныхъ свойствъ человѣческой природы. Не всѣ люди одинаково одарены общественнымъ инстинктомъ, интересомъ къ общественной жизни, склонностью и способностью къ общественной дѣятельности. Общество можетъ требовать отъ всякаго своего члена, чтобы онъ, какъ слѣдуетъ, исполнялъ взятую на себя общественную обязанность, разъ именно онъ эту обязанность на себя взялъ, но общество не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать, чтобы каждый его членъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ общественнымъ дѣятелемъ. Общественная дѣятельность въ тѣсномъ смыслѣ можетъ быть лишь личнымъ призваніемъ, какъ дѣятельность, напр., научная, литературная, артистическая, педагогическая и т. п., какъ и соединеніе со всѣми этими дѣятельностями, имѣющими каждая свое значеніе, дѣятельности общественной. Человѣкъ ставитъ цѣль своей жизни въ самой этой жизни, а не внѣ ея, но цѣль, къ которой стремится человѣкъ, слѣдуя своему призванію, удовлетворяя свою потребность, исполняя свое назначеніе, какъ оно имъ понимается,—находится именно въ самой жизни человѣка, а не внѣ ея, хотя бы это призваніе было и общественнаго характера. Быть полезнымъ членомъ общества, быть настоящимъ гражданиномъ родной страны есть обязанность каждаго, а не особое призваніе; быть общественнымъ дѣятелемъ есть именно призваніе, а не обязанность. Если даже развитое нравственное сознаніе и

Библиотека "Руниверс"

требуетъ общественной дѣятельности, возводя ее на степень жизненнаго долга, то такой долгъ можетъ на себя наложить только самъ человѣкъ, никакъ не общество — предъявить ему это требованіе. Общественная дѣятельность можетъ быть по этому *нравственнымъ* долгомъ, отнюдь, однако, не *соціальною* обязанностью. Соціальная обязанность каждаго — дѣлать какое-либо дѣло, полезное обществу, и исполнять требованія, налагаемыя на человѣка общими условіями и задачами общественной жизни, но какое полезное дѣло будетъ дѣлать человѣкъ и будетъ ли онъ дѣлать что-либо сверхъ того, что̀ требуется самыми элементарными интересами общества, это уже такой вопросъ, рѣшеніе коего должно зависѣть отъ индивидуальныхъ наклонностей и способностей человѣка, это можетъ быть уже лишь предметомъ его свободнаго выбора, за который онъ отвѣчаетъ только передъ своею совѣстью.

Итакъ, все дѣло здѣсь въ личномъ призваніи. Одно личное призваніе должно рѣшать вопросъ о томъ, на какомъ поприщѣ будетъ человѣкъ приносить пользу обществу, и будетъ ли эта польза простираться далѣе того, что̀ вытекаетъ изъ первѣйшихъ и необходимѣйшихъ условій всякаго общежитія. И ученый, и писатель, и педагогъ, и врачъ могутъ приносить пользу обществу, но дѣятельность ученаго, писателя, педагога, врача даже при добросовѣстномъ исполненіи ими своихъ спеціальныхъ обязанностей не будетъ еще общественною дѣятельностью, разъ каждый изъ нихъ будетъ сторониться общественныхъ вопросовъ, хотя бы они и соприкасались съ тою или другою спеціальностью, и не будетъ непосредственно дѣйствовать на общество, хотя бы одними средствами, даваемыми ему его спеціальностью. Быть полезнымъ обществу можно, и не будучи общественнымъ дѣятелемъ, и, наоборотъ, можно быть общественнымъ дѣятелемъ, т.-е. участвовать въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, такъ

Библиотека "Руниверс"

или иначе оказывая воздѣйствіе на общество, и въ то же время приносить обществу вредъ, даже при самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ, не будучи ни карьеристомъ, ни дѣльцомъ, но берясь не за свое дѣло, за дѣло не по своимъ способностямъ и силамъ, не по своимъ знаніямъ и умѣнію. Ошибиться въ своемъ призваніи опасно не только съ личной, но и съ общественной точки зрѣнія. Нужно знать характеръ своихъ склонностей и способностей, нужно знать размѣръ своихъ силъ. Есть виды общественной дѣятельности, посредствомъ которыхъ, такъ сказать, удовлетворяются лишь текущія нужды общества; но общественная жизнь предъявляетъ своимъ дѣятелямъ и другого рода задачи, требуетъ отъ нихъ постановки и рѣшенія цѣлыхъ общественныхъ вопросовъ, подготовки и проведенія крупныхъ преобразованій и т. п. Для особыхъ дѣлъ и люди требуются особые. Общество не только не вправѣ навязывать подобныя дѣла всѣмъ, но прямо дѣйствовало бы противъ собственныхъ своихъ интересовъ, просто даже во вредъ себѣ, если бы стало поручать ихъ не тѣмъ людямъ, которые призваны именно къ такимъ, а не къ инымъ дѣламъ.

Цѣль жизни, какую можетъ поставить себѣ человѣкъ въ качествѣ существа, живущаго среди другихъ такихъ же человѣческихъ существъ, и въ качествѣ члена общества, не будетъ разумною и нравственною цѣлью, если въ содержаніе дѣятельности человѣка не будетъ входить дѣланіе добра другимъ и принесеніе пользы обществу. Служить вообще чужому и въ частности общественному благу можно разными способами и путями, между которыми находится общественная дѣятельность вообще и въ частности общественная дѣятельность, направленная на улучшеніе культурно-соціальныхъ формъ и порядковъ. Сознаніе, что своею дѣятельностью дѣлаешь людямъ добро, приносишь пользу обществу, содѣйствуешь улучшенію об-

Библиотека "Руниверс"

щественныхъ условій и отношеній и тѣмъ способствуешь всеобщему счастью, можетъ наполнить цѣлую жизнь высшимъ содержаніемъ, дать разумный и нравственный смыслъ личному существованію, и обладаніе такимъ сознаніемъ можетъ стать самою настоящею, самою вѣрною и самою осуществимою цѣлью жизни. Но не всегда общественная дѣятельность вытекаетъ изъ такихъ чистыхъ, альтруистическихъ, соціальныхъ побужденій. Для иныхъ она есть не призваніе, слѣдуя которому человѣкъ выполняетъ свое назначеніе, — какъ онъ его самъ понимаетъ, ибо лишь самъ человѣкъ можетъ дать себѣ то или другое назначеніе, такъ какъ внѣ его никто, не исключая самого общества, на это не имѣетъ права: именно для иныхъ общественная дѣятельность является лишь средствомъ личнаго возвышенія или обогащенія. Наполеонъ не считалъ себя призваннымъ служить обществу; для него скорѣе назначеніемъ самого общества было служеніе ему, Наполеону. Человѣческія стремленія—дѣло сложное, и въ нихъ иногда разобраться трудно. Легко и въ самомъ себѣ, и въ другихъ на первыхъ порахъ, пока еще не проявилась въ поступкахъ человѣка его истинная природа, легко принять за безкорыстное стремленіе къ общественной дѣятельности, за прямое жизненное призваніе—инстинкты властолюбія, честолюбія и тщеславія, которые могутъ найти полное удовлетвореніе лишь на публичной аренѣ. Человѣкъ познаётся лишь по дѣламъ его, а не по тому, что̀ онъ о себѣ говоритъ и даже о себѣ думаетъ. Въ этомъ случаѣ характеризуютъ человѣка не только дѣйствительно совершонныя имъ дѣла, но и дѣянія, которыя онъ заставляетъ себя совершать въ своихъ мечтаніяхъ. Человѣку свойственно жить не одной дѣйствительностью, но и фантазіей, и юношѣ болѣе, чѣмъ человѣку зрѣлаго возраста, позволительно и естественно фантазировать. Я говорю о тѣхъ воображаемыхъ положеніяхъ, въ какія ставитъ себя

Библиотека "Руниверс"

человѣкъ, о тѣхъ воображаемыхъ дѣйствіяхъ, которыя онъ заставляетъ себя совершать: въ этихъ мечтаніяхъ, иногда очень образныхъ и рельефныхъ, послѣдовательныхъ и стройныхъ, въ этихъ исторіяхъ о самомъ себѣ, создаваемыхъ свободнымъ полетомъ творчества, проявляются въ наиболѣе чистомъ, безпримѣсномъ своемъ видѣ природа человѣка, его характеръ, основныя стремленія его воли, его жизненное призваніе. Человѣкъ для самоуслажденія сочиняетъ о себѣ то, что болѣе всего ему понравилось бы въ дѣйствительности, что наиболѣе его удовлетворило бы, что было бы исполненіемъ его инстинктивнаго призванія, и онъ не можетъ не любить этихъ грёзъ, не можетъ не стремиться осуществить ихъ въ жизни. Ребенокъ или юноша можетъ воображать себя или хотѣть быть знаменитымъ полководцемъ или великимъ угодникомъ, отважнымъ путешественникомъ или смѣлымъ реформаторомъ, первымъ красавцемъ или первымъ богачомъ, и для него особую привлекательность будутъ имѣть въ качествѣ примѣровъ отдѣльные образы, общіе типы, біографіи героевъ, святыхъ, путешественниковъ, реформаторовъ и т. п., смотря по призванію. Кто никогда не мечталъ объ общественной дѣятельности, не воображалъ себя общественнымъ дѣятелемъ, не интересовался біографіями общественныхъ дѣятелей, не любилъ тѣхъ или другихъ изъ нихъ, не преклонялся и не благоговѣлъ передъ ними, не видѣлъ въ нихъ образцовъ для подражанія, не давалъ себѣ обѣщанія слѣдовать ихъ примѣру; кто не ставилъ себѣ общественныхъ задачъ, какъ бы ни были онѣ разнообразны по своему содержанію въ зависимости отъ разнаго пониманія блага въ разныхъ возрастахъ и на разныхъ ступеняхъ развитія, или кто въ сладкихъ мечтахъ о будущихъ подвигахъ выдвигалъ на первый планъ не добро, которое они осуществятъ, не всеобщее счастье, какое ими будетъ создано, не твор-

Библиотека "Руниверс"

чество идеи, а личную славу, честь, власть, богатство,— у того нѣтъ призванія къ общественной дѣятельности, тотъ не признаетъ своего назначенія въ служеніи общественному благу. Общественная дѣятельность можетъ давать удовлетвореніе и человѣку, безкорыстно стремящемуся служить общему благополучію, и человѣку, который, иногда самъ того не подозрѣвая, цѣнитъ въ ней преимущественно красивыя и эффектныя положенія, пріятно щекочущія тщеславіе, возможность играть вліятельную и властную роль, льстящую самолюбію и честолюбію: для перваго она призваніе, серьезное дѣло жизни, для другого—карьера, средство отличиться. Превращеніе въ простыхъ карьеристовъ или въ обыкновенныхъ дѣльцовъ—молодыхъ людей, обѣщавшихъ сдѣлаться общественными дѣятелями, собственно говоря, въ громадномъ большинствѣ случаевъ вовсе и не есть какое-либо превращеніе: оно есть только обнаженіе ихъ настоящей сущности отъ того, что къ нимъ пристало чисто внѣшнимъ образомъ изъ хорошихъ словъ, произносить которыя научиться не трудно, но и забыть которыя тоже не трудно. Если они когда-либо мечтали, то, вѣроятно, и мечтали-то, какъ будущіе карьеристы и дѣльцы, а не какъ будущіе общественные дѣятели. Дѣло еще усложняется тѣмъ, что въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ, общественный интересъ безъ мотивовъ тщеславія, честолюбія, властолюбія, иногда даже и простого корыстолюбія весьма рѣдко царитъ въ душѣ человѣка, какъ бы ни мала была эта примѣсь и хотя бы при существованіи одного порока всѣ остальные въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вполнѣ отсутствовали. То, что бываетъ нечистою или не совсѣмъ чистою примѣсью къ чистому побужденію, легко можетъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ развиться въ ущербъ этическому настроенію, и тогда возможны дѣйствительныя превращенія, искажающія то, что составляло прежде

Библиотека "Руниверс"

истинное призваніе человѣка. Превращеніе хорошаго въ дурное было бы невозможно, если бы въ хорошемъ не существовало зародыша дурного.

Становясь на этическую точку зрѣнія, трудно понять, какимъ образомъ человѣкъ, находящійся на извѣстной ступени умственнаго развитія, могъ бы ставить цѣль своей жизни, не внося въ свои мысли объ этомъ предметѣ никакихъ соображеній, касающихся блага другихъ или общественной пользы. Если для меня моя жизнь должна имѣть разумный и нравственный смыслъ, я, во-первыхъ, не могу допустить, чтобы моя жизнь прошла совершенно безслѣдно для окружающаго меня нравственнаго и общественнаго міра, и не могу не желать, во-вторыхъ, чтобы признаніе за моею жизнью желательнаго для меня смысла было дѣломъ моего личнаго произвола и моей фантазіи, т.-е. чтобы оно не покоилось на логическихъ и фактическихъ основаніяхъ, правильность которыхъ была бы признана и другими. Разъ я не ставлю одною изъ частныхъ цѣлей своей жизни принесеніе пользы другимъ и думаю только о своихъ личныхъ наслажденіяхъ и выгодахъ, я долженъ примириться, какъ съ естественнымъ изъ этого выводомъ, съ мыслью о безплодности жизни въ настоящемъ, о безслѣдности ея въ будущемъ, примириться съ тѣмъ, что претитъ инстинкту нравственнаго самосохраненія и самоуваженія. Но недостаточно еще, чтобы я самъ призналъ, что смыслъ моей жизни таковъ-то и таковъ-то: быть можетъ, объективно моя дѣятельность и не будетъ имѣть того значенія, какое я ей субъективно приписываю, не будетъ имѣть такого значенія или потому, что я ошибочно понимаю ея цѣль, или потому, что невѣрно выбираю средства, или потому, наконецъ, что принимаю простую болтовню за настоящее дѣло. Для того, чтобы моя жизнь и объективно имѣла приписываемый ей смыслъ, нужно

Библиотека "Руниверс"

признаніе за нею такого смысла и со стороны другихъ, со стороны общества, но лишь тогда можетъ быть совпаденіе въ сужденіяхъ отдѣльной личности и всего общества, когда и тѣ, и другія сужденія будутъ основываться на логикѣ и на фактахъ. И общество можетъ имѣть свое мнѣніе въ вопросѣ, его касающемся. Навязать личности ту или другую цѣль *ея* жизни, то или другое пониманіе смысла *ея* жизни,—оно, разумѣется, на это не имѣетъ права, но никто не можетъ ему запретить высказывать свое сужденіе о пониманіи отдѣльною личностью смысла и цѣли ея жизни. Въ дѣлѣ такой важности, какъ вообще во всѣхъ вопросахъ, касающихся правильности пониманія, я не могу полагаться исключительно на свое мнѣніе лишь потому, что это—*мое* мнѣніе, *мнѣ* такъ это кажется и т. п.: это было бы однимъ изъ худшихъ догматизмовъ, воспитывающихъ фанатизмъ и деспотизмъ съ ихъ неуваженіемъ къ чужой мысли, къ чужой совѣсти, къ чужой волѣ, съ ихъ отрицаніемъ правъ другихъ личностей и всего общества передъ правами моего непогрѣшимаго и неограниченно властвующаго *я*. Человѣкъ можетъ ошибаться и заблуждаться. У кого сильно чувство правды, тотъ будетъ всегда считать своимъ долгомъ провѣрять себя, нѣтъ ли въ его мысляхъ ошибки и заблужденія. Это и есть одинъ изъ видовъ той критической работы, о которой говорилось выше. Матеріалъ для самокритики человѣкъ можетъ имѣть въ большомъ изобиліи, стоитъ ему только прислушиваться по интересующимъ его въ данномъ случаѣ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ къ чужимъ взглядамъ, къ голосу общественнаго мнѣнія. Когда дѣло идетъ объ общественной дѣятельности, человѣкъ прямо *обязанъ* прислушиваться къ общественному мнѣнію, ибо только или люди, потерявшіе всякій стыдъ и совѣсть, или фанатики и деспоты, считающіе себя непогрѣшимыми и вѣрящіе въ

Библиотека "Руниверс"

неограниченность своихъ правъ, не обращаютъ никакого вниманія на общественное мнѣніе, считая его въ однихъ случаяхъ совсѣмъ пустымъ дѣломъ, въ другихъ случаяхъ заранѣе предполагая, что оно ошибочно и незаконно, разъ оно не совпадаетъ съ *ихъ* мнѣніями.

Рекомендуя сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ, я, конечно, не стану утверждать, что оно всегда и вездѣ право. Это значило бы требовать подчиненія личности другому догматизму. Во-первыхъ, цѣлое общество можетъ ошибаться и заблуждаться, и лишь одинъ человѣкъ— понимать вещь правильно и вѣрно: весь прогрессъ знаній совершается путемъ исправленія ходячихъ въ обществѣ взглядовъ отдѣльными людьми. Во-вторыхъ, за общественное мнѣніе выдается часто то, что есть мнѣніе лишь извѣстной части общества, будетъ ли то большинство, или меньшинство, будетъ ли эта часть лучшею или худшею. Рѣшеніе вопросовъ, въ которыхъ дѣло идетъ объ истинѣ и справедливости, не можетъ совершаться пусканіемъ ихъ на голоса, а съ другой стороны, и лучшая часть общества въ отдѣльныхъ вопросахъ можетъ заблуждаться, ошибаться, поступать не вполнѣ правильно. Вѣдь и безпристрастная исторія, воздавая должное лучшимъ людямъ своего времени, весьма часто вынуждена бываетъ отмѣчать ихъ промахи и прегрѣшенія. Воображать кого-либо непогрѣшимымъ—тоже одинъ изъ худшихъ видовъ догматизма. Если я, не будучи, конечно, по натурѣ фанатикомъ и деспотомъ или не признавая себя божествомъ, либо особымъ избранникомъ свыше, не могу приписывать себѣ непогрѣшимости, то именно потому, что я человѣкъ и обыкновенный смертный, но тогда какіе могутъ быть у меня резоны полагать, что мнѣніе или поведеніе той или другой части общества (извѣстнаго класса, партіи, школы) безусловно непогрѣшимо? Въ-третьихъ, общественное мнѣніе зависитъ весьма часто отъ общественнаго

Библиотека "Руниверс"

настроенія, и потому оно бываетъ такъ неустойчиво, такъ перемѣнчиво: полагаться во всемъ и всегда на мнѣніе, господствующее (господствующее, по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ кругу), значитъ, плыть по теченію, слѣдовать модѣ, желать быть современнымъ, вѣрить готовому рецепту.

Догматизмъ вездѣ вреденъ, будетъ ли то догматизмъ личной самоувѣренности, самомнѣнія, признанія своей непогрѣшимости, или это будетъ догматизмъ увѣренности въ томъ, что такой-то другой человѣкъ или такіе-то другіе люди непогрѣшимы. Ставя себѣ общественныя цѣли, нельзя не принимать въ расчетъ общественнаго мнѣнія, но считаясь съ общественнымъ мнѣніемъ, нельзя не подвергать его своей критикѣ. Критика нужна въ обоихъ случаяхъ—и къ себѣ, и къ другимъ. Безъ этого нѣтъ ни истины, ни справедливости.

Вотъ почему постановка цѣли своей жизни, опредѣленіе своего призванія, выборъ жизненнаго поприща — дѣло важное, трудное, сложное. Для человѣка, который не упрощаетъ этого дѣла сведеніемъ его на вопросъ о томъ, какое занятіе его прокормитъ и обезпечитъ его благосостояніе, а въ то же время наиболѣе будетъ соотвѣтствовать его личнымъ вкусамъ и силамъ, тутъ открывается цѣлая масса вопросовъ. Безъ профессіи, безъ практическаго дѣла, которое прокармливало бы человѣка и его семью, прожить нельзя, но каждое дѣло требуетъ особыхъ способностей и спеціальныхъ знаній и навыковъ: нужно не ошибиться въ своей годности для даннаго дѣла, въ своихъ силахъ пріобрѣсти необходимыя свѣдѣнія и умѣніе. Прокармливающая меня профессія должна быть моимъ любимымъ дѣломъ или, по крайней мѣрѣ, оставлять мнѣ досугъ для занятій по моему сердцу. Если я человѣкъ съ развитымъ общественнымъ чувствомъ, я долженъ искать такой профессіи и любить такое дѣло, которыя общественно полезны и которыя не противорѣчатъ законамъ

Библиотека "Руниверс"

этики, разъ я не отдѣляю „политики“ отъ „морали“. Когда, наконецъ, я не могу удовлетвориться простымъ исполненіемъ общественно-полезной и лично мнѣ пріятной функціи, а считаю своимъ долгомъ выступать въ качествѣ общественнаго дѣятеля съ болѣе широкими задачами, чѣмъ удовлетвореніе, такъ сказать, текущихъ нуждъ общества, и тутъ мнѣ предстоитъ выбирать такую или иную профессію, ту или другую опредѣленную дѣятельность. Общественная дѣятельность не есть особая профессія. Существуютъ только отдѣльныя профессіи, которыя имѣютъ или болѣе частный, или болѣе общественный характеръ, да и въ послѣднемъ случаѣ есть разница между положеніями, или прямо созданными для такого или иного воздѣйствія на общество, или только дающими возможность оказывать это воздѣйствіе, между положеніями, на которыхъ общественный дѣятель выступаетъ въ качествѣ свободной и самостоятельной силы, или, наоборотъ, является только исполнителемъ, между положеніями, дозволяющими человѣку брать на себя иниціативу и нести на себѣ нравственную отвѣтственность и, напротивъ, дѣлающими невозможными ни то, ни другое.

Да, трудное и сложное это дѣло! Отнюдь не рекомендуя бросаться изъ стороны въ сторону, что возможно лишь при легкомысленномъ и незрѣломъ выборѣ жизненнаго пути по чужому внушенію, совѣту или примѣру, по готовому рецепту или господствующей модѣ, нельзя, конечно, не быть и противъ упрямой вѣрности разъ избранному пути, когда, напр., кто-либо въ возрастѣ незрѣлыхъ рѣшеній и необдуманныхъ поступковъ вообразитъ, что будетъ тѣмъ или другимъ, и затѣмъ готовитъ себя къ этому, не ломая уже головы, нужно ли это на самомъ дѣлѣ и почему это нужно.

Ложные шаги вездѣ и всегда возможны. Чтобы ихъ поменьше и порѣже дѣлать, нужно больше и чаще думать

Библиотека "Руниверс"

и дѣлать предметомъ размышленій свои же собственныя постоянныя настроенія и мимолетныя увлеченія: только въ первыхъ, т.-е. въ постоянныхъ настроеніяхъ выражается самъ человѣкъ, и проявляется его истинное призваніе.

На этомъ съ вопросомъ, поставленнымъ въ настоящей главѣ, я и кончаю. Повторяю, что я не считаю себя въ правѣ называть только то хорошимъ и для всѣхъ пригоднымъ, къ чему самъ чувствую особое влеченіе и что самъ умѣю дѣлать, не считаю себя въ правѣ относиться пренебрежительно къ тому, что лично меня не удовлетворило бы или къ чему я самъ былъ бы неособенно пригоденъ. Вся моя аргументація направлена какъ-разъ противъ какой бы то ни было догматической исключительности. Я не думаю, чтобы хорошую услугу ищущимъ путей жизни оказывалъ тотъ, кто открывалъ бы ихъ глаза на жизнь исключительно съ своей личной точки и подъ своимъ личнымъ угломъ зрѣнія и исключительно въ свои очки. Мнѣ жаль бываетъ тѣхъ людей, которые, стремясь къ свѣту, думаютъ, что только и свѣту, что въ томъ окошкѣ, какое имъ открываютъ другіе, хотя бы это заставляло ихъ мѣнять лично для нихъ болѣе привлекательныя занятія на занятія, менѣе имъ нравящіяся, дѣлать то, что они плохо умѣютъ дѣлать, вмѣсто того, что наиболѣе могло бы въ ихъ рукахъ удаваться,—и особенно бываетъ ихъ жаль, когда они поступаютъ такъ лишь потому, что увѣровали, будто только то и можетъ быть хорошимъ и полезнымъ для общества, что предпочитаютъ другіе, хотя бы только въ силу своихъ особыхъ наклонностей и способностей, въ пользу чего и находятъ легко всякіе аргументы, съ такою же легкостью указывая при этомъ на слабыя стороны другихъ видовъ дѣятельности. Конечно, этимъ я не отрицаю права общественныхъ дѣятелей вербовать себѣ сторонниковъ, приверженцевъ и помощниковъ, аргументируя въ пользу своей точки зрѣнія, своего образа дѣйствій, своихъ занятій, лишь

Библиотека "Руниверс"

бы при этомъ дѣло велось начистоту; да иначе не могло бы возникать общественныхъ партій съ ихъ пропагандою извѣстныхъ идей, принциповъ и программъ; но дѣло въ томъ и заключается, что набрасывая на бумагу свои мысли о сущности общественной дѣятельности, я имѣю въ виду помочь людямъ, ищущимъ путей жизни, критически разобраться въ этомъ сложномъ и трудномъ вопросѣ, отнюдь не навербовать сторонниковъ опредѣленной партіи. Еще разъ повторю, что главнымъ образомъ я считаю это нужнымъ въ отношеніи молодежи, которой особенно настойчиво слѣдуетъ совѣтовать побольше думать и поменьше вѣрить на слово, тѣмъ болѣе, что, по моему мнѣнію,—повторю и это,—и для общественной дѣятельности, ставящей себѣ высокія цѣли, не велика корысть завербовать въ свои ряды нѣсколько лишнихъ людей, которые, быть можетъ, пойдутъ на призывъ очень скоро, но столь же скоро и отстанутъ, быстро увлекутся, но столь же быстро разочаруются и охладѣютъ. Примѣровъ послѣдняго, къ сожалѣнію, слишкомъ много.

Пусть же разумъ и совѣсть каждаго рѣшаютъ вопросъ о цѣли его жизни и его жизненномъ призваніи! Чтобы рѣшеніе это было безошибочно, просвѣщайте свой разумъ, просвѣтляйте свою совѣсть, пріучайтесь къ ясному, точному, послѣдовательному и основательному мышленію, къ анализу и къ критикѣ и къ постановкѣ всѣхъ вопросовъ мысли и жизни передъ верховнымъ судомъ нравственнаго чувства. По крайней мѣрѣ, это не помѣшаетъ и не повредитъ ни при какомъ занятіи, и во всякомъ случаѣ это принесетъ только одну пользу въ какой бы то ни было дѣятельности. Такой провѣрки—провѣрки разума и совѣсти — не должно бояться никакое дѣло, считающее себя правымъ, ибо кто боится критики, тотъ не вѣритъ въ правоту своего дѣла.

Библиотека "Руниверс"

III. Общее благо, какъ цѣль общественной дѣятельности.

Выше, въ первой главѣ настоящей книжки, общественная дѣятельность была поставлена рядомъ съ нравственностью. Хотя нравственную цѣль своей жизненной дѣятельности каждый можетъ поставить себѣ только самъ, однако, существуетъ нѣкоторое объективное высшее благо, являющееся настоящимъ критеріемъ нравственности. Это высшее благо есть счастье всѣхъ, всеобщее благополучіе. Общественная дѣятельность, кромѣ удовлетворенія потребности въ ней того, кто себя ей посвящаетъ, должна имѣть и объективную цѣль, а послѣдняя, если только названная дѣятельность вытекаетъ изъ этическихъ побужденій,— не можетъ заключаться въ чемъ-либо иномъ помимо пользы общества, и самая эта польза не можетъ быть понимаема иначе, какъ въ смыслѣ всеобщаго благополучія. Верховный критерій нравственности и высшая цѣль общественной дѣятельности такимъ образомъ совпадаютъ въ одномъ и томъ же принципѣ счастья всѣхъ или, дѣлая уступку несовершенствамъ жизни, наибольшаго блага наибольшаго числа людей. Каково бы ни было происхожденіе общества и государства, разумное оправданіе ихъ существованія можетъ заключаться только въ томъ добрѣ, которое они создаютъ или обезпечиваютъ людямъ. Какъ бы ни объяснялось возникновеніе соціальныхъ и политическихъ порядковъ, несогласныхъ съ общимъ благополучіемъ, чѣмъ болѣе общество и государство допускаютъ зла и неправды, тѣмъ менѣе ихъ формы соотвѣтствуютъ разумному и справедливому назначенію общества и государства: такіе порядки не добро, а зло; общественное благо требуетъ ихъ устраненія; общественная дѣятельность, направленная на улучшеніе соціальной и политической жизни, нравственна,

Библиотека "Руниверс"

разъ она вытекаетъ изъ этическаго побужденія и не прибѣгаетъ къ нравственно предосудительнымъ средствамъ, и полезна, разъ ведется цѣлесообразными средствами, наиболѣе обезпечивающими успѣхъ всякой дѣятельности.

Уже раньше мнѣ не одинъ разъ приходилось дѣлать различіе между удовлетвореніемъ текущихъ нуждъ общества и улучшеніемъ самихъ условій, порядковъ и формъ общественной жизни. Что̀ вообще разумѣется подъ этимъ улучшеніемъ, о томъ можно не распространяться. Относительно же текущихъ нуждъ общества мы замѣтимъ, что онѣ могутъ быть двухъ родовъ, а именно или суммою потребностей его отдѣльныхъ членовъ въ каждый данный моментъ, или совокупностью потребностей всего общества, какъ одного цѣлаго, либо составныхъ его частей при наличныхъ условіяхъ его существованія. Потребностямъ перваго рода удовлетворяютъ, напр., врачъ, адвокатъ, учитель и т. д.; потребностямъ второго рода судья, земскій дѣятель, публицистъ и т. п. Въ этомъ же коренится различіе, напр., между частною благотворительностью, съ одной стороны, и организаціей общественной благотворительности, съ другой [1]). Нѣсколькими строками выше указано

[1]) Само собою разумѣется, что съ нравственной точки зрѣнія удовлетвореніе не всякой потребности законно. Есть, напр., несчастные люди, чувствующіе постоянную потребность напиваться пьяными, или, напр., общество, въ которомъ существуетъ смертная казнь, нуждается въ палачахъ. Рѣчь у насъ идетъ лишь о такихъ нуждахъ отдѣльныхъ лицъ и всего общества, которыя могутъ быть оправданы съ этической точки зрѣнія или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ этикѣ: иначе ремесло кабатчика, спаивающаго народъ, или палача, приводящаго въ исполненіе смертные приговоры, пришлось бы оправдать тѣмъ, что они удовлетворяютъ извѣстнымъ потребностямъ, существующимъ въ обществѣ, или нуждамъ самой общественной организаціи. Устранивъ (въ первой главѣ) безнравственность средствъ, мы во имя одного и того же принципа устраняемъ и безнравственность цѣлей, а вѣдь удовлетвореніе частныхъ и общественныхъ нуждъ и является цѣлью разныхъ дѣятельностей, о коихъ идетъ рѣчь.

Библиотека "Руниверс"

на то, что поскольку общество и государство осуществляютъ идею блага, постольку мы ихъ оправдываемъ, какъ они есть, а поскольку они содержатъ въ себѣ элементы зла и неправды, мы противополагаемъ существующимъ порядкамъ такіе, какіе должны быть. Служимъ ли мы общему благу, пользуясь тѣми условіями и средствами, какія даются намъ существующими отношеніями, или служимъ общему благу, изслѣдуя, изучая, критикуя эти отношенія, создавая представленіе о лучшихъ, распространяя болѣе правильные взгляды, участвуя въ постановкѣ и рѣшеніи возникающихъ такимъ путемъ общественныхъ вопросовъ, въ проведеніи и выполненіи преобразованій и т. п.,—и въ случаяхъ перваго рода, т.-е. удовлетворяя текущія нужды общества при помощи данныхъ и готовыхъ, уже существующихъ условій и средствъ того либо другого рода дѣятельности, и въ случаяхъ второго рода, т.-е. содѣйствуя движенію общества впередъ, улучшая данное хорошее и создавая новое хорошее въ общественномъ быту, устраняя изъ него все старое дурное или отжившее, во всѣхъ этихъ случаяхъ мы только разными способами и путями стремимся къ одной и той же цѣли. Общая польза прямо требуетъ раздѣленія общественнаго труда, и каждая самая скромная способность можетъ быть полезна на подходящемъ мѣстѣ. Разнообразію занятій, требуемыхъ интересами общественнаго существованія, соотвѣтствуетъ и разнообразіе спеціальныхъ способностей, склонностей, вкусовъ, стремленій, интересовъ, характеровъ, какое представляютъ собою вообще отдѣльныя единицы, входящія въ составъ каждаго общества.

Всѣ дѣятельности, полезныя для общества, могутъ быть, однако, классифицированы.

Мы только что раздѣлили ихъ на два большихъ класса: однѣми удовлетворяются текущія нужды общества, другими осуществляется общественный прогрессъ.

Библиотека "Руниверс"

Остановимся сначала на первой категоріи.

Текущія нужды общества суть прежде всего потребности отдѣльныхъ его членовъ. Человѣкъ нуждается въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ, и отсюда возникаетъ хозяйственная дѣятельность человѣка. Это есть дѣятельность чисто эгоистическая. Прежде человѣкъ дѣлалъ все самъ, потомъ явилось раздѣленіе труда, а съ нимъ—обмѣнъ продуктовъ и услугъ, благодаря чему своею экономическою дѣятельностью человѣкъ, который ей посвящаетъ свое время и свой трудъ, приноситъ пользу не только себѣ, но и другимъ подъ условіемъ (или въ предположеніи только) вознагражденія за тѣ лишнія цѣнности, какія онъ создаетъ для пользованія другихъ. Общество нуждается въ извѣстномъ количествѣ хлѣба, сукна, домовъ и т. п., но производствомъ хлѣба, выдѣлкой сукна, постройкой домовъ занимается только часть общества, не всѣ. Съ этой точки зрѣнія работа пахаря, ткача, плотника не только нужна самому пахарю, ткачу, плотнику, но и другимъ, т.-е. она и общественно полезна. Кто пользуется продуктами чужого труда, безъ которыхъ онъ не могъ бы существовать, тотъ долженъ давать что-либо свое взамѣнъ этого. На полученіе отъ общества даромъ квартиры съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, платьемъ и столомъ я не имѣю никакого права, если съ своей стороны не дамъ обществу того, что̀ ему нужно и что̀ я умѣю дѣлать. Я могу отплатить за то, что̀ получаю, какимъ-нибудь продуктомъ, если я самъ занимаюсь физическимъ трудомъ, произвожу или обрабатываю какіе-либо предметы потребленія, однимъ словомъ, посвящаю свое время и свои силы дѣятельности, которую называютъ хозяйственною, промышленною, экономическою, а если я ничего такого не дѣлаю, то единственный способъ отплатить обществу, которое меня кормитъ и поитъ, одѣваетъ и помѣщаетъ, это — оказывать ему какія-либо нематеріальныя услуги, для чего я дол-

Библиотека "Руниверс"

женъ заняться какимъ-нибудь духовнымъ, умственнымъ или инымъ нефизическимъ трудомъ, избрать себѣ какую-либо дѣятельность изъ тѣхъ, которыя называются, положимъ, либеральными профессіями. Это очень просто и элементарно. Совѣстно ѣсть даромъ хлѣбъ свой, который вообще зарабатывается въ потѣ лица, зазорно жить общественнымъ паразитомъ, быть безполезнымъ членомъ общества. У людей, изъ которыхъ складывается общество, потребности не ограничиваются пищей, одеждой и жилищемъ, и чѣмъ развитѣе общество, тѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе потребности его членовъ, причемъ все болѣе и болѣе важную, нежели раньше, роль начинаютъ играть между ними потребности духовныя, да и усложненіе общественной жизни создаетъ новыя потребности, вытекающія изъ задачъ соціальной организаціи. Текущія нужды общества не могутъ быть удовлетворены одною экономическою дѣятельностью: удовлетворенію тѣхъ же потребностей служатъ, съ одной стороны, либеральныя профессіи, съ другой,—общественныя и государственныя должности, или такія дѣятельности, въ которыхъ совмѣщаются признаки независимыхъ и служебныхъ общественныхъ положеній, или которыя имѣютъ характеръ переходовъ отъ однихъ къ другимъ. Въ однихъ случаяхъ трудъ оплачивается лицами, въ немъ нуждающимися, въ другихъ—обществомъ или государствомъ; въ однихъ случаяхъ человѣкъ занимается той или другой профессіей, не нуждаясь ни въ какомъ избраніи или назначеніи, въ другихъ онъ занимаетъ свою должность, будучи выбранъ на нее обществомъ или получивъ ее отъ того или другого органа публичной власти; въ иныхъ случаяхъ каждый такой дѣятель стоитъ внѣ какой бы то ни было организаціи, въ иныхъ онъ составляетъ часть извѣстной корпораціи, извѣстнаго учрежденія; и дѣйствуетъ онъ иногда или вполнѣ по своей собственной инициативѣ и на свой страхъ, или подчиняясь

Библиотека "Руниверс"

какому-нибудь уставу, регламенту, инструкціи, соглашенію, программѣ. Въ каждомъ положеніи есть свои выгодныя и невыгодныя стороны—и не только съ личной точки зрѣнія, но и со стороны интересовъ дѣла, интересовъ общества. Всѣ, однако, такія положенія, всѣ свободныя профессіи и всѣ виды общественной и частной службы отличаются отъ экономической дѣятельности тѣмъ, что главное въ нихъ—не созданіе матеріальныхъ продуктовъ, не перевозка ихъ и не распредѣленіе, а оказаніе обществу нематеріальныхъ услугъ, хотя бы даже и на поприщѣ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей (напр., трудъ врача, архитектора, инженера), будутъ ли эти услуги оказываться частнымъ лицамъ или всему обществу и государству.

Итакъ, нужды общества въ смыслѣ совокупности индивидуальныхъ потребностей или въ смыслѣ потребностей самой соціальной организаціи, удовлетворяются не только экономическою дѣятельностью его членовъ, заключающеюся въ производствѣ и доставкѣ матеріальныхъ предметовъ, но и такъ называемыми либеральными профессіями и разными видами общественной и государственной службы, состоящими въ оказываніи обществу тѣхъ или другихъ услугъ нематеріальнаго характера. Можно было бы составить цѣлый списокъ такихъ услугъ и соотвѣтствующихъ имъ профессій и должностей, и этотъ списокъ вышелъ бы весьма длиннымъ. Можно было бы дать опредѣленіе и характеристику каждой профессіи и должности, въ которыхъ заключались бы отвѣты на цѣлый рядъ общихъ вопросовъ, какіе можно было бы поставить по отношенію къ отдѣльнымъ положеніямъ. Можно было бы, наконецъ, раздѣлить ихъ на разные классы, категоріи, группы и притомъ на основаніи весьма различныхъ признаковъ и сравнивать затѣмъ эти раздѣленія и подраздѣленія въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Пусть каждый самъ рѣшаетъ, насколько общеполезна та или другая услуга, профессія или должность и насколько было бы ему удобно брать на себя то или другое дѣло. Въ данномъ случаѣ нужно только предостеречь отъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеній. Ставъ на точку зрѣнія общественной пользы и придавъ узкій смыслъ этому принципу, весьма легко, какъ это и дѣлалось нерѣдко, отнестись отрицательно къ наукѣ, къ литературѣ, къ искусству или потому, что ученые, писатели и художники иногда заняты тѣмъ, что̀ не имѣетъ непосредственно утилитарнаго значенія, прямого отношенія къ практическимъ интересамъ, къ злобѣ дня и т. п., или потому, что пользованіе и наслажденіе научными, литературными и художественными произведеніями доступно лишь немногимъ, и что произведенія эти какъ бы совсѣмъ не существуютъ для громаднаго большинства членовъ общества—для всей занятой физическимъ трудомъ народной массы. Такія разсужденія иногда находятъ вѣру, но вотъ въ чемъ ихъ ошибка. Въ числѣ духовныхъ потребностей человѣка есть такія, которыя удовлетворяются лишь изслѣдованіемъ и творчествомъ, воспріятіемъ идей и созерцаніемъ образовъ. Тутъ начало философіи и поэзіи, науки и искусства. Потребность въ чистомъ знаніи и эстетическомъ наслажденіи должна быть удовлетворена, и названные виды умственной дѣятельности уже по тому одному полезны. Нельзя запретить ученому заниматься тѣмъ, что̀ его интересуетъ, запретить художнику воспроизводить, то, что̀ ему нравится. Нельзя видѣть прихоти и произвола въ томъ, что общество оплачиваетъ трудъ ученаго или художника, которые не производятъ ничего непосредственно приложимаго къ жизненной практикѣ: не все же одна польза да польза, да и самую пользу нельзя понимать въ одномъ лишь узкомъ смыслѣ. Съ другой стороны, если бы не было стремленія къ чистому знанію,

Библиотека "Руниверс"

не существовало бы и массы полезныхъ открытій и изобрѣтеній. Безъ высшихъ эстетическихъ наслажденій, доставляемыхъ литературными произведеніями, театромъ, музыкой, на долю развлеченій, столь необходимыхъ въ трудовой жизни, оставались бы одни грубыя удовольствія. Правда, все это недоступно массѣ, но естественный выводъ отсюда не тотъ, что нужно уничтожить науку, литературу, искусство, какъ предметы роскоши, а тотъ, что, наоборотъ, слѣдуетъ ихъ сдѣлать доступными народной массѣ. Общее благо требуетъ не уничтоженія услугъ, оказываемыхъ профессіями, хранящими и увеличивающими пріобрѣтенія культурнаго прогресса человѣчества, а созданія такихъ условій, при которыхъ всѣ эти пріобрѣтенія не могутъ не быть предметами всеобщаго употребленія. Нужно беречь, умножать, распространять, дѣлать доступнымъ все большему и большему количеству лицъ и все въ болѣе и болѣе широкихъ кругахъ общества до народныхъ массъ включительно эти блага цивилизаціи. Дѣятельности, въ задачу которыхъ входитъ все это, суть дѣятельности, несомнѣнно, общественно полезныя и притомъ въ двоякомъ смыслѣ—и потому, что ими удовлетворяются текущія нужды общества, потребности отдѣльныхъ лицъ въ знаніи, въ образованіи, въ чтеніи, въ обученіи, въ наставленіи пр. и пр., и потому, что совокупная работа мыслителей и ученыхъ, профессоровъ и учителей, поэтовъ и литераторовъ, моралистовъ и публицистовъ, популяризаторовъ и публичныхъ лекторовъ и т. д. и т. д. двигаетъ общество впередъ на пути духовнаго развитія, содѣйствуетъ культурному прогрессу общества, т.-е. улучшаетъ само общество. Одною изъ симпатичныхъ сторонъ въ стремленіи нашей молодежи къ общественной дѣятельности и является ея интересъ къ великому дѣлу народнаго образованія, къ вопросамъ народной школы, кни-

Библиотека "Руниверс"

жекъ для народа, распространенія въ массахъ научныхъ взглядовъ и здравыхъ понятій.

Лица, имѣющія отношеніе къ прямому удовлетворенію духовныхъ потребностей отдѣльныхъ членовъ общества, тѣмъ самымъ суть общественные дѣятели. Правда, среди нихъ, къ сожалѣнію, мы найдемъ не малое количество такихъ, которые скорѣе могутъ быть названы иначе: найдутся тутъ и кабинетные ученые, найдутся и ремесленники своего дѣла, найдутся и чиновники, найдутся даже промышленники и дѣльцы. Разумѣется, общество не можетъ обойтись безъ услугъ со стороны кабинетныхъ ученыхъ, ремесленниковъ, чиновниковъ и промышленниковъ, но есть профессіи, съ которыми несовмѣстимы представленія объ общественномъ индифферентизмѣ, о ремесленномъ или чиновничьемъ отношеніи къ дѣлу, о промышленныхъ предпріятіяхъ и гешефтмахерствѣ. Это не значитъ, однако, чтобы кабинетные ученые, чиновники, промышленники, ремесленники не могли быть общественными дѣятелями или внѣ своихъ профессій, напр., когда спеціалистъ по чистой математикѣ выступаетъ и въ роли земца, или при помощи своихъ профессій, какъ, напр., въ случаѣ издательства книгъ, преслѣдующаго не однѣ коммерческія, но и культурныя цѣли. Это значитъ только, что дѣятельности извѣстнаго рода нуждаются въ отношеніи къ обществу, не похожемъ на отношенія, въ какія становится къ нему кабинетный ученый, чиновникъ, ремесленникъ, промышленникъ, не видящій ничего за границами своего прямого дѣла. Общественная дѣятельность требуетъ отъ человѣка какъ-разъ противоположнаго тому, что характеризуетъ перечисленныя отношенія. Общественная дѣятельность требуетъ живого участія къ вопросамъ окружающей общественности, которое не позволяетъ замыкаться въ своемъ кабинетѣ. Она не допускаетъ, чтобы человѣкъ смотрѣлъ на исполненіе своихъ обязанностей съ

Библиотека "Руниверс"

чисто формальной точки зрѣнія. Она прямо запрещаетъ, чтобы человѣкъ подчинялъ ее всецѣло соображеніямъ наживы и карьеры. И менѣе всего допустимо все, несогласное въ общественной дѣятельности съ ея внутреннею сущностью, съ общимъ благомъ, какъ ея цѣлью, съ заботою объ этомъ благѣ, какъ настоящимъ къ ней побужденіемъ, менѣе всего допустимо все это, когда человѣкъ беретъ на себя задачу удовлетворять духовнымъ потребностямъ общества и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать его культурному прогрессу въ школѣ, въ книгѣ, въ газетѣ, въ публичной аудиторіи и т. п.

Дѣятельности, которыми оказываются обществу услуги посредствомъ удовлетворенія его текущихъ нуждъ, могутъ быть интеллигентными и неинтеллигентными. Я говорю только о первыхъ, ибо только такія дѣятельности могутъ подходить подъ общую рубрику дѣятельности общественной. Всѣ онѣ могутъ быть подраздѣлены на три категоріи. Одну мы уже видѣли. Это—дѣятельности, имѣющія своею цѣлью удовлетвореніе духовныхъ потребностей членовъ общества, культурное воздѣйствіе на общество. Сюда мы отнесемъ между прочимъ духовенство и художниковъ. Другую категорію составятъ всѣ занятія, которыя создаются на почвѣ управленія обществомъ, поддержанія въ немъ порядка, заботы о его безопасности, о матеріальномъ благосостояніи, о правосудіи, т.-е. различныя должности государственной и общественной службы и, напр., такая свободная профессія, какъ адвокатская. Многія изъ подобныхъ положеній прямо обязываютъ быть чиновниками, а не общественными дѣятелями, но многія и между ними, напр., особенно выборныя должности всякаго рода прямо обязываютъ быть не-чиновниками, быть общественными дѣятелями. Третью категорію представляютъ изъ себя спеціалисты разнаго рода, оказывающіе услуги обществу своими знаніями въ области физическаго,

Библиотека "Руниверс"

матеріальнаго благосостоянія. Гаковы врачи, техники, инженеры и т. п. Тутъ особенно легко быть ремесленникомъ или промышленникомъ, но можно, конечно, выступать и въ роли общественныхъ дѣятелей и притомъ прямо въ своей спеціальной области. Вообще вездѣ за всегда возможными исключеніями интеллигентнымъ дѣятелямъ приходится имѣть дѣло прежде всего съ тѣми или другими категоріями лицъ—со студентами, учениками, воспитанниками, съ подчиненными, управляемыми, подсудимыми, съ предпринимателями и рабочими, и дѣятель можетъ стоять къ нимъ въ отношеніяхъ далеко неодинаковыхъ: лишь этическое отношеніе къ личности обучаемаго, управляемаго, руководимаго достойно нравственно развитого человѣка, но этическій интересъ къ извѣстной категоріи членовъ общества, съ которыми приходится сталкиваться и на которыхъ дѣйствуешь, такъ сказать, на отдаленіи (напр., въ литературѣ), и есть не что иное, какъ забота о благѣ этой части общества, лежащая въ основѣ настоящей общественной дѣятельности. Общественный дѣятель создается не внѣшнимъ положеніемъ, не тою или другою профессіей или должностью, а внутреннимъ отношеніемъ къ дѣлу, тѣмъ, что̀ онъ дѣлаетъ изъ своей профессіи или должности, если только послѣднія способны стать чѣмъ-либо получше или повыше простого ремесленничества или чиновничества.

Противополагая общественную дѣятельность ремесленному и чиновничьему отношенію къ дѣлу, я имѣю въ виду вотъ что̀. Ремесло представляетъ изъ себя лишь частный случай всякой общественно-полезной дѣятельности, ближайшею цѣлью которой, однако, вовсе не является общественная польза, а ставится просто доставленіе средствъ къ существованію. Всѣ люди, удовлетворяющіе своею экономическою дѣятельностью и физическимъ трудомъ матеріальныя нужды общества, имѣютъ въ виду не это удовле-

Библиотека "Руниверс"

твореніе, а свои собственныя нужды, свои выгоды, будетъ ли тутъ рѣчь идти о хозяинѣ и предпринимателѣ или о рабочемъ и наймитѣ. Въ такомъ положеніи находится всякій, кто смотритъ на свое дѣло съ подобной точки зрѣнія. Общественная дѣятельность тѣмъ и отличается отъ дѣятельности экономической, что ставитъ себѣ общественныя цѣли, а не преслѣдуетъ исключительно индивидуальныя выгоды. Отношеніе къ дѣятельности, имѣющей прямую общественную цѣль, подобное отношенію къ дѣятельности, цѣль которой—одно добываніе средствъ къ существованію, и есть отношеніе ремесленное, противорѣчащее самой сущности общественной дѣятельности. Въ чиновничьемъ отношеніи къ ней мы имѣемъ дѣло съ другими аналогичными случаями. Въ отличіе отъ хозяйственныхъ предпріятій съ ихъ совершенно частными цѣлями, всякая государственная служба есть дѣятельность, имѣющая тѣ или другія общественныя цѣли. Чиновничество и есть продуктъ такого удовлетворенія всѣхъ общественныхъ потребностей, вытекающихъ изъ необходимости регулировать внутреннія отношенія общества. Было время, когда государство, совершенно устраняя общественную самодѣятельность, брало на себя всю эту сложную задачу, исполняя ее посредствомъ своихъ агентовъ, отъ которыхъ требовало одного послушанія и „исполнительности“ Общественная дѣятельность есть дѣятельность свободная: ей нѣтъ или почти нѣтъ мѣста въ „полицейскомъ государствѣ“, управляемомъ бюрократически, ибо только лица, стоящія у кормила власти, могутъ имѣть иниціативу. Такому государству теперь пришелъ или приходитъ конецъ. Многія государственныя должности получаютъ нѣкоторую независимость, возможность иниціативы и свободы. Съ другой стороны, многія изъ своихъ функцій государство уступило мѣстному самоуправленію, открывающему дорогу для общественной дѣятельности болѣе свободнаго характера, чѣмъ

Библиотека "Руниверс"

бюрократическая служба. Наконецъ, въ государствахъ съ конституціоннымъ режимомъ независимыя общественныя силы призываются къ публичной дѣятельности и на политической аренѣ. Перенесеніе бюрократическихъ привычекъ въ дѣло мѣстнаго и государственнаго самоуправленія каждый разъ является искаженіемъ или нарушеніемъ самодѣятельности общества. Ремесленникъ и чиновникъ хороши каждый на своемъ мѣстѣ, но общесйтвеный дѣятель не можетъ смотрѣть на свое дѣло, какъ на выполненіе заказа или на исполненіе порученія начальства, нимало не интересуясь тѣмъ, кто будетъ носить сшитые имъ сапоги, нимало не заботясь, почему начальство велѣло ему сдѣлать то, а не это. Удовлетвореніе текущихъ нуждъ общества не можетъ совершаться путемъ однихъ частныхъ предпріятій и дѣятельностей или путемъ одного дѣйствія органовъ государственной и общественной власти. На извѣстныхъ ступеняхъ культурной и соціальной жизни возникаютъ частныя общества, ассоціаціи, корпораціи, ферейны—съ цѣлями промышленными, торговыми, благотворительными, цѣлями взаимопомощи, распространенія образованія и т. п., причемъ все это создаетъ новыя и новыя поприща для общественной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что многія изъ такихъ обществъ ставятъ себѣ прямо общественныя цѣли, иногда весьма даже широкія. Въ такой общественной дѣятельности могутъ принимать участіе люди разныхъ профессій, если только послѣднія въ томъ или другомъ отношеніи не являются къ тому помѣхой. Кромѣ цѣлей сотрудничества и взаимопомощи, такія общества имѣютъ у насъ задачи благотворительныя и просвѣтительныя, т.-е. стремятся приносить пользу ближнимъ оказаніемъ матеріальной помощи или распространеніемъ образованія. Въ другихъ странахъ такія частныя общества ставятъ себѣ и болѣе широкія цѣли, добиваясь, напр., какихъ-либо реформъ, что, впрочемъ, относится уже не къ простому

Библиотека "Руниверс"

удовлетворенію текущихъ нуждъ общества. Чѣмъ развитѣе страна въ культурномъ и соціальномъ отношеніи, тѣмъ больше образованные люди принимаютъ участія въ подобной общественной дѣятельности. Иногда она является единственнымъ способомъ дѣлать какое-либо общественное дѣло, иногда — только дополненіемъ къ профессіи или должности, требующимъ не-ремесленнаго и не-чиновничьяго труда.

Ремесленникъ и чиновникъ, это — люди рутины, не видящіе далѣе того маленькаго дѣла, которое они дѣлаютъ, не измѣняющіе привычнаго способа удовлятворять текущія нужды общества, если только кто-либо или что-либо не потребуетъ внести измѣненіе въ эту техническую или бюрократическую рутину. Общественная польза требуетъ не только того, чтобы удовлетворялись текущія нужды общества, но чтобы сами общественные формы и порядки измѣнялись къ лучшему. Ремесленникъ можетъ сдѣлаться изобрѣтателемъ, чиновникъ — реформаторомъ. Многія профессіи и должности прямо обязываютъ вести общество впередъ по пути культурнаго и соціальнаго прогресса. Таковы занятія общественными науками, публицистика, законодательная дѣятельность, распространеніе образованія и т. п. и т. п. На всѣхъ этихъ поприщахъ удовлетвореніе текущихъ нуждъ общества трудно отдѣлить отъ содѣйствія общественному прогрессу, какъ это можно сдѣлать, напр., по отношенію къ архитектору, строящему дома, или врачу, лѣчащему больныхъ. Дѣло въ томъ, что многія текущія нужды общества не могутъ быть удовлетворены при сохраненіи status quo, безъ преобразованій и улучшеній въ общественныхъ формахъ и порядкахъ. Связь между удовлетвореніемъ текущихъ нуждъ, какъ цѣлью, съ одной стороны, и преобразованіями и улучшеніями, какъ средствами, ее осуществляющими, съ другой, существуетъ самая несомнѣнная: всѣ благодѣтель-

Библиотека "Руниверс"

ныя реформы порождались тѣмъ, что ихъ настойчиво требовало неудовлетворительное состояніе общества, т.-е. извѣстная комбинація текущихъ нуждъ. Съ другой стороны, и само удовлетвореніе этихъ нуждъ во многихъ случаяхъ является дѣятельностью, подготовляющею или осуществляющею культурный и соціальный прогрессъ: такова, напр., всякая просвѣтительная дѣятельность. Однимъ словомъ, между обѣими категоріями полезной въ общественномъ смыслѣ дѣятельности, между той, которая ограничивается настоящимъ и довольствуется данными условіями, и тою, которая оказываетъ вліяніе на будущее и вноситъ измѣненіе въ данныя условія, иногда нѣтъ неподвижной границы, нерѣдко происходитъ взаимодѣйствіе, часто даже совершается совпаденіе. Чѣмъ болѣе дѣятель заглядываетъ въ будущее и стремится влiять на самыя условія своей дѣятельности, тѣмъ болѣе онъ—общественный дѣятель: чиновникъ довольствуется очисткою текущихъ дѣлъ, не заглядываетъ впередъ (да и вообще дальше своего маленькаго дѣла ничего не видитъ) и дѣйствуетъ по разъ заведенному порядку.

Содѣйствіе культурному и соціальному прогрессу есть настоящее поприще всякой общественной дѣятельности. Неудовлетворенныя или дурно удовлетворенныя потребности отдѣльныхъ членовъ общества и цѣлыхъ общественныхъ классовъ, обветшалые и пришедшіе въ полную негодность порядки, несовершенства и несправедливости экономическаго и политическаго быта, нарожденіе новыхъ потребностей, возникновеніе новыхъ явленій, распространеніе новыхъ идей,—все это заставляетъ общество стремиться къ перемѣнамъ, къ преобразованіямъ, къ нововведеніямъ, къ улучшеніямъ. Неподвижность и застой для общества — зло: у общества есть глубокая потребность идти впередъ, измѣняться, развиваться, и, конечно, улучшаться. Эта потребность должна удовлетворяться, но

Библиотека "Руниверс"

ничто въ общественной жизни не дѣлается само собою, т. е. безъ извѣстныхъ дѣятельностей, совершающихъ всѣ въ немъ перемѣны, преобразованія, нововведенія, улучшенія, а дѣятельности предполагаютъ дѣятелей. Въ глубинахъ народной жизни всегда происходятъ тѣ или другія движенія, иногда медленныя и едва замѣтныя, иногда отличающіяся быстротой и рѣзкостью, когда дѣло доходитъ до взрыва страстей, до насилій, до попытокъ радикальнаго переворота. Общественныя нужды и потребности должны быть изучены, народныя жалобы и желанія приняты въ расчетъ, стихійные взрывы страстей и насильственныя попытки создать новые порядки силою одного страстнаго ихъ желанія—предупреждаемы, справедливыя просьбы и законныя требованія—удовлетворяемы, и вмѣстѣ съ тѣмъ должны постоянно научно ставиться общественные вопросы, назрѣвающіе въ жизни; должны обсуждаться мѣры, которыми можно было бы на практикѣ разрѣшить задачи, вытекающія изъ этихъ вопросовъ; должны придумываться способы и пріискиваться средства для совершенія всѣхъ нужныхъ перемѣнъ; должны организоваться и направляться къ желанной цѣли силы, необходимыя въ дѣлѣ преобразованій, нововведеній, улучшеній. Это — широкое поле для общественной дѣятельности, но работа, какой требуютъ подобныя задачи, весьма сложна и весьма трудна, сама требуетъ особыхъ силъ, способностей, подготовки, налагаетъ тяжелую отвѣтственность. Бываютъ времена особенно сильной дѣятельности общества въ преобразовательномъ направленіи, бываютъ времена затишья. Но всегда для такой общественной дѣятельности нужны люди и люди, —люди сильной мысли и вѣрной инициативы, широкаго ума и солидной подготовки, люди съ глубокимъ общественнымъ интересомъ и твердымъ характеромъ.

Реальный источникъ всѣхъ перемѣнъ, упрочивающихся въ жизни общества,—тѣ самыя потребности отдѣльныхъ

Библиотека "Руниверс"

его членовъ, особыхъ его классовъ или цѣлаго общества, для удовлетворенія которыхъ и существуютъ общественныя дѣятельности. Въ нѣдрахъ общества существуютъ и борятся между собою, стремясь отстоять себя и сохранить, расширить свою сферу и усилить свое значеніе, разные интересы. Соціальная борьба есть борьба классовъ; участіе въ этой борьбѣ, разъ она есть именно борьба цѣлыхъ классовъ, а не поединки между отдѣльными лицами изъ враждебныхъ лагерей, составляетъ одинъ изъ видовъ общественной дѣятельности, направленныхъ на господствующіе въ соціальномъ быту порядки, на самый соціальный строй. Защита тѣхъ или другихъ интересовъ и различіе въ пониманіи средствъ, ведущихъ къ желательной цѣли, создаютъ отдѣльныя политическія партіи. Интересы разныхъ соціальныхъ классовъ и принципы разныхъ политическихъ партій, разумѣется, имѣютъ весьма неодинаковое отношеніе къ принципамъ истины и справедливости, къ общественной пользѣ и возможно наибольшему счастью возможно наибольшаго числа членовъ общества. Можетъ быть, и даже навѣрное, ни одна партія не имѣетъ права быть названа непогрѣшимой, по крайней мѣрѣ, если не по цѣлямъ своимъ, то по средствамъ, и если не въ отношеніи нравственности средствъ, то въ отношеніи ихъ цѣлесообразности и т. п., но гдѣ-нибудь да должно же быть болѣе вѣрное и основательное пониманіе общаго благополучія и его условій, болѣе истинное и справедливое пониманіе культурныхъ, этическихъ, экономическихъ, юридическихъ, соціальныхъ, политическихъ вопросовъ. Тамъ, гдѣ существуютъ и могутъ существовать правильно организованныя партіи, общественные дѣятели обыкновенно распредѣляются между этими партіями, каждый сообразно съ своимъ пониманіемъ общаго блага и общественной пользы или, что̀ бываетъ чаще, со своими классовыми интересами и традиціями. Иныя партіи отстаиваютъ только извѣстныя,

Библиотека "Руниверс"

опредѣленные интересы, иныя — интересы человѣческой личности вообще, интересы широкихъ круговъ общества, интересы большинства трудящейся народной массы. Дѣятельность защитника народныхъ интересовъ, друга народа, его вождя и вмѣстѣ съ тѣмъ его слуги—одна изъ самыхъ благородныхъ общественныхъ дѣятельностей. Во-первыхъ, народъ, это—большинство общества; во-вторыхъ, это—трудящаяся масса, на которой покоится все матеріальное благосостояніе общества и государства; въ-третьихъ, это—наиболѣе обездоленный классъ общества, наиболѣе нуждающійся въ помощи со стороны интеллигенціи и государства; въ-четвертыхъ, классъ, въ культурномъ отношеніи наиболѣе отсталый, благодаря чему его легко эксплуатировать, пользуясь его незнаніемъ и непониманіемъ, не только его врагамъ, но и ложнымъ друзьямъ, продѣлывающимъ надъ нимъ свои эксперименты.

Есть текущія нужды и задачи общественнаго прогресса, одинаковыя для интеллигенціи и для народа. Во врачебной помощи нуждается и крестьянинъ, и писатель. Пріобрѣтеніе свободы совѣсти въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно совершилось, было благомъ и для простолюдина, и для интеллигента. Есть, съ другой стороны, дѣятельности, существующія исключительно для удовлетворенія извѣстныхъ потребностей людей интеллигентныхъ, и дѣятельности исключительно въ средѣ народной. Но если однѣ изъ дѣятельностей перваго рода, дѣйствительно, проходятъ безслѣдно и безплодно для народной массы, изъ этого еще не слѣдуетъ, что всѣ дѣятельности этой категоріи таковы, и что съ точки зрѣнія общаго блага всякая такая дѣятельность должна быть поставлена ниже всякой дѣятельности непосредственно среди народа. Конечно, такая дѣятельность—особенно во имя идеи, а не по простой необходимости, а также не въ роли того или другого начальства — требуетъ отъ человѣка высокихъ нравствен-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ качествъ, великаго самоотверженія, — жить въ деревнѣ, среди неудобствъ тамошней обстановки, получать скудное вознагражденіе, чувствовать свое одиночество въ малокультурной средѣ, быть лишеннымъ многихъ изъ высшихъ духовныхъ наслажденій обмѣна мыслей съ равными по развитію людьми, чтенія тѣхъ книгъ, какихъ только ни захочешь, посѣщенія публичныхъ лекцій, засѣданій въ разнаго рода обществахъ, литературныхъ вечеровъ, спектаклей, концертовъ, картинныхъ галлерей, музеевъ, выставокъ, всего того, чѣмъ скрашивается жизнь большихъ центровъ и иногда просто только городовъ вообще! Да, если прикладывать къ общественной дѣятельности только мѣрку исполненія суроваго этическаго долга, доходящаго до самоотверженія, любви къ ближнему, совершенно безкорыстной чистоты побужденій, то въ сравненіи съ дѣятельностью тружениковъ среди народа, которые могли бы, но не захотѣли занимать болѣе видныя и почетныя, болѣе удобныя и выгодныя положенія въ обществѣ, всякая иная дѣятельность поблѣднѣетъ. Но реальная польза, приносимая народу, не зависитъ исключительно ни отъ того, въ какой средѣ совершается и на что ближайшимъ образомъ направлена та или другая дѣятельность, могущая имѣть общественно-полезное значеніе, по самому своему существу, не зависитъ исключительно отъ чистоты побужденій и самоотверженности поступковъ человѣка. Пользу народу можно приносить, не живя непосредственно среди народа, не работая надъ непосредственнымъ удовлетвореніемъ его нуждъ, не приходя даже въ непосредственное соприкосновеніе съ народомъ: пользу народу можно приносить, вращаясь лишь въ культурной средѣ, трудясь надъ улучшеніемъ общихъ культурныхъ и соціальныхъ условій данной страны, отъ которыхъ зависитъ и благо народа, распространяя въ интеллигентныхъ кругахъ идеи истины, справедливости, добра, общаго блага, народной

Библиотека "Руниверс"

пользы. И можно вѣдь, съ другой стороны, и близко стоять къ народу, да по особенностямъ своей индивидуальности или по внѣшнимъ обстоятельствамъ оставаться для него совершенно безполезнымъ, несмотря ни на самоотверженную дѣятельность и энергичную борьбу съ препятствіями, какія встрѣчаются на этомъ пути, ни на благія намѣренія, если человѣкъ берется за дѣло, къ которому у него нѣтъ ни истинной любви, ни настоящаго призванія, ни надлежащаго умѣнія, ни необходимыхъ знаній, ни тѣхъ особыхъ чертъ характера, какія нужны для дѣятельности среди униженныхъ и оскорбленныхъ, среди труждающихся и обремененныхъ, среди людей неразвитыхъ, невѣжественныхъ, грубыхъ,—не всякому же вѣдь по плечу роль вопитателя. Не всякій можетъ быть и героемъ, да и обществу нужны не одни герои, но и обыкновенные смертные. Безкорыстіе и самоотверженность — великія нравственныя качества. Было бы противнымъ логикѣ и этикѣ утверждать, что не нужно быть безкорыстнымъ и самоотверженнымъ,—и отговаривать отъ той или другой дѣятельности лишь потому, что она требуетъ этихъ двухъ качествъ. Наоборотъ, нужно поощрять эти качества, которыя необходимо во имя нравственнаго идеала проявлять вездѣ, на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Я хочу сказать только, что безкорыстіе и самоотверженность сами по себѣ не суть еще ручательства въ томъ, что поступки, ими управляемые, принесутъ наибольшую пользу. Нравственнымъ человѣкомъ и полезнымъ членомъ общества можно быть въ разныхъ соціальныхъ положеніяхъ, по сущности своей не безнравственныхъ и не вредныхъ. Выборъ своего положенія—дѣло вкуса и совѣсти каждаго, его практическихъ соображеній о своей личной и общественной пользѣ. Считать только свой выборъ правильнымъ, только свое дѣло называть нравственнымъ и полезнымъ, обвинять въ тупости или трусости, въ без-

Библиотека "Руниверс"

разсудствѣ или себялюбіи и пр. и пр. людей, поступающихъ иначе, сводить весь сложный вопросъ объ общественной пользѣ къ одному какому-либо рецепту, это может быть только признакомъ догматизма мысли, фанатизма чувства и деспотизма воли. Но объ этомъ было уже сказано довольно. Съ точки зрѣнія общаго благополучія нужно только, чтобы дѣятельность не была ни въ какомъ случаѣ вредною для народа, чтобы отъ нея вытекала или могла вытекать польза для народа, прямая, непосредственная или косвенная, посредственная, ближайшая или отдаленная, теперь ли и сейчасъ или когда-нибудь, въ болѣе близкомъ или далекомъ будущемъ, въ однихъ ли отношеніяхъ или въ другихъ и т. п. Говорить, что только въ качествѣ такого-то дѣятеля, на такой-то работѣ, въ такой-то средѣ можно быть полезнымъ народу; и что все остальное никуда не годится,—кто бы это ни говорилъ,—значитъ въ концѣ концовъ не столько думать о самомъ народномъ благѣ, сколько о торжествѣ *своего*, чисто личнаго пониманія этого блага. Противъ такой исключительности можно возражать не только съ логической и чисто этической точки зрѣнія, но и со стороны общественнаго интереса. Для народа прямо невыгодно, чтобы его благу, которое само есть нѣчто сложное и многостороннее, служили лишь на одномъ какомъ-либо общественномъ поприщѣ, однимъ только образомъ, въ одномъ только отношеніи, и всѣ однообразные рецепты были бы въ этомъ отношеніи не только неразумны и несправедливы, проявляя узкость пониманія и требуя отказа отъ свободы выбора, но и вредны, такъ какъ при этомъ изъ-за одного частнаго вида дѣятельности, выдвинутаго на высоту всеобщаго принципа, легко оставить въ пренебреженіи другіе способы „сѣять разумное, доброе, вѣчное“ Есть вещи, которыя народное благо прямо не дозволяетъ, запрещаетъ дѣлать; есть вещи, которыя оно столь же прямо повелѣ-

Библиотека "Руниверс"

ваетъ, обязываетъ дѣлать, но *что* и *какъ* дѣлать,—это въ громадномъ большинствѣ случаевъ — и съ точки зрѣнія правъ личности, и съ точки зрѣнія общественнаго интереса—одинаково слѣдуетъ предоставить свободному выбору каждаго подъ руководствомъ его личнаго разума и совѣсти и въ зависимости отъ его жизненныхъ обстоятельствъ и окружающихъ общественныхъ условій. Право личности самой опредѣлять свое жизненное призваніе и интересъ общества въ томъ, чтобы благу самой многочисленной, наиболѣе трудящейся и нуждающейся въ помощи его части служили на всѣхъ поприщахъ, всѣми мѣрами, во всѣхъ сторонахъ соціальнаго быта, такимъ образомъ вполнѣ совпадаютъ,—новое соображеніе противъ всякихъ однообразныхъ рецептовъ въ дѣлѣ выбора профессіи. Нужно только, чтобы выбранная профессія не противорѣчила общимъ принципамъ этики и требованіямъ общаго блага, общественной пользы, народнаго счастья, и этого уже достаточно въ мірѣ, гдѣ эти нравственныя и общественныя начала постоянно попираются.

Служеніе народному счастью можетъ совершаться лишь въ извѣстномъ направленіи или въ извѣстныхъ направленіяхъ. Весьма естественно, что люди одного и того же образа мыслей, отстаивающіе одни и тѣ же интересы и ставящіе себѣ однѣ и тѣ же цѣли, одинаково понимающіе то, какъ и чѣмъ слѣдуетъ добиваться ихъ осуществленія, дѣлающіе одно и то же дѣло, хотя бы и на разныхъ поприщахъ и въ различной обстановкѣ, сочувствуютъ другъ другу, сближаются, другъ другу помогаютъ и содѣйствуютъ, иногда организуются для совмѣстной дѣятельности, образуютъ партіи. Не всѣ такія соединенія служатъ общему благу; не всѣ, служа ему, одинаково хорошо его понимаютъ; не всѣ, хорошо его понимая, находятъ вѣрные пути, ведущіе къ его осуществленію; не всѣ, ставъ на настоящую дорогу, умѣютъ по ней идти. Человѣку

Библиотека "Руниверс"

приходится не только выбрать себѣ профессію по душѣ и полезную для другихъ, ему приходится выбирать между разными направленіями, а гдѣ таковыя есть, и партіями, на которыя дѣлятся общественные дѣятели и остальные члены общества. Чѣмъ менѣе исключительна, чѣмъ терпимѣе партія въ границахъ самыхъ общихъ принциповъ добра и требованій народнаго блага, чѣмъ шире охватываетъ ея программа народную жизнь и чѣмъ менѣе требуетъ она отъ своихъ членовъ сектантскаго догматизма, вѣрности традиціоннымъ символамъ и рутиннымъ пріемамъ, и тѣмъ, конечно, лучше для того дѣла, которому должны служить настоящіе общественные дѣятели. Конечно, каждый приверженецъ своей партіи, въ качествѣ именно члена этой партіи, долженъ пропагандировать ея принципы и вербовать себѣ сторонниковъ: это — тоже одинъ изъ видовъ общественной дѣятельности. Въ чемъ, однако, должны заключаться эта пропаганда и эта вербовка, какъ не въ доказываніи того, что данное направленіе лучше другихъ понимаетъ общее благо, болѣе другихъ къ нему стремится, вѣрнѣе знаетъ пути, къ нему ведущіе, скорѣе, успѣшнѣе, прочнѣе можетъ его осуществить, нежели кто-либо другой? Иногда, конечно, въ подобныхъ заявленіяхъ есть только одно голое лицемѣріе, эта „дань, которую порокъ платитъ добродѣтели“, но въ другихъ случаяхъ они — результатъ самаго искренняго убѣжденія, самой глубокой вѣры, И здѣсь, и тамъ борьба мнѣній ведется передъ обществомъ, повидимому, на одной и той же почвѣ, ссылаются на одни и тѣ же принципы истины, справедливости, общаго блага съ тѣмъ лишь различіемъ, что одни искренне вѣрятъ въ то, что говорятъ, другіе же только считаютъ нужнымъ, чтобы имъ вѣрили другіе. Хотя обществу и важно, чтобы искренность торжествовала надъ лицемѣріемъ, но важно также и то, чтобы истина торжествовала надъ заблужденіемъ, хотя бы послѣднее было предметомъ честнаго

Библиотека "Руниверс"

убѣжденія и горячей вѣры. Можно страстно желать народнаго блага и беззавѣтно вѣрить, что оно достигается только такимъ-то и такимъ-то образомъ, и тѣмъ не менѣе глубоко заблуждаться. Такая вѣра и основанная на ней дѣятельность можетъ быть не только не полезна, но даже вредна по своимъ послѣдствіямъ для того дѣла, которому человѣкъ служитъ, и въ чемъ тутъ ошибка, это иногда очень хорошо можетъ видѣть и ясно выставлять человѣкъ, ведущій свою линію внѣ какихъ бы то ни было заботъ объ общемъ благѣ: и критика противника можетъ быть полезна. Искренняя убѣжденность и беззавѣтная вѣра во что-либо хорошее, доброе, благое—высокія нравственныя качества, но это только настроенія; а какъ бы возвышенны ни были настроенія, они не заключаютъ въ себѣ еще гарантіи успѣха и не могутъ также служить ручательствомъ того, что такой-то образъ дѣйствій принесетъ пользу. Вѣрнѣе достигать желанныхъ результатовъ съ нѣкоторою долею сомнѣнія, не такого сомнѣнія, которое приводитъ къ нерѣшительности и бездѣйствію, а сомнѣнія, заставляющаго быть осмотрительнымъ и осторожнымъ—не поступать зря, наобумъ да на-авось. Убѣжденность и вѣра способны увлекать другихъ, и въ этомъ сильная ихъ сторона, ихъ преимущество передъ разсудочными доказательствами и знаніемъ. Магометъ увѣровалъ, что онъ пророкъ Божій, и въ короткое время въ его посланничество увѣровали милліоны, а Коперникъ открылъ вращеніе земли, и до сихъ поръ лишь люди, учившіеся космографіи, знаютъ и понимаютъ эту истину. Успѣхъ общественныхъ идей зависитъ не отъ одной ихъ внутренней, логической, этической, соціальной состоятельности, но кромѣ того, — и иногда даже въ гораздо большей степени,—отъ предрасположенія къ нимъ общества, отъ извѣстнаго состоянія умовъ. При существованіи догматическихъ привычекъ мысли общее или частное заблужденіе, распространяемое

Библиотека "Руниверс"

путемъ вѣры, у большинства всегда получитъ перевѣсъ надъ истиной, распространяемой путемъ знанія. Темную и въ темнотѣ своей легковѣрную массу столь же легко обмануть, какъ и увлечь за собою собственною вѣрою во что-либо несуразное. Между тѣмъ, заблужденіе есть нѣчто вредное, и только истина можетъ быть полезна. Враждующимъ между собою партіямъ и направленіямъ, можетъ быть и выгоднымъ пользоваться догматическимъ состояніемъ умовъ, дѣйствовать исключительно на чувства, на воображеніе, на потребность вѣры, но выгоднымъ это можетъ быть лишь съ узко-партійныхъ точекъ зрѣнія. Для направленія, отрѣшающагося отъ политики партій, которыя видятъ свою выгоду въ догматическомъ состояніи умовъ, какъ въ хорошей почвѣ для распространенія своихъ принциповъ, для партіи, ставящей общее благо выше такихъ соображеній, не думающей, что цѣль оправдываетъ средства, не видящей въ живыхъ личностяхъ только орудія для своей побѣды, только ариѳметическія единицы, которыя увеличиваютъ ея численность, и не боящейся, что высокое умственное развитіе общества будетъ помѣхою въ достиженіи ею своихъ цѣлей,—для такого направленія, для такой партіи вся забота должна заключаться не въ томъ, чтобы восторжествовать во что бы то ни стало и какимъ бы то ни было образомъ, а въ томъ, чтобы восторжествовать, только благодаря внутренней очевидности и доказательности своихъ принциповъ съ точки зрѣнія науки, морали и общественной пользы, и восторжествовать, благодаря еще подговленности общества къ принятію этихъ принциповъ, не такъ, какъ арабы повѣрили Магомету, а какъ образованные люди всѣхъ странъ соглашаются съ ученіемъ Коперника. Общая польза, народное благо требуютъ именно того, чтобы тѣ или другія практическія идеи получали въ обществѣ ходъ по своей внутренней состоятельности, а не по внѣшней заманчи-

Библиотека "Руниверс"

вости, удовлетворяющей тѣ или другія чувства, говорящей воображенію, успокаивающей потребность въ вѣрѣ, и чтобы для этого общество или, по крайней мѣрѣ, дѣятельная его часть были способны отличать внутренне состоятельное отъ внѣшне заманчиваго, основанное на вѣрномъ пониманіи отъ основаннаго на сильномъ желаніи только.

Вступая въ сознательную жизнь, готовясь къ жизни дѣятельной, человѣку приходится не только выбирать себѣ профессію, но и опредѣлять, въ какомъ направленіи должна совершаться его дѣятельность. Занимаясь однимъ и тѣмъ же дѣломъ, можно вести его и такъ, и этакъ. Ставя общественную пользу цѣлью своей дѣятельности, можно понимать эту пользу различнымъ образомъ. Всякому выбору въ подобныхъ случаяхъ ради самой же цѣли, которая тутъ ставится, должно предшествовать ознакомленіе съ отдѣльными рѣшеніями возникающихъ на этой почвѣ вопросовъ, изслѣдованіе отдѣльныхъ направленій и ихъ оттѣнковъ. Кто, дѣйствительно, хочетъ узнать, что можетъ на самомъ дѣлѣ принести пользу, быть реальнымъ и достижимымъ благомъ, тотъ не можетъ начинать выборъ съ того, чѣмъ онъ долженъ былъ бы кончаться, рѣшать, гдѣ истина, до изслѣдованія этого вопроса. Для догматическихъ головъ, которыя ищутъ не столько настоящей истины относительно того, въ чемъ на самомъ дѣлѣ заключается полезное направленіе общественной дѣятельности, сколько собственнаго своего успокоенія на какой-нибудь простой, точной и короткой формулѣ, собственно говоря, и нѣтъ вопросовъ, нѣтъ ихъ изслѣдованія, нѣтъ критики, противорѣчивыхъ мнѣній, а есть только желаніе безъ собственнаго труда и собственныхъ усилій получить готовую истину. Ихъ не смутятъ даже заявленія такого рода: „собственно-де говоря, у нашей теоріи нѣтъ еще (или нѣтъ пока) никакихъ философскихъ или научныхъ основаній, но тѣмъ не

Библиотека "Руниверс"

менѣе теорія наша самая вѣрная, даже единственно вѣрная“ Догматическія головы успокаиваются на такихъ „единственно вѣрныхъ“ теоріяхъ и не идутъ далѣе: зачѣмъ будутъ еще какія-то тамъ книги, когда все, что нужно знать, уже сказано въ Коранѣ? Не всѣ, какъ извѣстно, далѣе, вѣрующіе въ Коранъ, его читаютъ и знаютъ, довольствуясь нѣсколькими короткими формулами, „въ которыхъ-де заключается все“, и даже не думая провѣрить, дѣйствительно ли въ этихъ формулахъ все передано точно и не пропущено ничего существеннаго и важнаго.

А выбирать приходится. Если никто не стоитъ у тебя надъ душой, никто тебя не торопитъ, ничто не заставляетъ спѣшить, есть, значитъ, время подумать, разузнать, посравнить, и нѣтъ надобности бросаться на первую заманчивую формулу, потому что она громче другихъ себя въ данную минуту заявляетъ, пользуется наибольшимъ догматическимъ успѣхомъ и представляется заманчивой по своей простотѣ и точности. На тѣхъ ступеняхъ умственнаго развитія, когда еще сильны догматическія привычки мысли и привычка воли къ гетерономической морали, конечно, особенно частыми могутъ быть быстрыя обращенія въ ту или другую вѣру. Въ извѣстномъ возрастѣ они даже неизбѣжны, являются необходимою ступенью умственнаго развитія, лишь бы только на такой ступени развитіе и не останавливалось. Когда на людей смотрятъ не какъ на личности, благо которыхъ должно стоять на первомъ планѣ, разъ на нихъ или по отношенію къ нимъ желаютъ дѣйствовать, именно, когда на нихъ смотрятъ, какъ на орудія или средства для достиженія извѣстной цѣли, и не столько заботятся о ихъ собственномъ умственномъ развитіи и ихъ самостоятельности, сколько о томъ, чтобы они думали извѣстнымъ образомъ и извѣстнымъ образомъ поступали, тогда, конечно, удобнѣе всего идти съ догматическою

Библиотека "Руниверс"

проповѣдью въ ту среду, гдѣ именно по условіямъ этой среды проповѣдь будетъ наиболѣе успѣшна. Если борящіяся между собою направленія, не ограничиваясь простою проповѣдью, но стараясь и доказывать правильность своихъ принциповъ, ссылаются на аргументы истины, справедливости и общественой пользы и желаютъ при этомъ быть вполнѣ правдивыми и добросовѣстными, то они должны не только хлопотать о томъ, чтобы самые доводы ихъ были основательны и состоятельны, но и желать того, чтобы лица, къ которымъ они обращаются, способны были совершенно ясно понимать эти доводы, оцѣнивать ихъ силу, признавать основанныя на нихъ заключенія, а не принимали только на вѣру эти заключенія, не особенно заботясь о томъ, есть ли у нихъ философскія и научныя основанія. Когда партійная пропаганда имѣетъ своимъ объектомъ не вербовку сторонниковъ среди тѣхъ круговъ или слоевъ общества, интересы которыхъ и ставятся тогда на знамени партіи, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы набрать новыхъ общественныхъ дѣятелей даннаго направленія, нужно желать, чтобы будущіе дѣятели вполнѣ сознательно и самостоятельно, по зрѣломъ размышленіи и обладая уже запасомъ знанія и пониманія, становились подъ знамя этого направленія.

Учить другихъ тому, какъ нужно думать и что нужно дѣлать, можно двоякимъ способомъ. Во-первыхъ, отвѣчая на ихъ запросы, имѣть въ виду не этихъ другихъ, т.-е. не ихъ, желающихъ учиться, а извѣстную общественную цѣль, сообразно съ требованіями которой, такъ или иначе понимаемыми, и дѣлаются отвѣты: думай вотъ такъ, дѣлай то-то или то-то. Это способъ именно догматическій. Или можно, во-вторыхъ, имѣть при этомъ въ виду прежде всего самихъ нуждающихся въ томъ, чтобы быть наученными, т.-е. не то, какую пользу можно было бы извлечь изъ нихъ для общаго блага, а ихъ собственное благо, кото-

Библиотека "Руниверс"

рое состоитъ въ томъ, чтобы умѣть самостоятельно мыслить, правильно судить, вѣрно выбирать цѣли своей дѣятельности, поступать цѣлесообразно. Понимая это благо этически и научая ихъ самихъ не иначе его понимать, тѣмъ самымъ, конечно, будешь содѣйствовать и общему благу, ибо правильное развитіе отдѣльной личности въ результатѣ непремѣнно должно дать то, что̀ составляетъ содержаніе всякой догматической пропаганды съ честнымъ и проникнутымъ идеей общаго блага направленіемъ. Притомъ самостоятельная работа мысли, о которой я говорю, даетъ болѣе прочные и устойчивые результаты, чѣмъ могутъ дать быстрыя обращенія и преходящія увлеченія, дѣлающія болѣе возможными и разочарованіе, и охлажденіе, и отпаденія, и перемѣны фронта, не говоря уже о томъ, что самостоятельная работа мысли есть движеніе впередъ, въ которомъ одинъ изъ важныхъ залоговъ общественной пользы, тогда какъ всякое успокоеніе на какой-либо вѣрѣ есть источникъ застоя, вреднаго и въ общественномъ смыслѣ. Что же полезнѣе для общества? Если бы мнѣ даже доказали, что и первое полезно, это не было бы возраженіемъ на основную мысль мою о томъ, что второе заключаетъ въ себѣ и свою собственную пользу, и возможность пользы, ожидаемой отъ перваго.

Исходя изъ принципа общественной пользы, изъ правильнаго пониманія блага самой молодежи, задумывающейся надъ вопросами о родахъ и направленіяхъ общественной дѣятельности и изъ правильнаго пониманія блага народа, которое является первѣйшею и главнѣйшею составною частью всеобщаго благополучія, нельзя, мнѣ кажется, говорить иначе, чѣмъ я говорилъ въ этой главѣ.

Библиотека "Руниверс"

IV. Творчество и осуществленіе общественныхъ идеаловъ.

Я говорилъ, что дѣятельности, имѣющія общественный характеръ, могутъ быть или направлены на удовлетвореніе текущихъ нуждъ общества, или имѣть своимъ предметомъ воздѣйствіе на самые строй, формы, порядки, отношенія общества. Въ связи съ этимъ я говорилъ о разнаго рода профессіяхъ въ широкомъ смыслѣ слова, существующихъ для удовлетворенія текущихъ нуждъ общества, и о партіяхъ опять-таки въ широкомъ смыслѣ слова, различающихся между собою по своимъ отношеніямъ къ даннымъ культурно-соціальнымъ формамъ и порядкамъ и по своимъ взглядамъ на то, для чего, въ чемъ и какъ эти формы и порядки могутъ или должны быть предметомъ воздѣйствія. Удовлетвореніе текущихъ нуждъ общества средствами существующихъ въ немъ профессій по самой природѣ дѣла совершается въ данныхъ условіяхъ, и всякія измѣненія, преобразованія, улучшенія этихъ общихъ условій, устраненіе условій отжившихъ и вредныхъ, созданіе условій новыхъ и полезныхъ, относятся уже къ общественнымъ дѣятельностямъ второй категоріи. Думать о воздѣйствіи на строй, формы, порядки, отношенія общества и стремиться къ ихъ измѣненію, преобразованію, улучшенію, раздѣляться при этомъ на партіи, между собою несогласныя, можно только имѣя извѣстные общественные идеалы. Въ книжкѣ объ основахъ нравственности, въ тѣсной связи съ которыми мною разсматривается сущность общественной дѣятельности, была отмѣчена важность творчества и осуществленія идеаловъ личнаго совершенства, но человѣкъ творитъ въ своей мысли и стремится осуществить въ своей жизни и идеалы совершеннаго общества. Въ каждую данную минуту мы можемъ дѣйствовать только

Библиотека "Руниверс"

въ данныхъ общественныхъ условіяхъ, въ обществѣ, какимъ оно есть, и это одинаково относится и къ тѣмъ случаямъ, когда мы удовлетворяемъ текущія нужды общества, и къ тѣмъ, когда работаемъ надъ измѣненіемъ этихъ условій. Но данному обществу, даннымъ формамъ и порядкамъ мы противополагаемъ общество, какимъ оно должно быть, противополагаемъ идеальные общественные порядки и формы, созданные нашею мыслью и требующіе у нашей воли, чтобы она ихъ осуществляла. Это творчество соціальныхъ идеаловъ началось съ исторіей, проходитъ черезъ всю исторію и съ исторіей же только и окончится: если бы идеалъ былъ достигнутъ, прекратилось бы всякое движеніе впередъ, прекратилась бы и исторія. Духовное развитіе вполнѣ сознательной личности есть постоянное творчество и усовершенствованіе ея нравственнаго и общественнаго идеала: кто остановился на однажды добытомъ представленіи о томъ, въ чемъ заключается личное совершенство и совершенство общества, не продолжаетъ творить этотъ идеалъ, сдѣлавъ изъ разъ усвоеннаго идеала своего рода традиціонный догматъ, не подлежащій ни провѣркѣ, ни совершенствованію, тотъ болѣе не развивается, не идетъ впередъ. Хуже всего, когда человѣкъ беретъ со стороны такой догматъ, продуктъ чужого творчества, и самъ бываетъ совершенно неповиненъ въ созданіи того, что̀ для него является идеаломъ. Все, что̀ было говорено въ трехъ первыхъ моихъ книжкахъ, написанныхъ въ поученіе молодежи, о необходимости самообразованія, самостоятельной выработки міросозерцанія, самостоятельнаго опредѣленія цѣли жизни и жизненнаго призванія, самостоятельнаго выбора рода и направленія дѣятельности, о необходимости критической мысли и этической автономіи,—все это клонилось къ тому же самому: думай, изслѣдуй и твори, во-первыхъ, самъ, во вторыхъ, постоянно, дабы въ каждую данную минуту имѣть свои собственныя

Библиотека "Руниверс"

идеи по всѣмъ главнымъ вопросамъ мысли и жизни, теоріи и практики. Вѣчное творчество общественнаго идеала — умственная, нравственная и общественная обязанность. Разъ самостоятельно созданный или извнѣ усвоенный идеалъ, который мы затѣмъ оставляемъ неприкосновеннымъ для изслѣдующей и творящей мысли, въ своей неизмѣнности и неподвижности, въ своей законченности и окоченѣлости, превращается въ своего рода традиціонный догматъ, какъ бы чисто внѣшнимъ образомъ держащійся въ человѣкѣ, какъ нѣчто переставшее быть живою частью его *я*, сдѣлавшееся омертвѣлымъ къ нему придаткомъ, то и самъ человѣкъ можетъ измѣниться, и обстоятельства перемѣниться, а догматъ остается все тотъ же, какъ у людей, ничего не забывающихъ и ничему не научающихся. Все человѣческое несовершенно, несовершенны и наши идеалы, и потому мы нравственно обязаны ихъ совершенствовать, творить все лучшіе и лучшіе идеалы, а если дѣло идетъ не объ идеалѣ личнаго совершенства, но объ идеалѣ совершеннаго общества, необходимо сказывающемся на нашей общественной дѣятельности, то и долгъ нашъ передъ обществомъ—постоянно провѣрять и улучшать принципы нашего соціальнаго идеализма. //

Творчество есть одно изъ самыхъ глубокихъ проявленій человѣческаго духа. Безъ чистаго и безкорыстнаго творчества не было бы поэзіи и искусства на всемъ протяженіи культурной исторіи, начиная съ первыхъ зародышей, изъ которыхъ развилась народная пѣсня, и съ попытокъ дикаря нацарапать изображеніе какого-либо животнаго и кончая современными романами и картинами. Предметомъ поэтическаго и художественнаго творческаго воспроизведенія можетъ быть и міръ реальный, дѣйствительныя явленія въ жизни природы и человѣка, и міръ идеальный, міръ тѣхъ образовъ и идей, которые создаются фантазіей и мышленіемъ человѣка. Содержаніемъ идеаль-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ представленій бываетъ и природа, и человѣческая личность, и человѣческое общество. Передъ воображеніемъ всѣхъ народовъ носились картины парадизовъ и элизіумовъ, странъ, текущихъ медомъ и млекомъ, и странъ съ молочными рѣками въ кисельныхъ берегахъ. Такія картины готовы были рисовать себѣ и отдѣльные люди и, дѣйствительно, ихъ рисовали, создавая, напр., идеальные пейзажи въ живописи. Извѣстный соціальный утопистъ начала XIX в., Фурье, даже прославился—къ невыгодѣ для себя, впрочемъ,—фантастическимъ изображеніемъ природы будущаго, имѣющаго наступить, когда человѣчество достигнетъ гармоническаго общественнаго устройства. Не одна потребность въ творчествѣ, въ себѣ самой находящая свое удовлетвореніе, существуетъ въ человѣческомъ духѣ: творчество служитъ для удовлетворенія и самыхъ глубокихъ этическихъ потребностей человѣка. Идеальное воспроизведеніе человѣческой личности можетъ имѣть своею цѣлью не простое созерцаніе совершеннаго человѣческаго образа, будетъ ли онъ воплощенъ въ мраморной статуѣ, въ простомъ рисункѣ карандашемъ, въ былинномъ богатырѣ или въ идеальномъ героѣ романа. Созданіе въ своемъ воображеніи идеальной личности или возведеніе въ принципъ отдѣльныхъ совершенствъ, какія мы требуемъ отъ человѣка и изъ которыхъ мы создаемъ общія понятія святости, добродѣтели, нравственности, удовлетворяетъ потребности нашей имѣть передъ собою примѣръ для подражанія въ нашей жизни и дѣятельности, вытекаетъ изъ потребности нашей руководствоваться въ жизни идеей должнаго. Въ частности каждый общественный дѣятель долженъ носить и носитъ въ своемъ сердцѣ идеальный образъ общественнаго дѣятеля, идеальныя представленія о томъ, чѣмъ должна быть общественная дѣятельность. Этотъ образъ можетъ быть туманенъ и неясенъ, фантастиченъ и уродливъ, и долгъ общественнаго дѣятеля

Библиотека "Руниверс"

передъ собою, какъ разумною и нравственною личностью, и передъ обществомъ въ качествѣ его члена, отъ поведенія котораго зависитъ увеличеніе или уменьшеніе общаго блага,—заключается въ томъ, чтобы очерчивать рѣзче и прояснять этотъ образъ, дабы его туманность и неясность не скрывали за собою его фантастическихъ и уродливыхъ чертъ, дѣлать этотъ образъ все болѣе и болѣе жизненнымъ, близкимъ къ условіямъ и нуждамъ дѣйствительности, все болѣе и болѣе его облагораживать, дабы онъ соотвѣтствовалъ идеалу дѣйствительно разумнаго, дѣйствительно справедливаго, дѣйствительно полезнаго работника на поприщѣ общественной дѣятельности.

Общественная дѣятельность предполагаетъ общественный идеалъ, т.-е. идеалъ совершеннаго общества, не только идеалъ умнаго, честнаго и умѣлаго общественнаго дѣятеля. Соціальные порядки и формы тоже очень рано дѣлаются предметомъ творчества идеальныхъ представленій. Иногда оно имѣетъ характеръ простой игры воображенія, переносящей насъ въ сказочныя страны, хотя бы тамъ были разбойники, которые одѣваются въ парчу и бархатъ и которыхъ заковываютъ въ серебряныя кандалы, и были палачи, рубящіе имъ головы золотыми топорами и вытирающіе потомъ свои руки шелковыми полотенцами. Часто эта игра воображенія, не отдающая себѣ отчета въ томъ, что̀ дѣйствительно разумно и хорошо, подкрадывается и въ идеальныя представленія иного рода.

Всѣ свои идеальныя представленія общественнаго характера, подобно идеаламъ чисто нравственнымъ, человѣчество творитъ, чтобы, имѣть путеводную звѣзду въ своей исторической жизни чтобы знать, какъ устраивать свое общественное существованіе. И здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ творчества, возможно творчество идеальныхъ представленій въ тѣсномъ смыслѣ образовъ, кар-

Библиотека "Руниверс"

тинъ или творчество идеальныхъ понятій и принциповъ. Древній грекъ, мечтая о золотомъ вѣкѣ или о счастливой жизни какихъ-нибудь гипербореевъ; римлянинъ эпохи упадка, печалившійся о временахъ величія своего отечества; Тацитъ, изображая въ хорошемъ свѣтѣ жизнь современныхъ ему германцевъ; еврейскій народъ, ожидавшій пришествія Мессіи, какъ царя будущаго земного царства; сектанты, вѣрившіе въ скорое пришествіе тысячелѣтняго царства святыхъ на землѣ; Руссо, идеализировавшій бытъ дикарей; романтикъ, прославлявшій католико-феодальный порядокъ; славянофилъ, находящій всѣ совершенства въ до-петровской Руси; народникъ, вѣрящій въ то, что въ основѣ быта простонародной массы осуществлены всѣ высшія начала общественности; наконецъ, авторы всѣхъ утопій и „государственныхъ романовъ“,—всѣ они представляли себѣ идеальную жизнь, нерѣдко представляли идеальное общество и государство даже образно и картинно. Въ ихъ картинахъ и образахъ, однако, лишь поэтическая, художественная, литературная сторона была продуктомъ чистаго творчества, свободнаго полета фантазіи, нуждающейся въ рѣзкихъ или сливающихся очертаніяхъ, въ яркихъ или блѣдныхъ краскахъ, въ увеличеніи или уменьшеніи размѣровъ изображаемыхъ предметовъ, въ свѣтовыхъ и тѣневыхъ эффектахъ, какъ въ живописи. Всѣ эти образы и картины—лишь форма для выраженія идейнаго и принципіальнаго содержанія. Иногда человѣка въ творчествѣ общественнаго идеала болѣе увлекаетъ форма, чѣмъ содержаніе; очень часто только образы и картины схватываетъ и тотъ, кто созерцаетъ эти продукты творчества, т.-е. они говорятъ тогда болѣе его воображенію и чувству, чѣмъ уму и совѣсти. Понятно, что привлекательные образы и заманчивыя картины—сильное средство идейной и принципіальной пропаганды; но это, какъ и все, дѣйствующее на чувство и на вѣру, можетъ

Библиотека "Руниверс"

очень часто болѣе разжигать страсти, чѣмъ просвѣщать умъ, содѣйствовать развитію суевѣрій и изувѣрства, чѣмъ осуществленію предположенныхъ цѣлей. Только творчество, само себѣ отдающее отчетъ въ своемъ процессѣ,—творчество, изслѣдующее логическія и этическія основанія своихъ собственныхъ продуктовъ, обезпечиваетъ противъ опасности, чтобы привлекательные образы и заманчивыя картины, хотя бы даже самые рѣзкіе и яркіе, не заключали въ себѣ фантастическихъ и уродливыхъ чертъ, не были сами фантастичны и уродливы. Съ другой стороны, нужно относиться съ критикою къ чужимъ догматическимъ увлеченіямъ какимъ-либо образомъ, какой-либо картиной съ общественнымъ содержаніемъ. Идеализація „золотого вѣка", „добраго стараго времени", „естественнаго состоянія", быта дикарей, „устоевъ" народной жизни, католико-феодальнаго строя среднихъ вѣковъ, „стараго режима", московской Руси, „дореформенныхъ порядковъ", изображеніе въ привлекательныхъ чертахъ и краскахъ какого-либо общественнаго состоянія, когда-нибудь существовавшаго, предполагающагося существовавшимъ или нынѣ существующаго и будто бы бывшаго или теперь пребывающаго совершеннымъ,—такая идеализація можетъ быть основана или на недоразумѣніи, или на невысокомъ пониманіи идеала, если только допустить искренность подобной идеализаціи. А между тѣмъ искренность и тутъ не гарантія истинности и полезности.

Съ другой стороны, и картины будущихъ состояній общества, созданныя одною вѣрою, однимъ чувствомъ, однимъ воображеніемъ, могутъ быть и фантастичны, и уродливы, находиться въ противорѣчіи съ законами психологіи и соціологіи, съ принципами логики и этики. Сектантство разныхъ родовъ, видовъ и категорій нерѣдко соединяло самыя возвышенныя мечтанія съ суевѣріями и изувѣрствомъ. Лишь тогда утопіи имѣютъ полезное обще-

Библиотека "Руниверс"

ственное дѣйствіе, когда въ основу ихъ кладутся разумно выработанныя нравственныя и общественныя идеи, когда образы и картины являются лишь формою и способомъ изложенія, когда читатели подобныхъ произведеній увлекаются не необходимою въ такихъ случаяхъ фантастикой и не подробностями въ родѣ описанія домовъ, костюмовъ, кушаній и увеселеній въ идеальномъ обществѣ, а положенными въ основу такихъ изображеній идеями и принципами. Какъ средство заинтересовать извѣстными идеями, всѣ изображенія лучшаго будущаго хороши, но цѣль ихъ въ самихъ идеяхъ, которыя именно требуютъ прежде всего не занимательныхъ способовъ своего выраженія и распространенія, а логическихъ и фактическихъ доказательствъ, критической провѣрки на данныхъ опыта, на выводахъ науки, на принципахъ этики, на требованіяхъ общественнаго интереса. Утопія можетъ быть, однимъ словомъ, способомъ нагляднаго обученія, отнюдь не методомъ познанія истины. Настоящее творчество общественнаго идеала есть дѣло не поэзіи, а науки, должно состоять не въ рисованіи фантастическихъ образовъ и утопическихъ картинъ, а въ творчествѣ этическихъ и соціальныхъ принциповъ и практическихъ идей о томъ, что возможно, что удобно, что полезно,—въ творчествѣ, отдающемъ себѣ отчетъ въ своемъ собственномъ процессѣ и опирающемся на данныхъ научнаго изслѣдованія, т.-е. на данныхъ естествознанія, психологіи, соціологіи, политической экономіи, юриспруденціи, политики и исторіи. Видѣть даже въ самыхъ разумныхъ утопіяхъ нѣчто, требующее немедленнаго осуществленія во всѣхъ своихъ частяхъ и со всѣми своими подробностями, значитъ уподобляться сектантамъ, уже много разъ начинавшимъ основывать на землѣ „тысячелѣтнія царства", „новые Сіоны", „всемірныя гармоніи" и т. п., или ребятамъ, которые, начитавшись Робинзона, бѣгутъ

Библиотека "Руниверс"

жить на необитаемыхъ островахъ гдѣ-нибудь подъ Петербургомъ или Москвою. Можно относиться съ сочувствіемъ къ идеализму такихъ людей, съ снисхожденіемъ къ ихъ наивности, но въ сочувствіи этомъ будетъ сильная примѣсь жалости, въ снисхожденіи — значительная доля насмѣшки, и нельзя рекомендовать такого наивнаго идеализма и такой идеальной наивности, какія бы формы и тотъ, и другая ни принимали. Но наивный идеализмъ возможенъ, къ сожалѣнію, и по отношенію къ идеямъ и принципамъ, къ тому, что̀ я называлъ уже не разъ готовыми рецептами общественной дѣятельности. Значитъ, вся вина не въ томъ, какую форму принимаетъ предлагаемый общественный идеалъ, конкретную ли и наглядную форму утопіи съ ея о̀бразностью и картинностью, или абстрактную форму рецепта съ его догматами. Вѣдь и не рисуя яркихъ картинъ будущаго, можно воображать себѣ, что оно будетъ совершаться *непремѣнно* по такой-то формулѣ, какъ это дѣлаютъ люди, утверждающіе, что мы *неизбѣжно* пойдемъ по такой-то дорогѣ, и думающіе, что это они *доподлинно* знаютъ. Правильно мыслящій и цѣлесообразно дѣйствующій человѣкъ въ такомъ сложномъ дѣлѣ никогда̀ доподлинно не знаетъ, что̀ должно неизбѣжно и непремѣнно случиться. Онъ въ состояніи только предусматривать возможность того-то и того-то, сообразно съ чѣмъ и будетъ дѣйствовать самъ или давать другимъ совѣты. Только вѣра, принимающая нерѣдко характеръ суевѣрія или изувѣрства, создаетъ пророковъ, которые ни въ чемъ не сомнѣваются, ничего не изслѣдуютъ, не взвѣшиваютъ, не стараются узнать, а будто-бы знаютъ все напередъ, идутъ напроломъ и приказываютъ другимъ слѣдовать за собою. Суевѣрія могутъ быть даже въ наукѣ: это происходитъ тогда, когда, не зная, что̀ такое наука, ка̀къ она добываетъ истину и чего отъ нея можно, чего нельзя требовать, ожидаютъ отъ нея того,

Библиотека "Руниверс"

чего она именно дать не можетъ, оставаясь наукою. Кто желаетъ, чтобы соціальная наука давала каждому ὸбразное и картинное представленіе идеальнаго общества и точный и опредѣленный рецептъ, по которому это общество сейчасъ можно было бы приготовить изъ даннаго матеріала, а въ случаѣ надобности и изъ ничего, тотъ подъ наукою разумѣетъ все, чтò угодно, но только не науку, а, напр., миѳологическое или поэтическое творчество, искусство дѣлать фокусы или чудеса. Можно относиться къ такому пониманію съ снисхожденіемъ и даже сочувствіемъ, поскольку оно вытекаетъ большею частью изъ благородныхъ побужденій, но необходимы налицо смягчающія обстоятельства въ видѣ неразвитости, неразумія, невѣжества, наивности, совѣтовать же *такъ* понимать науку нельзя.

Въ творчествѣ общественнаго идеала должны участвовать не только разумъ, но и совѣсть человѣка. Общественные идеалы, подсказанные нравственнымъ чувствомъ, могутъ быть фантастичны, утопичны, неосуществимы, могутъ быть туманны, неясны, противорѣчивы, но могутъ существовать идеалы и довольно трезвые и довольно опредѣленные, хотя и безъ нравственной подкладки и потому довольно низменные. Наполеону удалось осуществить свой политическій идеалъ централизованнаго и бюрократическаго государства съ такими внутренными порядками, которымъ даже завидовали въ другихъ странахъ и которые пережили и паденіе первой имперіи, и реставрацію, и іюльскую монархію, и вторую республику, дожили до второй имперіи и не исчезли послѣ установленія третьей республики, — значитъ, его идеалъ былъ трезвый и осуществимый, но онъ не имѣлъ нравственнаго характера. Этика оправдываетъ только такіе общественные идéалы, которые имѣютъ въ своей основѣ — и притомъ на самомъ дѣлѣ, а не по видимости только —

Библиотека "Руниверс"

идеи личнаго достоинства человѣка, всеобщаго счастья, идеи, которыя въ творчествѣ и въ осуществленіи общественнаго идеала должны быть всѣмъ—и мотивомъ творчества, съ одной стороны, и цѣлью, и средствомъ осуществленія, съ другой. Идеалъ, осуществленіе котораго сопровождалось бы попраніемъ всѣхъ естественныхъ правъ личности во имя общаго блага, нелогически представляемаго чѣмъ-то отличнымъ отъ суммы индивидуальныхъ благополучій, или во имя равенства, хотя бы то было каторожное равенство рабовъ; идеалъ, достиженіе котораго требовало бы принесенія въ жертву цѣлыхъ поколѣній ради благополучія ихъ потомковъ, хотя всѣ поколѣнія имѣютъ одинаковое право на счастье и на то, чтобы не быть средствами для цѣлей, которыя не суть ихъ цѣли, — такой идеалъ есть ложный идеалъ. Его не сдѣлаетъ истиннымъ и то, что имъ все-таки вводятся въ соображеніе этическія идеи общаго блага, общественнаго равенства, соціальнаго прогресса, ибо онъ противорѣчивъ, непослѣдователенъ, нелогиченъ въ примѣненіи этическихъ принциповъ, искажаетъ и нарушаетъ ту самую этику, которою думаетъ себя оправдать. Его не спасетъ, какъ идеалъ, ни то, что въ него могли искренне вѣровать, ни то, что за него готовы были идти на смерть друзья народа и мученики за идею. Равнымъ образомъ, общественные идеалы, имѣющіе въ виду исключительные интересы одной какой-либо группы лицъ, одного сословія или класса, одной корпораціи или партіи, идеалы феодаловъ и крѣпостниковъ, буржуазовъ и кулаковъ, даже народа, когда подъ нимъ разумѣется только, напр., одинъ городской пролетаріатъ безъ всей массы крестьянства, или одни санкюлоты,—идеалы партій, въ которыхъ главную роль играютъ интересы политическихъ дѣльцовъ, такіе общественные идеалы тоже суть ложные идеалы, хотя бы и не все въ томъ, что̀ говорится и дѣлается съ точки зрѣ-

Библиотека "Руниверс"

нія всѣхъ этихъ людей, было лишено всякихъ основаній и всякаго смысла. Ложны и тѣ общественные идеалы, которые отрицаютъ у государства всякую нравственную природу, отдѣляютъ „политику" отъ „морали" и ограничиваютъ задачу государства защитою общества изнѣ и поддержкою порядка внутри, хотя бы съ соблюденіемъ законныхъ формъ и безъ нарушенія тишины и спокойствія совершалась самая гнусная эксплуатація слабаго сильнымъ, труда капиталомъ. И такого идеала не спасетъ то обстоятельство, что власть государства ограничивается проповѣдью невмѣшательства не ради защиты несправедливыхъ интересовъ, а во имя этической идеи правъ личности и индивидуальной свободы: и тутъ противорѣчіе, и тутъ непослѣдовательность въ приложеніи этическаго принципа, ибо нельзя же доводить защиту свободы личности до обезпеченія за нею возможности безпрепятственно и безнаказанно закабалять себѣ другую личность. Такіе ложные въ этическомъ смыслѣ идеалы могутъ быть или результатомъ недомыслія и прямолинейности, — и тогда половина вины долой, — или результатомъ дѣйствія дурныхъ настроеній и страстей, своекорыстныхъ интересовъ и вожделеній у отдѣльныхъ лицъ и у цѣлыхъ общественныхъ группъ, напр., у сословій и партій. Дурныя настроенія и страсти — плохіе совѣтники въ вопросахъ этики и политики, даже тогда, когда они находятъ естественное объясненіе и извѣстное оправданіе въ причиненныхъ обидахъ, несправедливости, угнетеніи. И такое оправданіе не сдѣлаетъ хорошимъ идеала возставшихъ рабовъ, которые мечтаютъ превратиться сами въ господъ надъ другими, ибо идеалъ, не устраняющій самого рабства, есть ложный идеалъ, а въ данномъ случаѣ и продиктованъ онъ могъ бы быть только чувствомъ мщенія. Что же сказать о тѣхъ общественныхъ идеалахъ, крѣпостническихъ и кулаческихъ, въ которыхъ всякое раб-

Библиотека "Руниверс"

ство, неравенство, несправедливость являются результатомъ не ослѣпленія дошедшей до послѣдняго напряженія страстью, а, напротивъ, слишкомъ, такъ сказать, зрячаго расчета личной выгоды? Для неэтичности такихъ идеаловъ, разумѣется, нѣтъ уже никакого нравственнаго оправданія. Вредными могутъ быть всякій догматизмъ и фанатизмъ, но они не вѣдаютъ сами, что̀ творятъ: гораздо непростительнѣе дѣлать научное изслѣдованіе и расчетливую дѣятельность орудіемъ несправедливости.

Я уже говорилъ, что творчество общественнаго идеала должно быть непрерывнымъ, иначе живой идеалъ способенъ превратиться въ мертвый догматъ, рискуетъ сдѣлаться традиціей, которая подчинитъ настоящее и будущее прошедшему, породившему этотъ догматъ. Это справедливо и для общества, и для личности, а примѣромъ того, какъ должно непрерывно совершаться творчество идеала, можетъ служить непрерывность научнаго изслѣдованія, не останавливающагося на разъ добытыхъ истинахъ. Каждый общественный идеалъ носитъ на себѣ печать происхожденія въ той или другой эпохѣ, отражаетъ на себѣ ея культурное и соціальное развитіе, ея идеи и интересы, ея знанія и пониманіе, ея желанія, надежды, опасенія, стремленія, а также искусство, умѣніе и опытность жившихъ въ то время людей, современныя злобы дня и пр. и пр. Поэтому каждый общественный идеалъ, какъ онъ есть, цѣликомъ, будучи порожденіемъ своей эпохи, для этой эпохи только и годится и не можетъ быть во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ идеаломъ для всѣхъ эпохъ, на вѣчныя времена. Кто бы могъ сказать, что идеалъ государства на вѣки-вѣчные былъ данъ Платономъ или Аристотелемъ, Өомой Аквинскимъ или Макіавелли, Гоббзомъ или Локкомъ, Монтескье или Руссо, если бы даже, чего почти никогда не бываетъ, ихъ идеалы и были въ практическомъ отношеніи вполнѣ при-

Библиотека "Руниверс"

годными для своего времени? Это значило бы то же самое, какъ если бы мы захотѣли завершить развитіе науки, поставить точку всякому изслѣдованію и заключить добытыя уже истины въ одинъ неизмѣнный и неприкосновенный кодексъ. Значитъ ли, что мы не вѣримъ въ научныя истины и не довѣряемъ основаннымъ на нихъ способамъ лѣчить больныхъ, строить мосты, управлять финансами, если мы не прекращаемъ разработки медицины, механики, политической экономіи? Уваженіе къ научной истинѣ требуетъ, чтобы мы не дѣлали изъ нея священной формулы, которую нельзя измѣнить ни въ малѣйшей іотѣ. Въ наукѣ мы вѣримъ не тому, что̀ она говоритъ, а тому, ка̀къ она говоритъ, а говоритъ она, постоянно изслѣдуя, провѣряя: только потому мы вѣримъ и тому, что̀ она говоритъ. Что̀ имѣетъ силу для движенія самой науки, то имѣетъ силу и для ея усвоенія. Ученый, не слѣдящій постоянно за развитіемъ своей науки, пробивающійся старыми знаніями, есть отсталый ученый. Образованный человѣкъ, не подновляющій своихъ школьныхъ знаній, тоже отстаетъ отъ движенія вѣка. То же самое и въ творчествѣ идеаловъ отдѣльною личностью. Хорошо, кто въ шестьдесятъ лѣтъ сохраняетъ тѣ идеалы, которыми онъ жилъ, имѣя двадцать лѣтъ отъ роду,—предполагая, что это идеалы хорошіе, — но очень нехорошо, если эти идеалы застыли на томъ, что̀ привзошло въ нихъ вслѣдствіе незрѣлости юношеской мысли и неопытности юношеской жизни. То, что̀ могло быть моимъ идеаломъ, когда я меньше зналъ и понималъ, меньше жилъ и испытывалъ отъ жизни, не можетъ меня удовлетворять, когда я больше знаю и понимаю, уже и пожилъ, и кое-что поиспыталъ. Идеалъ не сувениръ въ родѣ засушеннаго цвѣтка, не реликвія въ родѣ ложечки, которую я ѣлъ ребенкомъ. Цвѣтокъ былъ цвѣткомъ, когда росъ и благоухалъ; ложечкой я пользовался, когда у меня и рука,

Библиотека "Руниверс"

и ротъ были слишкомъ малы, чтобы пользоваться настоящей ложкой. Всегда я предпочту живой цвѣтокъ засушенному, предпочту теперь большую ложку маленькой.

Настоящее порождается прошедшимъ, но это не даетъ правъ прошедшему господствовать надъ настоящимъ. Мой общественный идеалъ долженъ быть идеаломъ моего настоящаго, отнюдь не того, чѣмъ мое *я* было вчера или третьяго дня: все мое развитіе, весь мой опытъ за все время, прожитое до нынѣшняго дня, до послѣдней минуты, должны отразиться на моемъ теперешнемъ пониманіи общественныхъ вопросовъ.

Боюсь дать поводъ къ недоразумѣніямъ, къ невѣрнымъ выводамъ и ложнымъ толкованіямъ моей мысли. Для устраненія такой печальной возможности брошу вскользь еще нѣсколько замѣчаній.

Я не проповѣдую, говоря все это, чего-либо похожаго на легкую перемѣну убѣжденій. Если вообще прошедшее не должно господствовать надъ настоящимъ, вчерашній день не можетъ къ чему-либо обязывать день сегодняшній, то это не значитъ, чтобы ничто не заставляло дорожить хорошимъ старымъ, ничто не повелѣвало ставить голосъ разума и голосъ совѣсти превыше всѣхъ временъ — прошедшихъ, будущихъ и настоящихъ. Я говорю не о перемѣнѣ взглядовъ подъ вліяніемъ модъ, господствующихъ теченій и т. п. настоящей минуты, а о внутреннимъ развитіи, въ которомъ необходимость мѣнять дорогіе взгляды по требованію совѣсти и разума сопровождается нерѣдко глубокими нравственными муками сомнѣнія, раскаянія за прошлое и т. п.

Дальше. Прошедшее не господствуетъ надъ настоящимъ и въ томъ смыслѣ, что каждое поколѣніе вырабатываетъ свой идеалъ. Но я этимъ не отрицаю традиціи хорошихъ принциповъ отъ поколѣнія къ поколѣнію и пользованія опытомъ прежнихъ поколѣній. Безъ тра-

Библиотека "Руниверс"

дицій истины и добра, безъ традицій знанія и умѣнія настоящее ничего не можетъ сдѣлать, и поколѣніе, думающее, что его предшественники умѣли только ошибаться и заблуждаться, дѣлать ненужности или глупости, а мы-де уже готовы звѣзды хватать съ неба,— такое поколѣніе, отказываясь отъ завѣщанія отцовъ, не оставитъ хорошаго наслѣдства и своимъ дѣтямъ. Было бы недостойно какимъ бы то ни было образомъ кому то ни было льстить и между прочимъ молодому поколѣнію. Я не хотѣлъ бы быть непонятымъ по этому пункту. Каждое новое должно выработать свой идеалъ, но я беру извѣстное поколѣніе не въ смыслѣ молодежи, а въ смыслѣ современниковъ, среди которыхъ настоящими выразителями идей даннаго періода являются, конечно, не тѣ, кому еще нужно учиться у старшихъ. Учиться, конечно, не значитъ здѣсь „не смѣть своего сужденія имѣть“, а значитъ—не торопиться, мало еще зная и безъ большого жизненнаго опыта—выражать собою господствующую идею эпохи, не торопиться относить старшихъ современниковъ къ людямъ отжившимъ и отпѣтымъ на вѣчный упокой. Въ каждомъ поколѣніи есть люди разныхъ возрастовъ, помоложе и постарше, и каждое поколѣніе постоянно обновляется притокомъ новыхъ силъ: нужно очень много времени для того, чтобы молодые люди, вступающіе сегодня въ дѣятельное поколѣніе, сошли сами со сцены стариками, иначе пришлось бы очень дробить поколѣнія. У каждаго возраста есть свои недостатки и свои хорошія стороны, но правота того или другого взгляда и право его считаться выраженіемъ стремленій поколѣнія современныхъ дѣятелей зависятъ не отъ возраста того, кѣмъ этотъ взглядъ высказывается и раздѣляется, а отъ его ума, знаній и таланта. Умный, знающій и талантливый юноша всегда найдетъ сочувствіе и поддержку у людей старшаго возраста. Лишь при догматическомъ утвержденіи, что „яйца

Библиотека "Руниверс"

курицу не учатъ", съ одной стороны, и при не менѣе догматическомъ утвержденіи, что передъ шествующимъ молодымъ поколѣніемъ всякое старьё прочь съ дороги, съ другой стороны, возможны прискорбныя недоразумѣнія между „отцами" и „дѣтьми" одного и того же дѣйствующаго или собирающагося дѣйствовать поколѣнія. Кто-нибудь да бываетъ въ этомъ виноватъ, чаще всего обѣ стороны, кто больше, кто меньше, но утверждать, что дѣти всегда правы, такъ какъ они—новое поколѣніе съ новыми словами и съ новыми дѣлами, конечно, не приходится. Часто эти новыя слова и дѣла, „новыя мозговыя линіи" и „новые углы души" кажутся новыми только тѣмъ, кто ихъ вчера узналъ, а Америка давно уже открыта и Alles war schon da gewesen, да ничего изъ этого не выходило.

Говоря о необходимости хранить хорошія традиціи отцовъ, я, наконецъ, вовсе не проповѣдую того консерватизма, который вредитъ нерѣдко даже дѣятелямъ, стремящимся къ прогрессу. Уваженіе къ добрымъ традиціямъ не должно быть слѣпымъ подражаніемъ тому, что̀ дѣлали прежнія поколѣнія, особенно не должно быть подражаніемъ формамъ и деталямъ. Партія, которая, ставя себѣ преобразовательныя цѣли, не изучаетъ окружающей дѣйствительности, не придумываетъ подходящихъ средствъ для осуществленія своихъ цѣлей, а копируетъ то, что̀ дѣлалось раньше въ подобныхъ случаяхъ, повторяетъ до однобразія одни и тѣ же давно избитыя слова и фразы, ставшія общими мѣстами, подражаетъ во внѣшнихъ формахъ и мелочныхъ подробностяхъ образу дѣятелей своихъ предшественниковъ,—такая партія обречена на безплодную потерю времени и трату силъ. Что̀ было умѣстно въ свое время, можетъ быть совершенно неумѣстнымъ въ данную минуту: ни одинъ полководецъ не выиграетъ теперь ни одного сраженія, если будетъ рабски подражать

Библиотека "Руниверс"

хотя бы, напр., Наполеону. Многое изъ того, что̀ дѣлали наши предшественники, могло быть ошибочнымъ, незрѣлымъ: они сами теперь, быть можетъ, не стали бы повторять этихъ ошибокъ, сами назвали бы свои расчеты и поступки недостаточно зрѣло обдуманными, а между тѣмъ они находятъ подражателей. Такіе-то и такіе-то дѣлали-де вотъ это, и мы не должны отставать отъ нихъ! И вотъ возвращается вѣчно старая исторія: вопреки очевидной безплодности данныхъ попытокъ, вопреки на опытѣ доказанной безцѣльности даннаго образа дѣйствій, традиціонный догматизмъ упорно закрываетъ глаза на дѣйствительность, чтобы копировать во всѣхъ внѣшнихъ проявленіяхъ и подробностяхъ дѣла и самые пріемы знаменитыхъ предшественниковъ. Сколько горькихъ наблюденій этого рода занесъ на страницы своихъ записокъ Герценъ, и какъ часто грустныя замѣчанія, вызванныя этими наблюденіями, наводятъ его читателя на пессимистическія мысли!

Творчество общественнаго идеала должно захватывать и общественные способы его осуществленія. Человѣкъ стремится къ той или другой цѣли не одинъ, онъ соединяется съ другими, люди одного направленія дѣйствуютъ вмѣстѣ, часто входятъ въ составъ правильно организованной партіи. Для соціальной этики важно знать не только то, какимъ долженъ быть общественный дѣятель, но и то, чѣмъ должна быть въ своемъ образѣ дѣйствій всякая разумная и честная партія, стремящаяся къ осуществленію общественнаго блага, какъ она его понимаетъ.

Успѣшное достиженіе какой-либо заранѣе намѣченной цѣли возможно лишь при надлежащемъ образѣ дѣйствій. Это—то, что̀ въ научномъ изслѣдованіи или въ преподаваніи называется методомъ, въ практическихъ искусствахъ — пріемомъ, способомъ, техникой. Общественная

Библиотека "Руниверс"

дѣятельность должна тоже имѣть свой методъ, свою технику, и коллективная дѣятельность совершенно такъ же, какъ и дѣятельность индивидуальная. Человѣкъ усвоиваетъ методъ, пріобрѣтаетъ технику лишь путемъ собственнаго упражненія или присматриваясь ближе къ работѣ другихъ, учась на ихъ примѣрѣ, подражая представляемымъ ими образцамъ, менѣе всего при помощи отвлеченныхъ наставленій. Но и послѣднія тѣмъ не менѣе необходимы. Участіе въ общественной дѣятельности другихъ—весьма важная воспитательная школа метода и техники. Но чтобы воспитаніе шло въ должномъ направленіи, нужны двѣ вещи: нужно, во-первыхъ, чтобы партія не обезличивала своихъ членовъ, не превращала ихъ въ пассивныя орудія вождей, не отнимала у нихъ собственнаго разума и совѣсти, не внушала имъ понятій, идей, принциповъ, болѣе ложныхъ, менѣе честныхъ, менѣе полезныхъ или болѣе вредныхъ, чѣмъ тѣ, съ какими люди вступили въ составъ партіи, а во-вторыхъ, нужно, чтобы въ ней выработались методы и техника, дѣйствительно разумные, нравственные, цѣлесообразные, и чтобы эти методы и техника развивались, а не представляли изъ себя неизмѣнной рутины и традиціоннаго повторенія однихъ и тѣхъ же промаховъ, ошибокъ, недостатковъ. Среда воспитываетъ личность: какова среда таково и воспитаніе; каковы нравы этой среды, таковы будутъ нравы и того, кого она воспитала. Партія, въ которой господствуютъ дурные принципы и дурные нравы, не можетъ воспитывать нравственныхъ и честныхъ дѣятелей. Съ другой стороны, учениковъ мы узнаёмъ по школѣ: школа, которая сама не выработала вѣрныхъ методовъ и успѣшной техники, не можетъ и научить имъ своихъ учениковъ. И пріемы, и нравы партійной тактики могутъ стоять на очень низкой ступени, тогда и тактика бываетъ сплошнымъ рядомъ ошибокъ, изъ которыхъ каждая вдобавокъ безпрестанно повторяется,

Библиотека "Руниверс"

или сплошнымъ рядомъ неблаговидныхъ поступковъ, повторять которые, однако, оказывается прямо выгоднымъ, разъ выходитъ, что они, какъ пріемы, достигаютъ своей цѣли. Объ ученіи, оправдывающемъ средства цѣлью, было уже сказано довольно, и мы остановимся только на одномъ—на цѣлесообразности, которая должна характеризировать всякую дѣятельность, направленную къ достиженію какихъ-либо опредѣленныхъ результатовъ.

Дѣло, конечно, идетъ тутъ не о хитрости и ловкости. Въ этихъ качествахъ каждаго общественнаго дѣятеля, задающагося благими культурными и соціальными цѣлями, заткнулъ бы за поясъ любой дѣлецъ, умѣющій пускать въ ходъ военныя хитрости, и всякій ловкачъ, пользующійся минутой, чтобы накинуть арканъ на шею своей жертвы или подставить ножку своему противнику, какой угодно мошенникъ или кулакъ, сыщикъ или шпіонъ. Такіе люди могутъ даже изящно, какъ выражаются математики объ особаго рода пріемахъ доказательства, и дѣйствительно художественно исполнять свое дѣло и съ этой точки зрѣнія заслуживать одобренія. Послѣднее, однако, на самое дѣло распространяться не будетъ. Какъ же выражается въ подобныхъ случаяхъ одобреніе? Едва-ли было бы полезно для общественнаго дѣла, если бы общественные дѣятели заслуживали похвалу въ качествѣ „умныхъ шельмъ“ и „искусныхъ бестій“, въ качествѣ хитрецовъ и ловкачей. Стремящаяся къ общественному благу и уважающая себя партія не должна брать примѣра съ дѣятелей, которые стремятся не къ дѣйствительному общественному благу и все сомнительное достоинство которыхъ заключается въ томъ, что каждый изъ нихъ является или, по крайней мѣрѣ, желалъ бы быть „хитрымъ шельмой“ и „ловкой бестіей“ Дѣло тутъ не въ одной нравственной сторонѣ вопроса. Великіе хитрецы и самые опытные ловкачи обыкновенно бываютъ умны и искусны

Библиотека "Руниверс"

только тогда, когда дѣло идетъ о достиженіи какой-либо ближайшей цѣли, какого-нибудь непосредственнаго результата. Далѣе своего носа, какъ говорится, они не видятъ, далеко впередъ не заглядываютъ или потому, что ихъ это не интересуетъ, или потому, что всегда полагаются на свою находчивость и изворотливость, всегда въ случаѣ чего надѣются на какую-либо военную хитрость или ловкую штуку. Ни большого ума, ни большого искусства не нужно, разъ соображенія о дальнѣйшихъ шагахъ и поступкахъ излишни, ибо дѣло упрощается донельзя: иногда только дерзость и нахальство заключаютъ въ себѣ половину успѣха, хотя при другихъ обстоятельствахъ за нихъ же и „влетаетъ“ Общественный дѣятель не долженъ уподобляться аферисту и авантюристу, который можетъ иногда и рисковать, особенно если ему нечего терять. Не о потерѣ лично для себя, не о личномъ рискѣ идетъ здѣсь, конечно, рѣчь: каждый самъ себѣ господинъ, но дѣло именно въ томъ, что никто не господинъ въ общественномъ интересѣ, и рисковать общимъ благомъ, наносить ущербъ общественной пользѣ—совсѣмъ иная вещь, нежели лично подвергать себя опасности и утратамъ. Каждый поступокъ человѣка можетъ имѣть не одно слѣдствіе. Достиженіе желательнаго результата можетъ сопровождаться другими послѣдствіями отъ того же самаго поступка, которымъ достигнутъ результатъ, — послѣдствіями нежелательными и даже совсѣмъ непредвидѣнными. Умный и искусный хозяинъ или предприниматель отличается отъ хитраго афериста и ловкаго авантюриста тѣмъ, что загадываетъ впередъ, расчитываетъ заранѣе, не имѣя въ виду исключительно достиженія ближайшей цѣли, полученія непосредственнаго результата. Мало ли что, — ближайшая цѣль будетъ достигнута, но еще вопросъ, не лучше ли будетъ ради цѣли дальнѣйшей, болѣе важной, въ данномъ случаѣ воздержаться отъ

Библиотека "Руниверс"

полученія непосредственнаго результата, разъ это рискованно и неудача можетъ повредить всему дѣлу, взятому въ его цѣломъ, или если слишкомъ преждевременная удача въ одномъ пунктѣ,—когда не подготовлена побѣда на другихъ пунктахъ, — можетъ превратиться въ пораженіе. Не только отдѣльныя личности въ отдѣльныхъ практическихъ дѣлахъ — въ хозяйствѣ или въ торговлѣ, въ дипломатіи или на войнѣ, въ лѣченіи болѣзней или воспитаніи юношества—могутъ ради ближайшаго успѣха, который потомъ оказывается чисто временнымъ, жертвовать дальнѣйшими интересами дѣла. Если цѣль опредѣляетъ собою средства, то нельзя дѣлать средство независимымъ отъ цѣли: если ближайшій успѣхъ долженъ быть между прочимъ средствомъ для дальнѣйшаго или, по крайней мѣрѣ, не становиться поперекъ дороги осуществленію главнаго дѣла, то въ интересахъ послѣдняго положительно нужно отказываться отъ легкихъ побѣдъ, быстрыхъ успѣховъ, временныхъ удачъ, разъ можно предвидѣть, что все это не только не послужитъ существенно на пользу дѣлу, но даже прямо ему повредитъ. И когда не отдѣльный человѣкъ, а цѣлая партія осуществляетъ свою программу, это положеніе должно сохранять свою силу. Нужно различать одно отъ другого: общественные интересы, во имя которыхъ дѣйствуетъ партія,—хорошо ли, дурно ли она ихъ понимаетъ,—и интересы партійные, т.-е. то, что хорошо для самого общества, для всего государства, всего народа, и что потому есть послѣдняя цѣль стремленій партіи, и то, что хорошо лишь для самой партіи, какъ ея ближайшая цѣль, но по отношенію къ той цѣли есть только средство. Конечно, должны существовать (и не существовать прямо не могутъ) такіе партійные интересы, но ихъ должно ставить въ правильное отношеніе къ интересамъ общимъ, которымъ партія служитъ. Между ними не должно быть противорѣчія. Первый слу-

Библиотека "Руниверс"

чай противорѣчія заключался бы въ примѣненіи правила: „цѣль оправдываетъ средства“, но это правило, какъ было уже не разъ повторяемо, безнравственно: согласіе цѣли съ принципомъ, нарушаемымъ въ средствѣ, есть въ сущности отрицаніе самого принципа, что и у цѣли отнимаетъ прочное основаніе. Второй случай противорѣчія, это тотъ, когда говорятъ, наоборотъ, что цѣль не опредѣляетъ средствъ, что средства независимы отъ цѣли. Но что бы это значило? А вотъ что. Это значило бы, во-первыхъ, что партійные интересы могли бы существовать сами по себѣ и быть верховнымъ закономъ для дѣятельности партіи: это—политика оппортунистовъ въ худшемъ смыслѣ слова, т.-е. людей, которые ради партійныхъ интересовъ готовы мѣнять фронтъ, политика итальянскихъ кондотьеровъ, которые служили со своими войсками сегодня одному государству, завтра другому, „политика“ безъ всякой „морали“ А во-вторыхъ, это значило бы, что и безъ перемѣны фронта со стороны самой партіи общіе интересы должны были бы склоняться передъ интересами партіи: нельзя для того, чтобы доставить партіи временное торжество или для того, чтобы доказать только ея правоту въ какомъ-нибудь частномъ вопросѣ, ставить на карту общіе интересы. Партійное самолюбіе, партійное своекорыстіе и т. п. столь же неразумны, безнравственны и вредны для общества, какъ и личное самолюбіе и своекорыстіе, разъ они требуютъ жертвъ отъ общественнаго интереса. На партіяхъ, какъ и на отдѣльныхъ личностяхъ, лежитъ и нравственная, и дѣловая отвѣтственность за свои общественные поступки. Тамъ, гдѣ партіи складываются изъ лицъ, выбранныхъ обществомъ и уполномоченныхъ имъ и закономъ на извѣстнаго рода дѣятельность, онѣ дѣйствуютъ подъ контролемъ своихъ довѣрителей и съ моральною, по крайней мѣрѣ, отвѣтственностью передъ ними: это именно имѣетъ

Библиотека "Руниверс"

мѣсто при представительствѣ сословномъ, городскомъ, земскомъ и т. п., а въ конституціонныхъ государствахъ и при національномъ представительствѣ. Уже это налагаетъ на партійную дѣятельность обязанность осторожности и осмотрительности; хотя партійныя программы и имѣютъ за себя голоса извѣстныхъ группъ избирателей, одобряющихъ ту или другую партійную тактику, но тамъ, гдѣ общественные дѣятели группируются частнымъ образомъ, другъ друга приглашая или избирая, безъ прямого уполномоченія со стороны общества и, напр., только съ согласія государства, а не въ силу государственнаго закона, отвѣтственность за нанесеніе вреда и ущерба обществу можетъ сдѣлаться еще бо̀льшею.

Кстати. Говоря объ отношеніи партійнаго интереса къ общественному, нельзя не коснуться еще одного предмета. Долженъ ли общественный дѣятель ради дѣла, которому служитъ, принадлежать къ какой-либо партіи? Солонъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно, и онъ былъ правъ, если желалъ только, чтобы гражданинъ не былъ индифферентистомъ, но онъ былъ бы неправъ, если бы требовалъ, чтобы гражданинъ непремѣнно принадлежалъ къ какой-либо партіи, хотя бы ни одну изъ существующихъ партій не считалъ за вполнѣ разумную и справедливую. Великій Данте даже не безъ гордости говорилъ, что одинъ составлялъ свою партію, а его никто не обвинитъ въ отсутствіи патріотизма и гражданскаго чувства: своею честною и мужественною жизнью онъ доказалъ, что онъ былъ не только великій поэтъ. Никто не можетъ принудить морально свободнаго человѣка быть тѣмъ, чѣмъ онъ не хочетъ быть: дѣломъ свободнаго выбора можетъ быть и нежеланіе принадлежать къ какой-либо партіи, что̀ не препятствуетъ поступать хорошо. Въ западно-европейскихъ парламентахъ встрѣчаются такіе депутаты, и въ Германіи ихъ зовутъ „дикими“, что̀ не

Библиотека "Руниверс"

мѣшаетъ этимъ „дикимъ“ подавать голоса за предложенія друзей народа,—лишь бы „дикость“ не была результатомъ безпринципности. Въ нѣкоторыхъ положеніяхъ, а таково, напр., положеніе думскаго или земскаго гласнаго у насъ или народнаго представителя на Западѣ, естественнѣе и полезнѣе для интересовъ, которымъ служишь, соединяться вмѣстѣ съ другими. „Дикіе“ попадаются только одиночками, хотя бываетъ иногда и такъ, наоборотъ, что партіи никакъ не могутъ сформироваться, — кто въ лѣсъ кто по дрова, что̀ еще съ бо̀льшимъ правомъ можно назвать дикостью. Разъ, однако, человѣкъ примыкаетъ къ партіи, онъ долженъ кое-чѣмъ поступиться изъ своей свободы, какъ поступается, однако, морально свободный человѣкъ, не какъ человѣкъ, себя закабаляющій въ рабство, продающій себя въ солдаты, завербовываемый въ тайное общество, которое беретъ съ него страшныя клятвы подъ угрозой смерти, или поступающій въ монастырь, откуда нѣтъ болѣе возврата въ міръ. Его никто не можетъ принуждать дѣлать то, что̀ онъ считаетъ противнымъ своему убѣжденію, нравственному долгу, пользѣ общества: его совѣсть и его честь—судьи тамъ, гдѣ партійные интересы приходятъ въ столкновеніе съ его пониманіемъ нравственнаго и полезнаго для общества. Но та же совѣсть и долгъ не позволятъ морально свободной и, слѣдовательно, чувствующей себя отвѣтственною личности дѣйствовать, входя въ составъ той или другой партіи, по одному личному произволу, на свой страхъ, за всю партію, не спросивъ ея согласія. Цѣлая партія съ самыми благими намѣреніями можетъ надѣлать ошибокъ, отъ которыхъ потомъ страдаютъ важные общественные интересы, но партійные интересы часто страдаютъ отъ ошибки одного самовольнаго человѣка, отъ недостатка предусмотрительности отдѣльныхъ членовъ, отъ отсутствія партійной дисциплины. Жирондисты сами по-

Библиотека "Руниверс"

платились головами именно за недостатокъ партійной дисциплины.

И опять-таки эта дисциплина не значитъ слѣпое повиновеніе казармы или монастыря. Традиціи, принципы, программы партій не догматы, которыхъ никто не можетъ касаться. Разъ общественные идеалы должны развиваться, то должны развиваться и основныя начала партій, а развитіе ихъ можетъ происходить лишь путемъ постоянной переработки этихъ началъ отдѣльными членами. Хорошо служитъ партійнымъ интересамъ не только тотъ, кто, заглядывая постоянно въ будущее, умѣетъ удерживать себя отъ дѣйствій, которыя лично ему кажутся и подходящими для настоящей минуты, но, пожалуй, могутъ повредить всей партіи, но и тотъ, кто не забываетъ и уроковъ прошедшаго, чтобы, пользуясь его опытомъ, исправлять въ программахъ и методахъ партій то, что подлежитъ исправленію, — тотъ, наконецъ, кто постоянно все партійное держитъ подъ контролемъ разума и совѣсти.

Кто не заглядываетъ впередъ, тотъ не заглядываетъ и въ прошлое. Между тѣмъ въ будущемъ нужно избѣгать повторенія ошибокъ прошлаго. Не заглядываютъ далеко впередъ въ ограниченности своего ума не одни аферисты и авантюристы. Ограниченность ума можетъ проявляться и въ другихъ формахъ. Догматизмъ фанатика, деспотически навязывающаго свою мысль и свою волю другимъ, всему обществу,—будетъ ли то фанатизмъ отдѣльнаго лица, или цѣлой партіи,—есть тоже ограниченность ума: фанатикъ тоже не заглядываетъ далеко въ будущее, фанатика тоже прошедшее научить ничему не можетъ — и въ обоихъ случаяхъ потому, что поле зрѣнія фанатика ограничено, что мысль его узка. Конечно, фанатизмъ есть сила, вѣра, двигающая горами, но это — сила стихійная, вѣра, которая совершенно слѣпа. Въ фанатизмѣ нерѣдко заключается залогъ побѣды, но побѣда

Библиотека "Руниверс"

не всегда есть синонимъ достиженія цѣли: когда побѣждаетъ безразсудная мысль и нецѣлесообразное средство, это, разумѣется, не значитъ, что такою побѣдою достигается нѣчто разумное, достигается самая цѣль, къ которой стремились, но для достиженія которой прибѣгли къ средству, нисколько къ ней на самомъ дѣлѣ не приближающему.

Итакъ, ни въ постановкѣ цѣли, ни въ употребленіи средствъ для ея достиженія, т.-е. ни въ творчествѣ идеала, ни въ дѣятельности, направленной на ея осуществленіе, какъ отдѣльный дѣятель, такъ и цѣлая группа дѣятелей, — если только они хотятъ, чтобы идеалъ дѣйствительно, былъ жизненнымъ и чтобы осуществленіе его на самомъ дѣлѣ было цѣлесообразно, — не должны идти путемъ догматизма и традиціи, а должны постоянно заглядывать въ будущее, справляться съ прошедшимъ и не думать, будто кто-либо и гдѣ-либо открылъ секретъ того, какъ осчастливить человѣчество одною какою-нибудь мѣрою. Вѣра въ панацеи, въ элексиры долгой жизни, въ философскіе камни, обращающіе все въ золото, изгнана изъ области естествознанія, а соціальная наука изгоняетъ и изъ своей области фантазіи и утопіи, основанныя на хорошихъ стремленіяхъ, но не имѣющія подъ собою научной почвы. Въ настоящее время, напр., и соціализмъ, т.-е. направленіе, наиболѣе отрицательно относящееся къ современному общественному быту и стремящееся создать порядки, которые наиболѣе отличаются отъ существующихъ, отрекается отъ того утопизма, въ которомъ онъ зародился, и стремится сдѣлаться наукой, подчиняясь въ этомъ отношеніи общему культурному движенію второй половины XIX вѣка. Общественнымъ наукамъ не дано, какъ, напр., астрономіи, предсказывать будущія событія, но если астрономія не можетъ ни подготовить условій, вызывающихъ затменіе, ни предотвратить затменія, ко-

Библиотека "Руниверс"

торому слѣдуетъ совершиться, то въ дѣлахъ человѣческихъ наука, лишенная возможности предсказывать, но не лишенная способности предвидѣнія, можетъ направлять нашу дѣятельность въ ту сторону, куда обращены были взоры всѣхъ друзей человѣчества, т.-е. къ идеалу общественной правды, и направлять ее такъ, чтобы при осуществленіи идеала предусмотрительно устранялось все, что нецѣлесообразно или вредно. Однимъ словомъ, и творчество идеала, и его осуществленіе должны быть проникнуты научнымъ духомъ, тѣмъ отношеніемъ къ вопросамъ мысли и вопросамъ жизни, которое характеризуетъ научный методъ и о которомъ я уже достаточно говорилъ въ „Письмахъ о самообразованіи“ Было время, когда общественные вопросы ставились на почву доктринъ религіозныхъ, какъ это было въ эпоху реформаціи, и было время, когда мѣсто этихъ доктринъ занимали ученія метафизическія, какъ то можно сказать объ эпохѣ французской революціи; будущее же должно принадлежать наукѣ, положительному знанію и основанному на опытѣ искусству.

V. Идеальныя требованія отъ общественнаго дѣятеля.

Я не знаю, сколько разъ въ предыдущихъ главахъ мнѣ приходилось употреблять слова „долженъ“ и „должна“ по отношенію къ общественному дѣятелю и къ общественной дѣятельности. Съ точки зрѣнія автономической, а не гетерономической нравственности, съ точки зрѣнія, которую и нужно признать единственно вѣрною или, по крайней мѣрѣ, самою высшею въ этикѣ, наложить долгъ на себя, т.-е. вмѣнить себѣ что-либо въ моральную обязанность можетъ только самъ человѣкъ, его личный разумъ,

Библиотека "Руниверс"

его личная совѣсть. Извнѣ требовать чего-либо отъ человѣка подъ страхомъ того или другого наказанія могутъ нравы, общественное мнѣніе, положительный законъ, но основа нравственнаго долга можетъ заключаться только въ убѣжденіи личности относительно разумности и справедливости тѣхъ или другихъ требованій, именно въ личномъ убѣжденіи, а не въ извнѣ подаваемомъ примѣрѣ, не въ извнѣ предъявляемомъ требованіи, не въ извнѣ навязываемомъ образѣ дѣйствій, и именно еще въ убѣжденности, что нѣчто само по себѣ разумно и справедливо, а не въ личномъ произволѣ: „мнѣ такъ кажется", „мнѣ это нравится", „я такъ хочу", — все это столь же плохой резонъ, какъ и ссылка на то, что вотъ этого-то требуетъ общество.

Въ выраженіи: „требуетъ общество" можетъ заключаться двоякій смыслъ, а гдѣ есть двусмысленность, тамъ возможно недоразумѣніе, и гдѣ есть недоразумѣніе, тамъ возможны ошибки, несправедливости и вредъ. „Общество" можно понимать въ реальномъ и въ идеальномъ смыслѣ. Общество, вотъ это самое общество, реальная среда, меня окружающая, можетъ требовать отъ меня чего-нибудь, несогласнаго съ моимъ нравственнымъ чувствомъ и съ моимъ пониманіемъ моего долга, съ тѣмъ, чего требуютъ отъ меня голосъ разума и голосъ совѣсти. Пословица говоритъ: „съ волками жить, по волчьи выть". Въ этомъ изреченіи народной мудрости заключаются скорѣе объясненіе того, что бываетъ, и пожалуй, оправданіе объясненіемъ, почему такъ бываетъ, отнюдь не примѣръ для подражанія, не совѣтъ, не повелѣніе, оправдывающее себя какими-либо высокими соображеніями. Нравы даннаго общества или данной общественной среды, того или иного класса общества, людей той или другой профессіи, той или другой партіи могутъ находиться на очень низкой ступени развитія и могутъ дозволять дѣлать

Библиотека "Руниверс"

весьма некрасивыя вещи и даже прямо требовать отъ человѣка, чтобы онъ ихъ дѣлалъ, разъ того требуетъ ближайшій интересъ даннаго реальнаго общества, напр., даннаго государства или данной партіи. Положимъ, нравы какой-нибудь націи могутъ быть такъ жестоки, что съ ея точки зрѣнія можно тайно отравлять колодцы, рѣки и пруды во вражеской странѣ, и вѣдь тогда общество, т.-е. данный народъ можетъ требовать, чтобы отдѣльныя лица въ его интересахъ поступали именно такимъ образомъ. Общественное мнѣніе можетъ ошибаться относительно того, что̀ полезно и что̀ вредно самому же обществу, имѣющему такое мнѣніе, но оно, это общество, тоже вѣдь можетъ требовать, чтобы отдѣльныя лица поступали такъ, какъ оно находитъ нужнымъ, чтобы поступали для его блага. Цѣлый народъ можетъ ошибаться въ самыхъ важныхъ вопросахъ политики, но потому-то онъ и не имѣетъ права навязывать своихъ мнѣній отдѣльнымъ лицамъ или наказывать тѣхъ, которые не соглашаются съ этими мнѣніями, какъ и отдѣльная личность, обладая всѣми правами на то, чтобы открывать глаза общества на собственныя его заблужденія, не имѣетъ ни малѣйшаго права насиловать общество, требуя, чтобы оно приняло ея мнѣніе. Наконецъ, и законы, это дѣло рукъ человѣческихъ, могутъ быть и дѣйствительно бываютъ такъ несовершенны и дурны, что дозволяютъ или допускаютъ неправые поступки, а въ иныхъ случаяхъ вмѣняютъ ихъ и въ гражданскую обязанность, какъ, напр., все, что̀ поощряетъ доносительство. Да, реальное общество мало ли чего можетъ требовать отъ человѣка и притомъ нерѣдко во имя мнимой пользы, а если и во имя пользы дѣйствительной, то при дурномъ выборѣ средствъ и съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Въ концѣ концовъ отдѣльной личности нельзя не рѣшать самой, чего трѣбуетъ настоящій интересъ общества, его дѣй-

Библиотека "Руниверс"

ствительная польза, тѣмъ болѣе еще, что требованія общества могутъ быть противорѣчивыми, и между ними приходится выбирать. Иной скажетъ, что нужно удовлетворять требованія народа и сошлется на изреченіе: „гласъ народа—гласъ Божій“ Охъ, какъ опасны ссылки на готовыя формулы мудрости, которыя суть вѣдь тоже готовые рецепты поведенія. Разумѣется, народъ правъ, когда онъ желаетъ, чтобъ ему было хорошо, чтобы всѣ были сыты, одѣты и обуты, чтобы у всякаго былъ хорошій заработокъ, чтобы его не обижали и не притѣсняли: все это хорошо, и этого, дѣйствительно, требуетъ „гласъ Божій“, ибо это хорошо не потому, что этого требуетъ народъ, а потому, что этого требуетъ сама высшая правда, говорящая въ разумѣ и въ совѣсти человѣка, этотъ „гласъ Божій“, слышимый нами въ собственномъ нашемъ сердцѣ. Но народъ неразвитъ, необразованъ, грубъ, а потому—пусть и не его вина въ этомъ—можетъ не понимать, что необходимо для осуществленія его собственнаго блага, и что, кромѣ простого матеріальнаго довольства, ему еще нужно; онъ можетъ быть и дѣйствительно бываетъ легковѣрнымъ, можетъ доходить и на самомъ дѣлѣ доходитъ до совершенія ни къ чему ненужныхъ и ничѣмъ неоправдываемыхъ жестокостей, которыя только и могутъ объясняться неразуміемъ и нравственною загрубѣлостью, безвыходностью положенія, разыгравшимися страстями, однимъ словомъ, и дѣйствіемъ стихійныхъ силъ. Въ такихъ случаяхъ „гласъ Божій“ превращается въ „гнѣвъ Божій“ или „Божье попущеніе“ Реальный народъ не есть нѣчто непогрѣшимое и потому имѣющее право на то, чтобы ставить свою волю закономъ. Ни одинъ настоящій „другъ народа“, дѣйствительно, его любящій, понимающій его пользу, работающій во имя его блага, не сотворитъ себѣ кумира изъ народа и не поклонится ему, поставивъ его на мѣсто высшей правды, открывающей себя въ голосѣ разума и

Библиотека "Руниверс"

совѣсти. Каждый другъ народа, ссылаясь на народную волю, понимаетъ эту волю по-своему, и чѣмъ яснѣе онъ это сознаётъ, тѣмъ лучше это и для него самого, и для народа: тутъ уже не можетъ быть мѣста для практическихъ недоразумѣній въ родѣ тѣхъ, какія породилъ „Contrat social“ Руссо. Но народная воля и общественный интересъ въ окраскѣ *моего*, т.-е. все-таки личнаго пониманія не есть дѣйствительная воля даннаго народа во всѣхъ ея (чисто притомъ противорѣчивыхъ) проявленіяхъ, не есть то, что̀ требуется даннымъ обществомъ (опять съ массою классовыхъ или партійныхъ противорѣчій) съ точки зрѣнія его интересовъ: народная воля и требованія общества тутъ суть нѣчто идеальное, именно мои идеальныя представленія, а не реальныя какія-либо силы. Назвать продуктъ своего собственнаго психическаго творчества волею народа или требованіями общества значитъ „всуе пріять имя“ общества или народа. Говорить отъ чьего-либо имени, не получивъ на то спеціальнаго уполномоченія, не полагается. Итакъ, когда мы ссылаемся на требованія общества, долженствующія быть предъявляемыми общественнымъ дѣятелямъ, мы эти требованія понимаемъ не въ реальномъ смыслѣ того, чего хочетъ на самомъ дѣлѣ данное, насъ окружающее общество, а въ идеальномъ смыслѣ того, чего мы должны хотѣть во имя разумнаго и справедливаго пониманія общественнаго интереса. Сказать: „народъ хочетъ“ — очень легко, но дѣло не въ словахъ, а въ томъ, чтобы узнать, чего на самомъ дѣлѣ хочетъ народъ, и разобрать, полезно ли ему то, чего онъ хочетъ, дабы сообразно съ этимъ и дѣйствовать и научить его, если онъ хочетъ неразумнаго, невозможнаго, несправедливаго и вреднаго или не хочетъ разумнаго, достижимаго, справедливаго и полезнаго. Въ 1814 г. французскіе легитимисты увѣряли, что народъ хочетъ возвращенія Бурбоновъ, и событія 1815 и 1830 г. по-

Библиотека "Руниверс"

казали, насколько дважды насильно навязывавшіеся Франціи Бурбоны сидились на тронъ по дѣйствительному требованію общества. Индепенденты эпохи первой англійской революціи были увѣрены, что вся нація хотѣла учрежденія республики: республика едва просуществовала двѣнадцать лѣтъ, и Англія вернулась къ своей старой конституціи. Въ 1799 г. и въ серединѣ этого вѣка Франція (т.-е. подавляющее большинство французовъ) дѣйствительно хотѣла обоихъ Наполеоновъ, навязывавшихъ себя ей въ государи, но въ обоихъ случаяхъ народъ желалъ того, что противорѣчило его истиннымъ интересамъ. И выходитъ, значитъ, что обязывать общественнаго дѣятеля можетъ не реальное, а лишь идеальное пониманіе такъ называемыхъ общественныхъ требованій. Пониманіе требованій общества въ идеальномъ смыслѣ только и соотвѣтствуетъ реальнымъ интересамъ общества, которое, конечно, не имѣетъ привилегіи на непогрѣшимость въ пониманіи того, что ему полезно и что вредно, что достижимо, а что невозможно.

Нужно ли прибавить, что я не противополагаю личнаго пониманія, какъ всегда вѣрнаго, пониманію общества, какъ всегда невѣрному, а противополагаю пониманіе, основанное на голосѣ разума и совѣсти, пониманію, имѣющему нелогичныя и неэтичныя основанія? Довольно сказать, что перетолкованіе моей мысли было бы возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы я чѣмъ-нибудь далъ поводъ приписывать мнѣ возможность такого нелѣпаго разсужденія: каждая-де индивидуальная мысль вѣрна, но мысль общественная, какъ сумма индивидуальныхъ мыслей, есть непремѣнно вздоръ.

Возвращаюсь къ темѣ.

Въ своихъ заявленіяхъ общественный дѣятель не можетъ ссылаться на чью бы то ни было *волю*, такъ какъ его требованія (конечно, въ моральномъ смыслѣ) должны

Библиотека "Руниверс"

быть основаны исключительно на *идеѣ*. Не имѣя на то прямого полномочія, нельзя говорить, напр., *отъ имени* народа, можно говорить только *во имя* народа, при чемъ въ первомъ случаѣ предполагалось бы, что того или иного требуетъ *воля* народа, которая можетъ погрѣшать, тогда какъ во второмъ случаѣ рѣчь можетъ быть только объ *идеѣ* народнаго блага, которая есть идея безусловно хорошая. Такъ и религіозный человѣкъ только тогда не призываетъ всуе имени Божія, когда, требуя чего-либо именемъ Бога, говоритъ не *отъ* имени Бога, представителемъ котораго мнитъ себя быть, а *во* имя Бога, какъ высшаго идеала правды. Въ общественныхъ дѣлахъ нельзя ссылаться ни на свою, ни на чужую волю, ибо гдѣ воля, тамъ возможность и произвола, гдѣ возможность произвола, тамъ возможность неправды. „Такъ я хочу", „sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas" [1]), „car tel est notre bon plaisir" [2]), все это—формулы воли, видящей резонъ своихъ требованій въ своихъ собственныхъ желаніяхъ, ни въ чемъ болѣе. Упрямый догматизмъ твердитъ: „я такъ думаю" и не хочетъ слышать никакихъ доводовъ критики. Фанатизмъ есть догматизмъ чувства, деспотизмъ—догматизмъ воли. Лишь деспотъ открыто можетъ ссылаться на свою волю, какъ на послѣднее основаніе своихъ требованій. Фанатикъ тоже всегда деспотъ, но онъ видитъ въ себѣ лишь орудіе чужой воли, приписывая требованія своей воли Божеству, или какъ бы олицетворенным и обоготворенным „государству", „обществу", „народу" Фанатикъ-инквизиторъ воображалъ, что онъ творитъ волю Божію, фанатикъ-якобинецъ рубилъ головы, думая, что онъ дѣйствуетъ по требованію народной воли. Въ основѣ всякаго деспотизма и фанатизма, возводящаго лич-

[1]) Я такъ хочу, такъ и приказываю, пусть моя воля будетъ основаніемъ приказа.

[2]) Ибо такъ намъ нравится.

Библиотека "Руниверс"

ный произволъ на степень принципа, какъ то бываетъ въ случаѣ деспотизма или фанатизма, безсознательно замаскировывающаго личный произволъ искреннею вѣрою въ исполненіе чужой, высшей воли, какъ то нерѣдко наблюдается,—въ основѣ того или другого лежитъ догматическое убѣжденіе, что моя-де воля имѣетъ абсолютное право на непогрѣшимость или что я-де обладаю знаніемъ другой непогрѣшимой воли. Въ такомъ догматизмѣ воспитывается другими и самъ очень часто упражняется умъ человѣка, могущаго по свойствамъ своего чувства и своей воли не быть ни фанатикомъ, ни деспотомъ. Это происходитъ тогда, когда человѣка пріучаютъ—или онъ самъ привыкаетъ—считать себя и своихъ единомышлениковъ единственными настоящими выразителями общества или народа и въ качествѣ таковыхъ говорить отъ ихъ имени, требовать ихъ волею. Не-фанатики и не-деспоты по качествамъ своего чувства и своей воли лишь въ силу привычки, создавшейся на почвѣ догматическаго мышленія, бываютъ способны выступать такъ, что иной фанатикъ или деспотъ могъ бы у нихъ прямо поучиться, и такимъ путемъ подражанія фанатизмъ и деспотизмъ овладѣваютъ цѣлыми группами общества. Якобинцы только себя считали „патріотами“ и называли „инцивизмомъ“ всякое несогласіе съ ихъ теоріями, фанатически ненавидя каждаго, кто не отличался „цивизмомъ“, и деспотически заставляя быть всѣхъ „патріотами“ на свой образецъ. У насъ тоже не мало примѣровъ злоупотребленія этимъ словомъ: всѣ „несогласно мыслящіе“—не патріоты. Съ этимъ соединяются обыкновенно такія непріятныя для другихъ, въ въ основѣ ложныя, въ примѣненіи безнравственныя и вредныя проявленія, какъ самомнѣніе, самоувѣренность, самохвальство, которыя могутъ быть не только личными, но и коллективными, при чемъ они бываютъ въ такихъ случаяхъ нерѣдко еще противнѣе, фальшивѣе, безстыд-

Библиотека "Руниверс"

нѣе и опаснѣе. Таковъ, напр., шовинизмъ, или ложный національный патріотизмъ: „мы-де сильнѣе всѣхъ“, да „намъ-де все ни почемъ“—„шапками всѣхъ закидаемъ“ и т. п. Любовь къ отечеству—великая и святая любовь, но она требуетъ, чтобы мы знали свое отечество со всѣми его недостатками, требующими исправленія, и знали, что любить отечество не значитъ постоянно пѣть: „громъ побѣды раздавайся“ Между тѣмъ многіе и многіе не считаютъ нужнымъ знать отечество, потому что любятъ его не такъ, какъ слѣдуетъ, а только по безсознательному подражанію другимъ и по укоренившейся затѣмъ привычкѣ. Они, быть можетъ, и не фанатики и не деспоты, но ихъ хорошія чувства и добрая воля только дурно направлены догматизмомъ малоразвитого ума: ихъ можно спасти, научивши. Слышать отъ кого бы то ни было самохвальныя заявленія крайне непріятно—отъ чужихъ ли, отъ своихъ ли—все равно, когда, напр., кто-либо сталъ бы говорить, что мы-де первый народъ въ мірѣ, самая полезная часть общества, самая умная и честная партія, лучшая часть молодежи и т. п. Если бы даже въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ это было правдой, предоставимъ-те другимъ ставить намъ баллы, расточать похвалы и присуждать награды. Сами вѣдь мы можемъ и ошибаться въ своей собственной оцѣнкѣ, если же относиться вообще критически къ любому народу, къ любому классу общества, къ любой партіи, къ любой категоріи учащагося юношества, то всегда найдутся изъяны, которые заставятъ насъ понизить тонъ; да и по отношенію къ другимъ націямъ или другимъ группамъ собственныхъ соотечественниковъ наша оцѣнка самихъ себя можетъ оказаться не очень-то основательной. Самохвальство не только не есть самоуваженіе, но прямо является его противоположностью. Не даромъ мы различаемъ также увѣренность въ самомъ себѣ отъ само-

Библиотека "Руниверс"

увѣренности, довольство самимъ собой отъ самодовольства, справедливое мнѣніе о себѣ отъ самомнѣнія и т. п.: первыя суть добродѣтели, ибо допускаютъ критическое къ себѣ отношеніе, сомнѣніе въ своихъ способностяхъ и силахъ, недовольство своимъ поведеніемъ, осторожность въ оцѣнкѣ своего значенія и пр. и пр., а все другое— пороки, въ которыхъ повинно тщеславное догматическое отношеніе къ себѣ. Нельзя винить цѣлые народы или группы общества за подобныя прегрѣшенія своихъ членовъ, но во всякомъ случаѣ не могутъ служить къ украшенію ни націй, напр., ни партій отдѣльныя въ нихъ личности, способныя такъ говорить, и чѣмъ больше гдѣ-нибудь такихъ людей и чѣмъ болѣе вкоренены въ послѣднихъ дурныя привычки національнаго или партійнаго самопревознесенія, тѣмъ хуже.

Между тѣмъ догматическое самомнѣніе можетъ имѣть и весьма вредныя, и весьма несправедливыя практическія слѣдствія. Даже и безъ настоящаго фанатизма, граничащаго иногда съ помѣшательствомъ, а просто находясь, какъ говорится, въ здравомъ умѣ и твердой памяти, можно вообразить себя тѣмъ, чѣмъ вовсе не можешь называться, приписать себѣ особыя права, вытекающія будто бы изъ принадлежности къ какой-либо „лучшей части“, присвоить себѣ значеніе, на которое не имѣешь ни малѣйшаго основанія. Говорить и дѣйствовать отдѣльному лицу и цѣлой, напр., партіи можно лишь отъ своего имени, если только данный индивидуумъ или данная группа индивидуумовъ не уполномочены такъ или иначе говорить и дѣйствовать отъ чьего-либо другого имени—отъ цѣлой націи, государства, народа, отъ тѣхъ или другихъ общественныхъ группъ, сословій, классовъ, мѣстностей и т. п. Отдѣльный членъ партіи, не уполномоченный къ тому своими товарищами, не можетъ говорить и дѣйствовать отъ имени всей партіи: иначе онъ

Библиотека "Руниверс"

будетъ самозванцемъ. Цѣлая партія, говорящая и дѣйствующая за все общество или за извѣстную его часть, не имѣя на то полномочій, будетъ тоже повинна въ самозванствѣ. Это не значитъ, что никто не можетъ говорить и дѣйствовать безъ постороннихъ полномочій. Это значитъ, что если полномочій нѣтъ, то не слѣдуетъ воображать и представлять другимъ, будто полномочія эти есть, будетъ ли это думать и говорить другимъ отдѣльный дѣятель, или сторонники какого-либо направленія, будетъ ли это своего рода самозванство результатомъ фанатической вѣры (что простительнѣе всего), догматическаго недомыслія или сознательной софистики (что менѣе всего простительно), и будетъ ли эта софистика вытекать изъ заблужденій ума или заблужденій нравственнаго чувства. Нѣтъ, разъ ты фактически не уполномоченъ, веди дѣло на чистоту, безъ самозванства, помня, между прочимъ, что можно, напр., давать хорошіе совѣты и не обращающимся къ тебѣ за совѣтами, но что можно, наоборотъ, и совѣтовать-то по чужой просьбѣ, да совѣты давать плохіе. Полученіе полномочія даетъ человѣку только одно право—говорить и дѣйствовать отъ имени давшихъ полномочіе, но вѣдь сколько разъ уже уполномоченные обманывали довѣріе своихъ кліентовъ и избирателей или сколько разъ они совершали дурные поступки въ пользу своихъ довѣрителей и прямо по ихъ порученію, такъ что даже не всегда ссылка на полученіе полномочія есть лишній аргументъ въ пользу права выступающаго съ такою ссылкою лица заявлять то-то и то-то. Если бы общество стало требовать отъ каждаго лица, выступающаго въ качествѣ моралиста, публициста или практическаго дѣятеля на общественномъ поприщѣ, чтобы онъ предъявилъ полномочіе отъ какого-либо вѣдомства, учрежденія, сословія, профессіи, партіи и т. п., то не были бы возможны ни пророки, ни реформаторы, ни народные вожди, ни вообще люди, высту-

Библиотека "Руниверс"

пающіе, какъ индивидуальныя личности. Ихъ полномочіе въ ихъ умѣ и въ ихъ знаніяхъ, въ ихъ талантѣ и въ ихъ силахъ, въ ихъ энергіи и ихъ подвигахъ, хотя общество и тяжело расплачивается, если ошибается въ оцѣнкѣ ума, знаній, таланта, силъ, энергіи и подвиговъ своихъ героевъ. Отвѣтственность такихъ людей—самая большая, ибо они не дѣлятъ ея ни съ какой партіей, пока сами не создаютъ себѣ партіи.

Когда мы говоримъ объ идеальныхъ требованіяхъ, какія общество можетъ имѣть относительно своихъ дѣятелей, мы не должны, далѣе, имѣть въ виду лишь данное общество, ограниченное во времени и въ пространствѣ. Данное общество можетъ быть такъ неразвито, тупо, самодовольно, что самая идея общественной дѣятельности, какъ чего-то отличнаго отъ „занятія своимъ дѣломъ“ или отъ „исполненія служебныхъ обязанностей“, будетъ ему, этому невѣжественному и развращенному обществу, ненавистна и рисоваться въ видѣ неприличнаго „сованья не въ свое дѣло“ или преступнаго „нарушенія общественнаго порядка“, т.-е. общество можетъ вѣдь требовать: „не суй носа не въ свое дѣло и не заводи безпорядковъ“ Или, наоборотъ, общество, народъ могутъ быть неразумны и грубы и требовать, чтобы общественный дѣятель непремѣнно былъ крикливъ и бурливъ, безцеремоненъ и насильствененъ, а если ты дѣлаешь свое дѣло такъ, какъ того, по твоему убѣжденію, требуютъ интересы общества, благо народа, а не такъ, чтобы нравиться толпѣ, то тебя, пожалуй, ославятъ измѣнникомъ отечества и врагомъ народа, при чемъ люди во вкусѣ толпы сдѣлаются ея любимцами, хотя бы они плохо понимали дѣло и дѣйствовали неумѣло. Было бы, однако, печально, если бы требованія дѣйствительно существовавшихъ и нынѣ существующихъ обществъ можно было характеризовать только такими отрицательными чертами. Взятая въ своемъ цѣломъ исторія чело-

Библиотека "Руниверс"

вѣческихъ обществъ представляетъ исторію идеальныхъ типовъ дѣятелей — полубоговъ и героевъ въ древности, святыхъ въ средніе вѣка и т. п.: это—доблестный „гражданинъ“, это—„мученикъ“ въ эпохи гоненій, это—„рыцарь безъ страха и упрека“ въ эпоху общаго безправія и т. п. Каждый типъ имѣлъ свою пору. Лучшіе люди данной эпохи дѣлались тѣмъ, чего требовалъ отъ нихъ самый высокій общественный идеалъ эпохи, и ихъ окружалъ почетъ со стороны другихъ людей; о нихъ слагались легенды, вдохновлявшія поэтовъ и бытописателей; ихъ образы воспроизводились въ живописи и искусствѣ; ихъ прославляли моралисты и публицисты. Правда, въ представителяхъ этихъ типовъ и въ самихъ типахъ было много мѣстнаго и временного, условнаго и преходящаго, но такова судьба всего историческаго. Только мертвый формализмъ и окоченѣлая традиція, не умѣя различать условную и преходящую форму отъ вѣчнаго содержанія, мѣстное и временное — отъ постояннаго, превращаютъ живые образы героевъ прошлаго въ безжизненные шаблоны. На самомъ дѣлѣ это одинъ и тотъ же типъ человѣка, отдающаго себя служенію правдѣ, гдѣ и въ какомъ видѣ, когда и какъ она ему представляется, жертвовалъ ли онъ жизнью за отечество, умиралъ ли во имя своего убѣжденія, шелъ ли совершать подвиги по обѣщанію и т. п. И вездѣ, и всегда у настоящихъ людей на первомъ планѣ была сущность, а не форма. Во времена гоненій на христіанъ слишкомъ горячіе юноши, воспламененные ревностью о вѣрѣ, упрекали иногда стариковъ, что тѣ, доживъ до преклоннаго возраста, оканчивали свои дни, не претерпѣвъ мученій: по ихъ мнѣнію, самому нужно было объявлять себя христіаниномъ. Старцы качали головой и не совѣтовали юношамъ это дѣлать. И выходило потомъ, что многіе изъ порицавшихъ ихъ сами въ виду мученій отрекались отъ Христа, а когда очередь доходила

Библиотека "Руниверс"

и до осторожныхъ старцевъ, послѣдніе безъ колебанія принимали смерть отъ рукъ палача. Дѣло было, конечно, по существу, во внутреннемъ перерожденіи подъ вліяніемъ новой вѣры, а не въ томъ, что могло быть и чего могло и не быть, т.-е. не въ мученичествѣ. Кто ставитъ форму выше содержанія, тому нуженъ внѣшній фактъ: времена мученій прошли, но фанатикамъ мученія казались нужными и впредь, откуда—изувѣрныя самоистязанія. Многіе идеальные типы, когда отъ нихъ остается одна форма, дѣлаются каррикатурами. Примѣръ—рыцарство въ безсмертномъ Донъ-Кихотѣ, хотя бы самаго знаменитаго ламанчскаго рыцаря мы и не назвали каррикатурой. Культъ внѣшнихъ формъ французской республики 1793 г. у республиканцевъ 1848 г. вызывалъ тоже горькую усмѣшку у наблюдательныхъ и проницательныхъ людей, смотрѣвшихъ на него со стороны. Однимъ словомъ, если во имя разумно понимаемаго общественнаго интереса мы должны относиться съ критикою къ требованіямъ, какія намъ предъявляетъ данное общество, то, съ другой стороны, должны также принимать въ расчетъ реальныя условія данной общественности, дабы содержаніе нашей дѣятельности вытекало изъ обстоятельствъ времени и мѣста, а не было подражаніемъ формѣ, уже мало подходящей къ даннымъ условіямъ.

Общество еще можетъ требовать отъ своихъ дѣятелей, чтобы послѣдніе не навязывали ему насильно того, что было бы противно праву каждаго отдѣльнаго лица быть господиномъ своей мысли и своего убѣжденія, быть хозяиномъ своихъ занятій и своего досуга. На землѣ существуетъ только одна форма общенія, обладающая принудительнымъ властвованіемъ надъ всѣми членами общества, именно государство. Въ прежнія времена властвованіе государства мыслилось, какъ ничѣмъ не ограниченное верховенство, по отношенію къ которому подданные

Библиотека "Руниверс"

являлись совершенно безправными. Теперь культурное государство предоставляетъ личности извѣстную сферу свободы, которая тѣмъ больше, чѣмъ выше политическое развитіе народа и совершеннѣе его государственное устройство. Извѣстны такіе виды индивидуальной свободы, какъ свобода совѣсти, свобода мысли, свобода изслѣдованія и преподаванія, свобода слова, свобода печати, свобода собраній и ассоціацій, которыя въ большей или меньшей мѣрѣ признаются, хотя бы въ принципѣ, всѣми передовыми законодательствами. Если государственное властвованіе, когда-то безграничное и требовавшее полнаго поглощенія личности отечествомъ, опирающееся, съ одной стороны, на общее признаніе (государство въ принципѣ отрицается лишь анархистами), а съ другой—на громадныя матеріальныя средства, на правительственную организацію съ ея агентами, на военную силу, дѣйствующее, наконецъ, во имя блага цѣлаго, вынуждено было признать за личностью и за обществомъ извѣстныя права, то въ этомъ выразилась побѣда индивидуалистическаго принципа новаго времени и основаннаго на немъ уваженія къ коллективной личности націи, общества, его отдѣльныхъ классовъ до народной массы включительно. Если правительство и другіе представители государственной власти по нравамъ нашего времени, по теперешнему состоянію общественнаго мнѣнія, а въ иныхъ случаяхъ и прямо по закону поставлены въ необходимость уважать права личности и общества, тѣмъ болѣе свободный общественный дѣятель, дѣйствующій во имя общественнаго интереса, не долженъ имѣть права на принудительное властвованіе, которое и тогда неодобрительно, когда оно принадлежитъ государственной власти—разъ это властвованіе превращается въ навязываніе, а принужденіе—въ насиліе. Напр., принужденіе въ дѣлахъ религіи есть насиліе — насиліе надъ совѣстью, и съ этой точки зрѣнія

Библиотека "Руниверс"

одинаково гнусны и тѣ гоненія, которымъ подвергали христіанъ язычники, когда они были въ большинствѣ и стояли у власти, и тѣ преслѣдованія, какимъ стали подвергать язычниковъ христіане, когда большинство и власть перешли на ихъ сторону. Какое бы то ни было навязываніе формъ, несимпатичныхъ, противныхъ обществу, неудобныхъ ему и т. п., равнымъ образомъ не можетъ быть ничѣмъ оправдано. Это навязываніе можетъ имѣть разные виды и образы, и каково бы ни было относительное достоинство того, что̀ навязывается, самое принужденіе и насиліе, самое внесеніе въ жизнь началъ, отъ которыхъ общество открещивается, каковы бы ни были мотивы навязать ему то или другое,—заключаютъ въ себѣ зло, не говоря уже о слѣдствіяхъ такой политики: она приводитъ къ вреду или кончается неудачей, несмотря на всю ломку, безъ которой обходиться она не можетъ. Обскуранты и ретрограды навязываютъ обществу устарѣвшія и отжившія культурныя и соціальныя формы, въ которыхъ общество, по ихъ мнѣнію, должно пребывать отъ вѣка и до вѣка. Французскіе физіократы XVIII столѣтія, бывшіе по своимъ намѣреніямъ друзьями народа, не прочь были бы, однако, навязать своей родинѣ фермерскую обработку земли, что̀ должно было бы совершенно уничтожить во Франціи мелкое крестьянское хозяйство и мелкую крестьянскую собственность. Гракхъ Бабёфъ, еще болѣе мечтавшій о народномъ благѣ, помышлялъ о революціи, которая должна была бы установить во Франціи совершенно каторжное равенство. Это все примѣры навязыванія формъ, когда-то существовавшихъ, но отжившихъ, формъ, заимствованныхъ изъ другой страны, и формъ, созданныхъ воображеніемъ. Это не то, чѣмъ является возстановленіе хорошей старины, утраченной въ дурныя времена исторіи, возстановленіе, требуемое духомъ времени, чѣмъ было, напр., возвращеніе крѣпостной массѣ правъ свободнаго

Библиотека "Руниверс"

состоянія: свободу народу не навязывали, онъ самъ ея хотѣлъ, и сама верховная власть видѣла, что онъ ее попытается добыть своими силами, если не получитъ свыше. Судебная реформа у насъ тоже не была навязана народу, хотя основы новаго суда и были заимствованы изъ-за границы, такъ какъ все общество тяготилось старымъ судомъ, и онъ болѣе никуда не годился, а новый судъ далъ то, что̀ дорого каждому, кому только приходится имѣть дѣло съ судомъ. И когда власть создаетъ новые законы, удовлетворяющіе назрѣвшимъ потребностямъ общества, она равнымъ образомъ не навязываетъ обществу того, что̀ ему несимпатично или противно, а только исполняетъ свою обязанность передъ обществомъ. Умѣть узнать, въ чемъ заключаются истинныя нужды и потребности общества, чего оно желаетъ и что̀ способно принять, что̀ осуществимо при данныхъ условіяхъ мѣста и времени, при данныхъ условіяхъ экономическихъ и культурныхъ, соціальныхъ и политическихъ, чтобы не оставить общество неудовлетвореннымъ ни въ одномъ изъ его стремленій и вмѣстѣ съ тѣмъ не навязывать ему того, что̀ ему не по душѣ, не по силамъ, не по средствамъ, — вотъ въ чемъ должна состоять истинная мудрость государственнаго человѣка и общественнаго дѣятеля. Она не въ томъ, чтобы подражать—подражать кому бы то ни было, т.-е. предкамъ ли, сосѣднимъ ли народамъ, прогрессивнымъ ли программамъ въ другихъ странахъ со всѣми ихъ подробностями, объясняющимися изъ условій мѣста и времени. Она не въ томъ, чтобы самимъ подражать всему этому или чему-либо подобному, не въ томъ также, чтобы другимъ навязывать это подражаніе, изъ подражанія ломать ихъ жизнь, требовать, чтобы сами они ее ломали. Въ иныхъ случаяхъ неизбѣжность такой ломки въ прошломъ объясняется исторіей, какъ это можно сказать о петровской реформѣ у насъ или о великой революціи во Фран-

Библиотека "Руниверс"

ціи, но это объясненіе въ концѣ-концовъ приводитъ къ указанію на то, что неизбѣжною такую ломку дѣлало долговременное пребываніе общества въ состояніи, навязывавшемся ему его прежними культурными и соціальными порядками. Нельзя, однако, объясненіе неизбѣжности чего-либо въ прошломъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ—превращать въ принципіальное оправданіе того же въ будущемъ при всякихъ обстоятельствахъ.

Заявляя, что требованія общества отъ дѣятеля не должны навязывать ему образа дѣйствій, съ которымъ не мирится ни умъ его, ни нравственное чувство, мы въ то же время отвергали и право личности что-либо навязывать обществу, насилуя отдѣльныхъ его членовъ. Все это намъ необходимо было, чтобы показать, на какомъ общемъ принципѣ могутъ быть основаны раціональныя требованія, какія общество имѣетъ право предъявлять своимъ дѣятелямъ. Я уже сказалъ въ началѣ главы, что въ настоящей книжкѣ мнѣ то и дѣло приходилось говорить: „общественный дѣятель долженъ“, „общественный дѣятель не долженъ“ И *что* онъ долженъ и *почему* онъ долженъ, этому, собственно говоря, и посвящена вся книжка. Здѣсь мнѣ остается еще добавить немногое.

Каждое практическое дѣло, требующее пониманія и умѣнія, можетъ вестись съ успѣхомъ послѣ болѣе и менѣе продолжительной подготовки. Не научившись медицинѣ или инженерному искусству, нельзя лѣчить людей или строить мосты. Умѣніе, конечно, достигается упражненіемъ въ дѣлѣ, и если это дѣло—чисто механическое, какъ, напр., пахать землю, косить сѣно, молотить хлѣбъ и т. п., то оно не требуетъ особаго пониманія, дающагося только теоретическою подготовкою, какая нужна, напр., въ лѣченіи болѣзней или сооруженіяхъ всякаго рода. Общественная дѣятельность есть практическое дѣло, нуждающееся въ весьма большой теоретической подготовкѣ, отъ

Библиотека "Руниверс"

которой зависитъ и умѣніе, поскольку оно не есть простое умѣніе дѣйствовать и ладить съ людьми, пріобрѣтаемое не спеціальнымъ какимъ-либо упражненіемъ, а самою жизнью. Лучшія школы для общественнаго дѣятеля—сама жизнь, дающая необходимый опытъ, и наука, сообщающая необходимыя знанія. О научной подготовкѣ сказано будетъ особо, а что касается до жизни, то учиться жить можно вообще только у самой жизни, т.-е. участвуя въ ней, живя ею. Нѣтъ надобности преждевременно толкать человѣка на такія поприща, для которыхъ онъ еще не можетъ быть названъ пригоднымъ и вполнѣ готовымъ, такъ какъ и для дѣла отъ этого большой пользы быть не можетъ, да и для человѣка это не полезно. Нѣтъ надобности, другими словами, искусственно втягивать человѣка въ непривычную ему обстановку: нужно только удовлетворять назрѣвшія потребности, давать исходъ уже развившимся стремленіямъ. Товарищескія отношенія суть также общественная жизнь, и на участіи въ этой жизни, на опытѣ, который она даетъ, можно учиться будущей, болѣе широкой общественной дѣятельности, удовлетворяя въ то же время стремленія и потребности, ощущаемыя въ данную, въ настоящую минуту. Чѣмъ свободнѣе и правильнѣе могли бы удовлетворяться тутъ жизненные импульсы къ дѣятельности и чѣмъ по общему своему умственному и нравственному развитію молодежь была бы способнѣе и достойнѣе свободно и правильно устраивать свои товарищескія отношенія, тѣмъ было бы лучше и для нея самой, и для общества, которое видитъ въ ней свою надежду. Но для того, чтобы какія бы то ни было внѣшнія проявленія человѣческихъ стремленій получали вѣрное направленіе, а не искажались, нужно, чтобы не только сами люди умѣли вести себя достойнымъ разумныхъ и свободныхъ существъ способомъ, но чтобы и внѣшнія условія не подавляли въ нихъ разума и чувства свободы или не заставляли ихъ

Библиотека "Руниверс"

стремленія принимать нежелательныя и даже прямо уродливыя формы ко вреду самихъ этихъ людей и всего общества. Учась практической жизни на товарищескихъ отношеніяхъ и тѣмъ удовлетворяя свои общественные инстинкты, молодежь, съ своей стороны, должна, по крайней мѣрѣ, заботиться объ изгнаніи изъ этихъ отношеній всего неправильнаго и уродливаго и въ томъ числѣ всякаго догматизма, фанатизма и деспотизма во внутреннихъ отношеніяхъ товарищеской среды и въ своихъ отношеніяхъ къ окружающему обществу, беря послѣднія въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Безъ подготовки жизненной и научной настоящая общественная дѣятельность немыслима. Общество имѣетъ право требовать, чтобы его дѣятели были достаточно подготовлены къ тому сложному и трудному, самостоятельному и отвѣтственному вмѣшательству въ общественныя дѣла, которое они на себя берутъ. Человѣкъ, серьезно относящійся къ идеѣ нравственнаго долга и къ идеѣ общаго блага, признаетъ такое требованіе общества разумнымъ и справедливымъ. Я говорю, понятно, о требованіи общественнаго интереса въ его идеальномъ пониманіи. То или другое реальное общество можетъ ошибаться—и ошибаться въ разныя, діаметрально иногда противоположныя стороны—относительно подготовки къ общественной дѣятельности. Одно общество, напр., боясь преждевременнаго выступленія очень молодыхъ людей на арену публичной дѣятельности и имѣя опытныя основанія для своей боязни, пожалуй, станетъ запрещать своей молодежи интересоваться общественными вопросами. Такое общество было бы неправо. Будущіе общественные дѣятели должны получить предварительную теоретическую подготовку, но она была бы совершенно немыслима, если бы къ предметамъ и вопросамъ, изученіемъ и разрѣшеніемъ которыхъ занимаются соціальныя науки, публицистика и обществен-

Библиотека "Руниверс"

ная дѣятельность, у молодежи не было интереса и притомъ интереса не чисто отвлеченнаго, какой можетъ быть къ археологіи или математикѣ, а прямо жизненнаго интереса. Мало того: если общество хочетъ предохранить свое юное поколѣніе отъ догматическихъ увлеченій, нежелательныхъ для него и ради блага самихъ юношей, и ради блага самого общества, которому, конечно, не могутъ быть полезны промахи незрѣлой мысли и неопытной воли, то лучшее противъ этого средство — научная и критическая постановка всѣхъ общественныхъ вопросовъ, волнующихъ молодыя души. Другое общество можетъ, наоборотъ, напр., видѣть въ чистотѣ юношескихъ помысловъ, въ неиспорченности молодого чувства, въ горячности молодой воли качества, особенно дорогія для того, чтобы направить обладателей этихъ качествъ на практическую дѣятельность общественнаго характера, хотя бы и временную только. Довольно ли сердечной чистоты и горячности, чтобы быть полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ, вопросъ этотъ рѣшить не трудно — и, конечно, въ смыслѣ отрицательномъ. Чтобы дѣйствовать на среду, нужно прежде всего закалить самого себя противъ губительнаго дѣйствія среды. Сколько юношей подаютъ надежды въ свои молодые годы, пока жизнь ихъ не испортила, жизнь въ иной средѣ, чѣмъ та, въ которой они находились въ годы своего ученія. Нельзя полагаться на одну горячность молодости: съ лѣтами она проходитъ, и если все дѣло въ ней, въ этой горячности, то ею можно воспользоваться на короткое время, а затѣмъ что?—если человѣкъ не пріобрѣтетъ ни знаній, ни привычки къ постоянному и упорному труду ради одной цѣли. Притомъ настроеніе—вещь до-нельзя измѣнчивая. Важны пріобрѣтенія идейныя, какъ единственно прочныя пріобрѣтенія человѣческаго духа. И каждый, прежде чѣмъ выступить на поприще самостоятельной жизни, долженъ приготовить

Библиотека "Руниверс"

изъ себя настоящаго борца, выходящаго во всеоружіи знанія и труда. Общее образованіе (и самообразованіе) должно приготовлять людей, „человѣковъ“, а не докторовъ и инженеровъ, не учителей и адвокатовъ, ни техниковъ и чиновниковъ и т. п. На томъ же самомъ основаніи научная подготовка будущихъ общественныхъ дѣятелей должна имѣть въ виду ихъ самихъ, а не тѣ или другія цѣли, для которыхъ могутъ быть свои средства, но по отношенію къ которымъ наука и образованіе средствами быть не могутъ. Они должны готовить не консерваторовъ или радикаловъ, не либераловъ или соціалистовъ, не націоналистовъ или космополитовъ, не „народниковъ“ или „марксистовъ“ [1]; а знающихъ и честныхъ дѣятелей, которые сами бы, а не подъ вліяніемъ догматическаго внушенія, могли рѣшать вопросъ о томъ, гдѣ и въ чемъ заключается правильное пониманіе общественныхъ вопросовъ. Воспитаніе и образованіе суть и прежде всего, и въ концѣ концовъ воспитаніе и образованіе юношества, слѣдовательно, они должны стремиться къ такому благу, которое было бы благо именно самого этого юношества, разсматриваемаго, какъ ближайшая цѣль воспитанія и образованія и не какъ орудіе для этого достиженія какихъ-либо другихъ общественныхъ цѣлей, тѣмъ болѣе, что цѣль воспитанія и образованія сама по себѣ весьма важна, да и служитъ важнымъ общественнымъ ин-

[1]) Что это—скептицизмъ, индифферентизмъ или оппортунизмъ автора? Такъ можетъ спросить иной читатель. Кто вдумается, однако, въ общій смыслъ того, что я говорю, надѣюсь, пойметъ, что тутъ нѣтъ ни одного, ни другого, ни третьяго, а есть желаніе, чтобы молодежь сознательно принимала то, что оправдывается наукой и этикой, не принимая на вѣру тѣ или другія готовыя формулы. — Очень здравыя мысли объ отношеніи учащейся молодежи къ политикѣ и соціальнымъ вопросамъ мы находимъ въ книжкѣ проф. Т. Циглера „Der deutsche Student am Ende des XIX Jahrhunderts“ (имѣется въ русскомъ переводѣ).

Библиотека "Руниверс"

тересамъ. Одинъ изъ этихъ интересовъ—подготовка общественныхъ дѣятелей, которые могли бы самостоятельно и свободно, съ полнымъ разумѣніемъ и съ глубокимъ убѣжденіемъ, а не подъ вліяніемъ скороспѣлаго догматическаго внушенія и преходящаго настроенія объявлять себя тѣмъ-то и тѣмъ-то, и которые могли бы съ надлежащимъ знаніемъ и опытностью браться за трудныя и отвѣтственныя дѣла, которыми дѣйствительно достигалась бы общественная польза.

Иначе, впрочемъ, мнѣ, исходя изъ собственныхъ своихъ принциповъ, положенныхъ въ основу какъ этой книжки, такъ и предыдущихъ, въ которыхъ я высказываю свои мысли о полезномъ и должномъ для молодежи,—и нельзя было бы понимать задачъ всякаго воспитанія, обученія, преподаванія, наставленія, задачъ своей профессіи, своего жизненнаго призванія. Когда къ врачу приходятъ за медицинскимъ совѣтомъ, врачъ даетъ тотъ или другой совѣтъ, руководясь исключительно интересомъ самого паціента, именно интересомъ, какой каждый находитъ въ своемъ здоровьѣ, а не тѣмъ, полезенъ ли данный человѣкъ или безполезенъ: здоровье паціента само есть цѣль, отнюдь не средство для достиженія какой-либо другой цѣли; иначе врачу нужно было бы производить не изслѣдованіе организма самого субъекта, а дознаніе о томъ, выгодно ли для общества, чтобы данное лицо было живо и здорово, или же можно совсѣмъ его не лѣчить, хотя бы отъ того послѣдовала смерть. Не иначе стоитъ дѣло съ обученіемъ, съ образованіемъ. „Паціентъ“ приходитъ за знаніемъ и пониманіемъ: его знаніе и пониманіе прежде всего и нужно имѣть въ виду, потому что оно есть цѣль, какъ цѣлью, а не средствомъ является и самъ субъектъ. Съ партійныхъ точекъ зрѣнія и притомъ не просто съ партійныхъ, а узкопартійныхъ, быть можетъ, и желательнѣе было бы, чтобы наука и образованіе были, какъ принято выражаться, тенденціозными, но этого можно желать именно лишь съ ка-

Библиотека "Руниверс"

кой-либо узко-партійной точки зрѣнія, требующей подчиненія себѣ—самой истины, самого знанія, самой науки. Партіи, убѣжденныя въ своей правотѣ, не только не должны бояться свободнаго изслѣдованія истины и чисто научнаго преподаванія, но даже желать его въ своихъ же собственныхъ интересахъ, такъ какъ открытіе новыхъ научныхъ истинъ и распространеніе ихъ въ обществѣ могутъ только содѣйствовать правому дѣлу, каковымъ должна считать свое дѣло каждая уважающая себя партія. Разумѣется, наука не можетъ считать всѣ партіи одинаково правыми, но пусть разбирается каждый самъ въ ихъ спорѣ, руководимый своею совѣстью и вооруженный знаніемъ и пониманіемъ, какія ему даетъ наука, т.-е. опираясь на научныя данныя и научный методъ. Интересы общества понимаются лучше тѣми партіями, собственные интересы и стремленія которыхъ болѣе соотвѣтствуютъ выводамъ и самому духу науки. Если партія убѣждена, что она лучше другихъ служитъ интересамъ общества, то она не должна думать, что свободное изслѣдованіе и чисто научное преподаваніе могутъ быть вредны интересамъ общества, и несоотвѣтствовать интересамъ самой партіи. Притомъ стремленія партіи въ ея собственныхъ глазахъ могутъ быть или ненаучными, или научными. Признаться въ первомъ могутъ только откровенные обскуранты и ретрограды, но разъ извѣстное направленіе желаетъ себя научно оправдать, оно, значитъ, видитъ въ наукѣ критерій своей правоты, въ научности—одну изъ собственныхъ своихъ основъ: тогда оно и не можетъ не желать свободнаго изслѣдованія и совершающагося въ такомъ же духѣ научнаго преподаванія, а разъ и это такъ, то никто не имѣетъ права желать, чтобы наука и преподаваніе преслѣдовали какія-либо цѣли, которыя не были бы прямыми цѣлями научнаго изслѣдованія и передачи другимъ его результатовъ. Цѣль образованія—извѣстное развитіе тѣхъ людей, кото-

Библиотека "Руниверс"

рымъ оно дается, т.-е. ихъ собственное благо, но это благо такого рода, что оно не можетъ быть въ принципѣ зломъ по отношенію къ другимъ, и если бы какая-либо партія стала утверждать, что это благо не есть благо, что оно есть зло, то этимъ она обнаружила бы только свою собственную природу. Итакъ, лишь съ узко-партійныхъ точекъ зрѣнія было бы выгодно превращать въ догматическую проповѣдь пріятныхъ или полезныхъ партіи идей то, что̀ должно имѣть своею цѣлью только духовное развитіе личности и распространеніе въ обществѣ знаній и способности вѣрнаго пониманія вещей. Но всѣ направленія, вѣрящія въ свою правоту и не желающія ставить свои принципы выше самой истины и подчинять науку своимъ собственнымъ цѣлямъ въ противорѣчіе съ самимъ принципомъ истины и съ собственнымъ стремленіемъ основывать себя на наукѣ, — всѣ направленія, имѣющія въ виду дѣйствительные интересы общества, но полагающія, что должны быть правильно удовлетворены и духовные интересы отдѣльныхъ личностей,—всѣ направленія, въ которыхъ сильно пониманіе, что въ свободномъ изслѣдованіи и научномъ преподаваніи встрѣчаются, другъ другу не противорѣча другъ друга не исключая, общественная польза и личное право каждаго члена общества получить возможность самостоятельно и свободно развиваться,—всѣ такія направленія не должны допускать того, чтобы добываніе истины и ея распространеніе въ обществѣ совершались въ исключительныхъ интересахъ какого-либо опредѣленнаго направленія. И наиболѣе разумною и нравственною, наиболѣе понимающею пользу общества и права̀ личности, наиболѣе приспособленною къ тому, чтобы идти во главѣ прогресса будетъ всегда та партія, которая въ наукѣ и образованіи будетъ видѣть не своихъ прислужницъ, а совершенно независимыхъ отъ себя и свободныхъ союзницъ, подчиняющихся собственнымъ законамъ, и которая будетъ видѣть въ лю-

Библиотека "Руниверс"

дяхъ, ищущихъ образованія и стремящихся прежде всего къ знанію и пониманію, человѣческія личности, ставящія себѣ свои собственныя цѣли, а не одушевленныя вещи, изъ которыхъ нужно сдѣлать орудія для достиженія другихъ цѣлей. Если бы отдѣльныя партіи боролись между собою за науку, какой изъ этихъ партій подчинить ее себѣ, какъ свое орудіе, въ цѣляхъ доставленія торжества своимъ принципамъ въ обществѣ, хотя бы съ ущербомъ для объективной истины, наука—я говорю объ истинной наукѣ —должна была бы объявить себя противъ всѣхъ существующихъ партій. Между ними наука можетъ выбирать лишь союзницъ, смотря по тому, насколько искренне ей предлагается союзъ съ другой стороны, т.-е. насколько въ самой наукѣ видятъ свободную и независимую силу, и смотря по тому, насколько направленія, способныя стать къ наукѣ въ отношенія равноправныхъ союзниковъ, сами соотвѣтствуютъ идеѣ правды, которой служитъ истинная наука. И ея вѣдь голосъ долженъ быть услышанъ въ общественныхъ дѣлахъ, какъ голосъ, долженствующій быть умственно и нравственно авторитетнымъ для всѣхъ общественныхъ элементовъ, для правительствъ и начальствъ, для общественныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ, для всѣхъ профессій и партій, для людей зрѣлаго возраста и для молодежи. И нѣтъ бо̀льшаго блага для молодежи,—а чрезъ молодежь и для всего общества это тоже будетъ благомъ, — какъ услышать въ своихъ собственныхъ сердцахъ, именно внутри самихъ себя — голосъ разума и совѣсти, просвѣщенныхъ истинною, независимою и свободною наукою. Прибавлю, что все это, разумѣется, я говорю не *отъ имени* науки, на что̀ не имѣлъ бы права вообще и въ частности въ силу отрицательнаго своего отношенія ко всякому догматизму, а *во имя* науки, которая меня и осудитъ, если я призываю ея имя всуе, — не отъ имени своего личнаго разумѣнія, а во имя самого разума,

Библиотека "Руниверс"

который во всякомъ случаѣ меня не осудитъ за то, что и къ своимъ убѣжденіямъ, т.-е. къ самому себѣ я не отношусь догматически.

Поэтому вотъ чего, по моему мнѣнію, общество имѣетъ право требовать отъ своихъ будущихъ общественныхъ дѣятелей и на что̀ должна быть направлена образовательная ихъ подготовка.

1. Общее умственное и нравственное развитіе, такъ какъ оно есть благо само по себѣ для получающихъ его и условіе цѣлесообразной и честной дѣятельности на пользу общества.

2. Уваженіе къ человѣческой личности и стремленіе къ общему благу, потому что и это уваженіе, и это стремленіе тѣсно связаны съ нравственнымъ развитіемъ и могутъ быть только полезны обществу, которое само состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, требующихъ уваженія къ своимъ человѣческимъ достоинству и правамъ, и благо котораго есть только благо всѣхъ отдѣльныхъ личностей, его образующихъ.

3. Интересъ къ общественности, ибо стремленіе къ общему благу было бы чѣмъ-то незаконченнымъ, если бы оно ограничивалось исключительно одними частными отношеніями.

4. Этическое и соціологическое образованіе, заключающееся въ усвоеніи важнѣйшихъ общихъ фактовъ нравственной и общественной жизни человѣка, наиболѣе существенныхъ этическихъ, экономическихъ и юридическихъ, политическихъ и соціологическихъ теорій и научнаго метода, исключающаго всякій догматизмъ.

5. Рядомъ съ этимъ общимъ теоретическимъ образованіемъ общее образованіе историческое, о важности котораго мною говорилось въ другихъ мѣстахъ.

6. Особыя знанія изъ тѣхъ соціальныхъ наукъ, ко-

Библиотека "Руниверс"

торыя касаются предмета ближайшей дѣятельности того или другого человѣка.

7. Сознательный выборъ того направленія, въ духѣ котораго человѣкъ желаетъ дѣйствовать.

8. Чувство отвѣтственности передъ своей совѣстью и передъ общественнымъ мнѣніемъ за всѣ свои поступки, которые могутъ имѣть общественные результаты.

Я позволю себѣ спеціально коснуться еще научной подготовки къ общественной дѣятельности. Въ теоретискихъ наукахъ объ отдѣльныхъ сторонахъ общественности можно различать разныя категоріи вопросовъ: въ нихъ есть вопросы чисто отвлеченные (теоретическіе въ тѣсномъ смыслѣ) и вопросы прикладные (практическіе) о томъ, *что́* дѣлать, т.-е. что̀ ставить цѣлью дѣятельности, и *ка́къ* дѣлать, т.-е. къ какимъ средствамъ прибѣгать для достиженія цѣли, при чемъ и эти вопросы могутъ ставиться или въ общемъ видѣ, или въ примѣненіи къ даннымъ, напр., отечественнным отношеніямъ. Кто занимается наукою ради ея разработки, тому, конечно, самыми важными кажутся вопросы отвлеченные, а прикладные получаютъ значеніе, во-первыхъ, лишь по отношенію къ цѣлямъ, а во-вторыхъ, въ общей формѣ. Кто готовится къ общественной дѣятельности, того, разумѣется, прикладные вопросы должны интересовать болѣе отвлеченныхъ, вопросы о средствахъ болѣе вопросовъ о цѣляхъ, и все это главнымъ образомъ въ примѣненіи къ родной дѣйствительности: какъ у насъ осуществить то-то и то-то? Такая постановка вопроса требуетъ знанія самой общественной среды, въ которой придется дѣйствовать, и притомъ знанія ея въ сравненіи и въ связи съ западной Европой, отъ которой мы такъ отличаемся, но которая такъ вліяетъ на нашу собственную жизнь. Знаніе среды есть не только знаніе настоящаго момента, но и ближайшаго прошлаго. Общія условія настоящаго не такъ уже

Библиотека "Руниверс"

отличны отъ ближайшаго прошлаго, чтобы опыты и примѣры послѣдняго не могли быть прилагаемы къ сужденіямъ нашимъ о переживаемомъ моментѣ и руководить нами въ нашей теперешней дѣятельности, отъ одного насъ предостерегая, другое, наоборотъ, намъ рекомендуя. И вообще изученіе исторіи важно, какъ было уже сказано, но въ книжкѣ о сущности общественной дѣятельности особенно необходимо отмѣтить нѣкоторыя общія темы историческаго чтенія. Вотъ главныя изъ нихъ:

1. Научныя біографіи выдающихся общественныхъ дѣятелей разныхъ странъ съ критическою оцѣнкою ихъ дѣятельности по ея цѣлямъ и средствамъ. Всякія біографіи, написанныя съ опредѣленной моральной цѣлью или съ намѣреніемъ внушенія извѣстнаго политическаго воззрѣнія, панегирики съ шаблонной фразеологіей, какіе пишутся часто безъ научнаго отношенія къ предмету, той цѣли, о которой идетъ рѣчь, служить не могутъ.

2. Научные описанія, разборы и характеристики дѣятельности отдѣльныхъ политическихъ партій, исторія ихъ внутренняго развитія, ихъ борьбы съ другими партіями, ихъ успѣховъ и пораженій, ихъ достоинствъ и недостатковъ, ихъ ошибокъ и достигнутыхъ ими результатовъ и т. п. Опять необходимое условіе—безпристрастіе. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ пренебрегать и пристрастными даже сочиненіями, если только пристрастіе не переходитъ въ панегирикъ: тогда ужъ лучше обращаться къ памфлетамъ, въ которыхъ есть все-таки критика.

3. Научныя повѣствованія о крупныхъ общественныхъ движеніяхъ, особенно, когда на сценѣ являлись не только единичные дѣятели и политическія партіи, но и народныя массы. Причины и результаты движеній, условія, вліявшія на ихъ ходъ, ихъ внутреннія перипетіи, наступавшія за ними реакціи,—все это должно быть научно понято и трезво изображено.

Библиотека "Руниверс"

4. Исторіи отдѣльныхъ общественныхъ вопросовъ, ихъ постановокъ и рѣшеній, исторіи преобразованій разнаго рода, отношеній, подлежавшихъ преобразованіямъ, ихъ возникновенія, борьбы партій по ихъ поводу, участія въ нихъ отдѣльныхъ лицъ, ихъ хода, ихъ результатовъ.

Такое ознакомленіе съ отдѣльными выдающимися дѣятелями (напр., Тюрго, Мирабо, Штейнъ и т. п.), съ отдѣльными партіями (напр., пресвитеріанами и индепендентами въ первую англійскую революцію, торіями и вигами за послѣдніе два вѣка въ Англіи, жирондистами и якобинцами и т. п.), съ отдѣльными эпохами сильнаго общественнаго движенія (Германія въ эпоху реформаціи, Франція въ концѣ XVIII в. столѣтія, Пруссія при Штейнѣ и Гарденбергѣ, 1848 годъ и т. п.); съ отдѣльными реформами (крестьянской, земской, судебной и т. п.),—такое ознакомленіе съ историческими фактами, имѣющими непосредственно близкое отношеніе къ вопросамъ общественной дѣятельности вообще, расширяетъ умственный горизонтъ, необходимо сильно ограниченный у человѣка, вращающагося въ маленькомъ кругу,—даетъ массу фактическихъ знаній, изъ которыхъ можно дѣлать потомъ поучительные выводы, доставляетъ матеріалъ для сравненій съ ближайшею окружающею жизнью, т.-е. въ обоихъ случаяхъ замѣняетъ недостатокъ въ личномъ опытѣ, пріучаетъ къ научно-историческому мышленію и т. п. Пристальное и постоянное ознакомленіе съ текущею жизнью по газетамъ и журнальнымъ обозрѣніямъ связываетъ съ изученіемъ настоящаго такія же выгоды для каждаго, кто хочетъ быть общественнымъ дѣятелемъ въ родной странѣ.

Къ сожалѣнію, среди научныхъ вопросовъ, знакомство съ которыми въ высшей степени важно для каждаго общественнаго дѣятеля, есть много доселѣ недостаточно критически разработаныхъ, хотя догматически о нихъ не

Библиотека "Руниверс"

разъ высказывались весьма рѣшительныя мнѣнія. Каждый общественный дѣятель есть вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятель историческій, а между тѣмъ до сихъ поръ вопросъ о роли личности въ исторіи—одинъ изъ наиболѣе спорныхъ, изъ наименѣе разработанныхъ, что и доказывается бѣдностью посвященной ему спеціально литературы. Въ настоящее время часто раздаются голоса и притомъ съ разныхъ сторонъ о томъ, что личное дѣйствіе въ исторіи равно нулю. Но тогда, спрашивается, имѣетъ ли смыслъ сама общественная дѣятельность? Если усилія личности равны нулю, то и усилія цѣлыхъ партій, т.-е. суммы отдѣльныхъ такихъ нулей тоже должны равняться нулю. Тогда какой смыслъ существованія партій? Самый вопросъ этотъ исторически въ такой общей формѣ не ставится. И самъ вопросъ объ общественной дѣятельности, о партійной борьбѣ, о внутреннихъ отношеніяхъ партій и т. п. мало разработанъ [1]). Общественный интересъ требовалъ бы, чтобы дѣятели, ставящіе служеніе ему своею цѣлью, руководились въ своей тактикѣ какимъ-нибудь кодексомъ правилъ. Въ другихъ странахъ съ длинной исторіей широкой и свободной общественной дѣятельности, о какой мы не имѣемъ понятія, уже выработались извѣстныя традиціи, извѣстная дисциплина, извѣстный кодексъ правилъ. У насъ приходится еще проповѣдовать азбучныя истины и прописную мораль. Плохо, если каждому, руководясь иногда только чутьемъ и инстинктомъ, безъ помощи со стороны развитого общественнаго мнѣнія, которое опиралось бы на широкую гласность, приходится тратить время и силы на то, чтобы личнымъ опытомъ добиваться рѣшенія задачъ, не нуждающихся въ перерѣшеніяхъ.

[1]) Литература по этому вопросу и на иностранныхъ языкахъ самая незначительная, а по русски о партіяхъ и нѣтъ почти ничего. Я предполагаю въ видѣ продолженія настоящей книжки издать особый этюдъ, спеціально посвященный этому вопросу.

Библиотека "Руниверс"

Но тутъ я невольно коснулся вопроса о необходимыхъ условіяхъ общественной дѣятельности, которому по предварительному плану долженъ былъ посвятить особую главу книжки. Къ этому вопросу я теперь и перехожу, хотя еще многое можно было бы сказать по поводу частныхъ темъ, затронутыхъ въ только-что оконченной главѣ.

VI. Необходимыя условія общественной дѣятельности.

Вездѣ ли одинаково возможна общественная дѣятельность? Вездѣ ли она одинаково легка? Вездѣ ли она можетъ быть одинаково успѣшна?

Конечно, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, далеко не вездѣ.

Можно было бы поставить и другіе подобные вопросы и отвѣтить на нихъ тоже однимъ и тѣмъ же „не вездѣ“ Напримѣръ, вездѣ ли общество можетъ предъявлять своимъ дѣятелямъ одни и тѣ же идеальныя требованія? Отвѣтъ и тутъ тотъ же: разумѣется, не вездѣ и не всегда. Безусловность требованій разума и справедливости отнюдь не отрицается тѣмъ, что не всѣ общественныя условія, существующія въ дѣйствительности, отвѣчаютъ этимъ требованіямъ. Если бы общество было идеально хорошо, то и самая надобность въ общественной дѣятельности прекратилась бы. Сама эта дѣятельность обусловлена несовершенствами общества, и чѣмъ послѣднее несовершеннѣе, тѣмъ болѣе нуждается оно въ работѣ прогрессивныхъ дѣятелей, но вмѣстѣ съ этимъ и работа ихъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ менѣе общество совершенно, такъ какъ самая задача тутъ болѣе крупная и сложная, да и условія дѣятельности тѣмъ хуже, чѣмъ несовершеннѣе общество; при болѣе же трудныхъ условіяхъ и дѣйствовать мудренѣе съ соблюденіемъ

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ требованій разума и справедливости, но зато и отступленіе отъ нихъ въ подобныхъ случаяхъ влечетъ за собою болѣе опасныя и вредныя послѣдствія, нежели при условіяхъ болѣе благопріятныхъ. Это какой-то заколдованный кругъ: чѣмъ труднѣе задача сама по себѣ, тѣмъ, кромѣ того, хуже и внѣшнія условія для ея рѣшенія, но чѣмъ хуже условія, тѣмъ труднѣе соблюденіе необходимыхъ правилъ, а чѣмъ менѣе они соблюдаются, тѣмъ труднѣе рѣшить задачу. Опредѣленное общественное состояніе ставится, какъ цѣль; это требуетъ опредѣленной общественной дѣятельности, какъ средства; но чтобы возможною была эта дѣятельность, нужны опредѣленныя общественныя условія, и вотъ иногда оказывается, что эти самыя общественныя условія и мыслятся въ томъ общественномъ состояніи, которое является цѣлью дѣятельности, лишенной своихъ необходимыхъ условій, такъ какъ послѣднія и суть еще цѣль стремленій. Александръ Македонскій, не желавшій возиться надъ распутываніемъ гордіева узла, разрубилъ его мечомъ. Общества, остановленныя или задержанныя въ своемъ развитіи, пошедшія по неправильной исторической дорогѣ и попавшія въ такіе культурно-соціальные тупики, выходятъ изъ нихъ на настоящую дорогу и дѣлаются способными двигаться впередъ далѣе лишь тогда, когда тотъ или другой мечъ разсѣкаетъ гордіевъ узелъ заколдованнаго круга. Такимъ мечомъ была петровская реформа для Россіи двѣсти лѣтъ тому назадъ, революція для Франціи сто лѣтъ тому назадъ, освобожденіе крестьянъ и другія преобразованія Александра II. Это—эпохи кризисовъ, получающихъ весьма различный характеръ въ зависимости обь общественныхъ обстоятельствъ и лицъ, дѣйствующихъ на общественной сценѣ. Иногда государства не переживаютъ такихъ критическихъ минутъ, когда сознана старая неправда, сознана необходимость движенія впередъ, но внутреннія

Библиотека "Руниверс"

или внѣшнія условія ставятъ дилемму: или оставайся въ прежнемъ положеніи, за чѣмъ, конечно, воспослѣдуетъ рано или поздно смерть, или умри сейчасъ же, если сдѣлаешь попытку лѣчиться отъ своей застарѣлой болѣзни. Въ такомъ положеніи находилась Польша сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ. Чѣмъ кончается подобный кризисъ, предвидѣть никогда нельзя: и въ Польшѣ, и во Франціи сто лѣтъ тому назадъ шли внутренніе раздоры; и Польша, и Франція подверглись внѣшнему нашествію; въ обѣихъ странахъ междоусобія и борьба съ сосѣдями вызваны были желаніемъ выйти изъ историческаго тупика, разорвать заколдованный кругъ внутреннихъ противорѣчій, разрубить мечомъ гордіевъ узелъ внутренней политики, но Польша погибла, какъ государство, а Франція вышла изъ внутренней и внѣшней борьбы единою и сильною. Каждый такой кризисъ представляетъ собою шансы выздоровленія и смерти. Искусственный вызовъ кризиса всегда дѣло рискованное; но человѣкъ благоразумный и сознающій свою отвѣтственность рискуетъ дорогими интересами лишь тогда, когда имъ уже испробованы всѣ способы и мѣры, и онъ видитъ, что другого выхода нѣтъ, кромѣ риска. Но иногда, наоборотъ, рискованнымъ бываетъ оставлять во всей своей неприкосновенности старые порядки. Петровская реформа и великія преобразованія, обновившія Россію сорокъ лѣтъ тому назадъ, были глубокою исторической необходимостью: безъ этихъ двухъ эпохъ Россія рисковала пережить страшныя внѣшнія бѣды и внутреннія потрясенія, изъ которыхъ еще неизвѣстно— какъ и чѣмъ бы она могла выйти.

Я уклонился, однако, отъ задачи—разсмотрѣть необходимыя условія общественной дѣятельности, увлекшись историческими соображеніями о судьбѣ царствъ и народовъ, объ общественныхъ кризисахъ и переворотахъ, мирныхъ и революціонныхъ, но сущность которыхъ состоитъ

Библиотека "Руниверс"

въ томъ, что во многихъ случаяхъ самая возможность дальнѣйшаго историческаго движенія впередъ создается не иначе, какъ путемъ властнаго дѣйствія, откуда бы оно ни исходило. Исторія, однако, учитъ насъ, что коренные и быстрые перевороты могутъ происходить только тамъ, гдѣ задержано постепенное движеніе, состоящее изъ частичныхъ измѣненій,—что результаты этихъ переворотовъ бываютъ прочными лишь тогда, когда они соотвѣтствуютъ дѣйствительно назрѣвшимъ общественнымъ потребностямъ,—что удачи и успѣхи въ весьма частыхъ случаяхъ, когда настоящая побѣда не имѣетъ прочныхъ корней въ обществѣ, смѣняются очень скоро пораженіями,—что эти пораженія нерѣдко могутъ отодвигать общественныя условія назадъ и отдалять отъ достиженія цѣли,—что во всякомъ случаѣ тутъ бываетъ не мало риска, многое зависитъ отъ случайныхъ шансовъ и похоже на азартную игру. Истина требуетъ, однако, прибавить, что безъ подобныхъ потрясеній многія культурныя и соціальныя явленія, по крайней мѣрѣ, въ прошломъ были бы невозможны,—что первыми виновниками этихъ потрясеній были правители и правящіе классы, стоявшіе ниже своей задачи и не дѣлавшіе вовремя уступокъ, — что грубость и жестокость, которыми сопровождались такія потрясенія, были результатомъ вѣкового невѣжества и угнетенія, противъ которыхъ со стороны государства и культурныхъ классовъ ничего не предпринималось,—что усмиреніе разыгравшихся народныхъ страстей въ свою очередь принимало характеръ дикой мести и сопровождалось уничтоженіемъ многихъ уже пріобрѣтенныхъ обществомъ благъ,—что отвѣтственность за рискованные шаги, приводившіе потомъ къ смутамъ и междоусобіямъ, въ иныхъ случаяхъ, какъ то было, напр., въ Англіи XVII в., падала на самоё государственную власть, сходившую съ почвы того самаго закона, который служилъ основою ея соб-

Библиотека "Руниверс"

ственнаго существованія и т. п. Какъ и во всемъ, что касается только знанія и пониманія, никакой догматизмъ въ сужденіяхъ о подобнаго рода событіяхъ въ исторической жизни народовъ неумѣстенъ: революціи суть такіе же исторические факты, какъ и всѣ остальные, и подлежатъ такому же научному, критическому изученію, именно научному изученію, а не партійному прославленію или смѣшиванію съ грязью, именно критическому, а не догматичекому отношенію. Сама идея революціи, переворота, подобно другимъ идеямъ соціологическаго и историческаго характера, въ родѣ идей свободы и власти, общества и государства, общественныхъ стремленій, общественной дѣятельности, преобразованій и т. д., и т. д., есть не что иное, какъ отвлеченное понятіе и притомъ весьма сложное, нуждающееся въ анализѣ, чтобы стать совершенно яснымъ, нуждающееся въ фактическомъ освѣщеніи, чтобы стать содержательнымъ и пр. и пр. Абстрактный догматизмъ въ отношеніи къ этой идеѣ, сдѣлавшейся для многихъ символомъ прогресса, предметомъ суевѣрнаго обожанія, почти или даже совсѣмъ религіознаго культа, а для другихъ воплощеніемъ самого зла, предметомъ не менѣе суевѣрнаго страха, вѣчно грознымъ призракомъ, болѣзненно пугающимъ воображеніе, — и это догматическое отношеніе съ фанатизмомъ безумной любви и дикой ненависти къ самой идеѣ, съ возможностью деспотизма и съ той и съ другой стороны должно смѣниться историческимъ и критическимъ взглядомъ, при которомъ нѣтъ мѣста ни вѣрѣ въ то, что это—гласъ Божій, ни вѣрѣ въ то, что это — дьявольскія козни. Это — историческіе факты, имѣвшіе свои причины и поводы, свои условія и слѣдствія,—факты, въ которыхъ были перемѣшаны добро и зло, умное и неразумное, истина и заблужденія, право и безправіе, любовь и ненависть, героизмъ и пошлость, высокое и низкое, полезное и вредное, и встрѣчались всѣ

Библиотека "Руниверс"

противоположности людскихъ характеровъ, какъ и вездѣ, гдѣ дѣйствовали и дѣйствуютъ люди. Это, далѣе, историческіе факты, подлежащіе, повторяю, изученію, анализу, критикѣ, оцѣнкѣ и суду, послѣ которыхъ уже никакому догматизму въ отношеніи къ идеѣ быть не можетъ мѣста, а революція не будетъ уже казаться ни панацеей или универсальнымъ средствомъ, ни вѣчнымъ призракомъ или пугаломъ, страхъ передъ которымъ могъ бы служить оправданіемъ для того, чтобы дѣлать какъ-разъ вещи, нерѣдко, наоборотъ, и доводившія до самыхъ сильныхъ потрясеній. Исторія можетъ показать, что ни догматическая проповѣдь революцій сама не въ состояніи была ихъ вызывать, ни догматическая проповѣдь противъ революцій не могла ихъ остановить и предупредить. Идея совсѣмъ лишается своей заманчивости для однихъ и перестаетъ внушать свой страхъ другимъ, едва къ этой идеѣ прикоснется научный анализъ, который одинъ только и можетъ показать, какъ слѣдуетъ вести общество впередъ не непремѣнно путемъ насильственныхъ переворотовъ и какъ, съ другой стороны, предупреждать самую ихъ возможность, не останавливая искусственными мѣрами общественнаго прогресса. На такомъ знаніи и пониманіи и можетъ—да и должна только — основываться въ мирныя и спокойныя времена народной жизни работа государственныхъ людей и общественныхъ дѣятелей, но для этого должна существовать наличность извѣстныхъ условій. Послѣднее соображеніе возвращаетъ насъ къ главной темѣ настоящей главы.

О необходимыхъ условіяхъ общественной дѣятельности можно сказать очень многое, но подробную разработку этой темы я приберегу для другого раза. Здѣсь я ограничусь только самымъ общимъ.

Условія эти могутъ быть весьма различныхъ категорій—условія, дѣлающія общественную дѣятельность воз-

Библиотека "Руниверс"

можною и невозможною, условія, при которыхъ она бываетъ болѣе легкою и болѣе трудною, условія, съуживающія ея арену или, наоборотъ, эту арену расширяющія, условія ея большей или меньшей успѣшности, большей или меньшей плодотворности, прочности достигнутыхъ результатовъ. Для того, чтобы говорить о каждой изъ этихъ различныхъ категорій, конечно, недостаточно основываться на однихъ голыхъ разсужденіяхъ; въ основѣ должны были бы лежать факты и сравненія между фактами изъ исторіи разныхъ странъ и одной страны въ разные періоды ея существованія. Я не думаю здѣсь заниматься ни этимъ анализомъ, ни этими сравненіями, но всякій общественный дѣятель долженъ хорошо знать условія своей родной обстановки, дабы, пользуясь примѣрами общественной дѣятельности въ чужихъ краяхъ, понимать всю разницу между тамошними и своими условіями и умѣть дѣйствовать примѣнительно къ послѣднимъ. Что касается до всѣхъ условій большей или меньшей возможности, легкости, успѣшности, плодотворности общественной дѣятельности, которыя существуютъ въ какихъ бы то ни было странахъ, то они могутъ быть внутреннія и внѣшнія. Внутреннія, это—необходимыя качества самихъ дѣятелей, которыя, однако, сами суть результаты дѣйствія условій внѣшнихъ, каковы большая или меньшая образованность всего общества, состояніе общественной нравственности, доля свободы, которою пользуются люди въ данномъ обществѣ. Во всякомъ случаѣ на общественную дѣятельность наибольшее право имѣютъ наиболѣе сильные умомъ и образованіемъ, чуткостью и преданностью общественнымъ интересамъ, характеромъ и опытностью люди. То общество страшно теряетъ, гдѣ такіе люди не могутъ пробиться впередъ, на мѣсто, принадлежащее имъ по праву. Но положимъ, что общественными дѣятелями будутъ, дѣйствительно, лучшіе люди,—

Библиотека "Руниверс"

остаются вѣдь еще внѣшнія условія ихъ дѣятельности, которыя могутъ быть, наоборотъ, очень дурны.

Эти внѣшнія условія можно раздѣлить на культурныя и соціальныя.

Культурныя условія, это—общее состояніе образованности и нравовъ общества. Нужна извѣстная ступень культурнаго развитія для того, чтобы могла начаться въ данной средѣ настоящая общественная дѣятельность: на этой именно ступени изъ болѣе или менѣе однородной массы общества выдѣляются единицы, которыя иначе (лучше или хуже, или же въ однихъ отношеніяхъ лучше, въ другихъ иногда хуже) понимаютъ вещи, интересующія массу. Между общественнымъ дѣятелемъ и культурною средою, его окружающею, происходитъ умственный и нравственный разрывъ. Отсталоое общество не понимаетъ своихъ передовыхъ дѣятелей, хотя бы они были одушевлены искреннею преданностью его интересамъ и обладали всѣми необходимыми качествами для того, чтобы понимать и осуществлять его благо. Положеніе такого человѣка дѣлается иногда трагическимъ: ему не довѣряютъ, его преслѣдуютъ, ему отравляютъ жизнь. Это имѣетъ значеніе и въ томъ случаѣ, когда, напр., единичный интеллигентный дѣятель или небольшая кучка такихъ дѣятелей тонетъ въ массѣ такъ называемаго „общества", и въ томъ, когда разрывъ существуетъ между разными культурными слоями общества, между интеллигенціей и народомъ, къ чему примѣшивается еще различіе между бариномъ и мужикомъ, усиливающее недовѣріе съ послѣдней стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлающее бо́льшею возможность непониманія и съ первой стороны. Трудно положеніе одинокаго дѣятеля, не встрѣчающаго вокругъ себя ни сочувствія, ни поддержки, будутъ ли вокругъ него люди своего круга, или стоящая на болѣе низкомъ уровнѣ масса. Чѣмъ болѣе путемъ развитія просвѣщенія и на-

Библиотека "Руниверс"

роднаго образованія подымается умственный и нравственный уровень верхнихъ общественныхъ слоевъ и хоть сколько-нибудь начинаютъ перебрасываться мостики черезъ пропасть, отдѣляющую интеллигенцію отъ народа, тѣмъ возможнѣе и легче со стороны культурныхъ условій становится общественная дѣятельность, при чемъ, конечно, умственное и нравственное развитіе является условіемъ и умноженія числа дѣятелей.

Общественному дѣятелю нуженъ просторъ, нужна извѣстная свобода. Кромѣ внѣшнихъ условій политическаго характера, лишать человѣка этого простора, стѣснять и ограничивать его свободу можетъ просто само общество, которому по его малой развитости и въ силу преданности унаслѣдованнымъ привычкамъ и обычаямъ каждое, иногда совершенно невинное уклоненіе кажется дерзостью, оскорбляющею общественную нравственность, преступленіемъ противъ общественнаго интереса. Въ подобныхъ случаяхъ, напр., всегда и вездѣ неразвитыя народныя массы охотнѣе слушали кулаковъ изъ своей среды, говорившихъ имъ болѣе привычныя слова, нежели людей безкорыстныхъ изъ другой среды и говорившихъ не ихъ языкомъ.

Противъ культурныхъ золъ можно дѣйствовать прямо только культурными средствами (косвенно, конечно, и экономическими, напр.), путемъ распространенія образованія во всѣхъ слояхъ общества—до народныхъ массъ включительно. Бо̀льшая культурность страны неминуемо отражается благотворно и на соціальныхъ ея условіяхъ, понимая подъ послѣдними и экономическій, и политическій ея бытъ. Общій культурный подъемъ — первое условіе бо̀льшей возможности сколько-нибудь успѣшной и плодотворной общественной дѣятельности. Если откуда-нибудь извнѣ и могутъ исподволь дѣйствовать силы, подтачивающія кольца той непрерывной цѣпи, которая дер-

Библиотека "Руниверс"

житъ иногда въ своемъ заколдованномъ кругѣ общество, то главнѣйшія изъ этихъ силъ создаются развитіемъ образованности.

Однимъ изъ важныхъ культурныхъ условій, въ которыхъ нуждается общественная дѣятельность, есть развитіе общественнаго духа въ самомъ обществѣ. Гдѣ каждый думаетъ только о себѣ, полагая, что „его хата съ краю", гдѣ не развито сознаніе, что интересы личнаго и частнаго характера лучше обезпечиваются „всѣмъ міромъ", а не въ одиночку, гдѣ нѣтъ безкорыстнаго представленія объ общемъ благѣ и нѣтъ понятія объ общественной солидарности, тамъ не можетъ быть большого количества общественныхъ дѣятелей, тамъ общественные дѣятели, какіе есть, не могутъ быть поняты и оцѣнены, не могутъ найти сочувствія и поддержи въ той самой средѣ, благо, польза и интересы которой составляютъ задачу ихъ дѣятельности. Слабое развитіе общественнаго духа есть признакъ невысокой духовной культурности общества.

Вообще культурная среда играетъ важную роль въ числѣ условій, отъ которыхъ зависитъ общественная дѣятельность. Въ интересахъ этой дѣятельности и въ интересахъ самой же среды, т.-е. того же общества, взятаго со стороны умственныхъ и нравственныхъ своихъ проявленій, нужно заботиться объ общемъ подъемѣ общественной культуры, понимая подъ нею, разумѣется, и народное образованіе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Общественный дѣятель поэтому долженъ, между прочимъ, и воспитывать общество, вліять на культурную среду, словомъ и дѣломъ, совѣтомъ и примѣромъ, своею жизнью и своею дѣятельностью: кому много дано, съ того много и взыщется. Однимъ изъ наиболѣе раннихъ и самыхъ благородныхъ порывовъ молодежи, впервые ощутившей въ себѣ стремленія здороваго юношескаго идеализма, является желаніе дѣйствовать на среду облагораживающимъ ее обра-

Библиотека "Руниверс"

зомъ, но для того, чтобы дѣйствовать на пошлую среду, нужно застраховать самого себя отъ возможности подчиниться ея вліянію; для того, чтобы воспитывать другихъ, нужно прежде воспитать самого себя. Человѣкъ, не развившій въ себѣ личности, безсиленъ противъ среды, которая легко передѣлываетъ по своему образу и подобію личности, не успѣвшія развить своего ума, своего нравственнаго чувства и своей воли, укрѣпить въ себѣ привычки всегда правильно мыслить, вопрошать постоянно свою совѣсть и непрестанно трудиться надъ осуществленіемъ своей идеи. Очень молодому уму легко вообразить, что все, что̀ онъ думаетъ, находясь въ извѣстной средѣ, есть его собственная мысль, его собственная дума: въ его душѣ, какъ въ зеркалѣ, нерѣдко отражается лишь ближайшая среда, въ которую онъ попалъ; но вотъ передъ этимъ зеркаломъ—другая картина, и на немъ получается иное изображеніе. Я не скажу даже, чтобы душа должна была уподобляться фотографической пластинкѣ, запечатлѣвающей на себѣ предметы, которые находятся передъ объективомъ: мало ли что̀ передъ камерой можетъ очутиться, а потому закрѣпить на пластинкѣ лишь одни изображенія значитъ на вѣки-вѣчные сдѣлать ее нечувствительною ко всему другому, снимать же на одну пластинку разные виды значитъ получить въ результатѣ величайшій сумбуръ. Душа не должна быть ни зеркаломъ, безразлично отражающимъ все, что̀ передъ нимъ ни поставятъ, ни фотографической пластинкой, на которой можно получить одно какое-либо опредѣленное изображеніе, либо такую путаницу, что въ ней никогда и не разберешься: она не есть пассивное воспріятіе, но творчество. Она сама именно творитъ себя и можетъ творить внѣ себя, если изъ самой себя создастъ творческую силу, способную дѣйствовать извнѣ. Воспитывать другихъ можетъ только тотъ, повторяю, кто воспиталъ себя, передѣлывать среду—тотъ,

Библиотека "Руниверс"

кто самъ себя передѣлалъ и кого уже среда не передѣлаетъ. Откуда тотъ печальный фактъ, что разъ молодой человѣкъ оставляетъ студенческую среду съ ея идейными и общественными интересами и попадаетъ въ другую среду съ другими взглядами и стремленіями, какъ съ него постепенно, словно рукой, снимаетъ и для самого него незамѣтно все, что было въ немъ законною данью юношескому идеализму? И вотъ говорятъ: „среда заѣла", „втянулся въ условія новой обстановки" и т. п. Да, сильна среда, и прежде чѣмъ идти на борьбу съ такимъ опаснымъ звѣремъ, который можетъ и заѣсть, прежде чѣмъ начать его приученіе, необходимо развить въ себѣ силу и ловкость.

Человѣкъ нерѣдко принимаетъ за свое собственное развитіе то, что есть только результатъ вліянія новой среды. Развитіе состоитъ не въ перемѣнѣ одного догматическаго подчиненія на другое подчиненіе, какъ свобода не заключается въ переходѣ отъ власти одного господина подъ власть другого. То критическое отношеніе, о которомъ столько говорится въ этой моей книжкѣ и такъ много говорилось въ прежнихъ, заключается вовсе не въ отрицаніи того, что прежде было для насъ авторитетнымъ и остается таковымъ для другихъ, въ отрицаніи, за которымъ непосредственно слѣдуетъ такое же, какъ прежде, подчиненіе другому авторитету, именно авторитету новой среды, въ которую мы перешли: заключается дѣйствительное критическое отношеніе въ отрицаніи самого принципа догматизма, каково бы ни было его содержаніе— старое или новое. Общественный дѣятель самъ долженъ выработать въ себѣ силу критической мысли, но, конечно, окружающая среда можетъ ему въ этомъ отношеніи одинаково и помогать, и препятствовать. Общественный дѣятель, умѣющій лишь догматически подчиняться авторитету своей среды, хотя бы даже умной и честной, или

Библиотека "Руниверс"

только догматически подчинять другихъ своему авторитету, хотя бы для достиженія хорошихъ цѣлей и не безъ успѣха, содѣйствуетъ созданію или, по крайней мѣрѣ, поддержкѣ такихъ условій общественной дѣятельности, противъ которыхъ должна быть направлена ея борьба.

Но довольно объ условіяхъ культурныхъ. Условія соціальныя могутъ быть экономическія и политическія. Я не касаюсь первыхъ, такъ какъ въ нихъ заключаются не столько непосредственныя, выгодныя или невыгодныя, условія общественной дѣятельности лица, сколько условія, сильно вліяющія на всѣ остальныя и черезъ нихъ лишь косвенно на самоё общественную дѣятельность, если только не имѣть въ виду матеріальныхъ средствъ, какія нужны, напр., для благотворительности, распространенія образованія и т. п. Въ подобныхъ случаяхъ опять-таки общія культурныя и политическія условія опредѣляютъ, насколько въ общественной дѣятельности участвуютъ люди богатые, зажиточные, просто съ нѣкоторыми средствами, или все это люди, которымъ сильно приходится задумываться надъ своимъ собственнымъ прокормленіемъ и отдавать добыванію средствъ къ жизни все свое время и всѣ свои силы, хотя бы, напр., на какой-нибудь частной службѣ, предаваясь занятіямъ, отъ которыхъ общество (въ идеальномъ пониманіи слова) получаетъ мало.

Другое дѣло—общія политическія условія, зависящія отъ той степени свободы, какою въ данномъ государствѣ по всѣмъ наличнымъ условіямъ его собственнаго существованія могутъ пользоваться отдѣльная личность и все общество. Личность въ себѣ самой носитъ свое право на свободу, и общество, какъ совокупность отдѣльныхъ личностей, имѣетъ тоже свое собственное право, а кромѣ того, свободнаго проявленія общественныхъ силъ и, слѣдовательно, наибольшаго простора общественной дѣятельности требуетъ и сама польза общества. Съ другой сто-

Библиотека "Руниверс"

роны, однако, существуетъ государство и въ каждомъ государствѣ, каково бы ни было его внутреннее устройство и въ какихъ бы отношеніяхъ оно ни стояло къ личности и къ обществу, существуетъ власть, т.-е. молчаливо или громко признаваемое обществомъ и опирающееся на фактическую возможность право распоряженія и принужденія. Свобода и власть, это—два соціологическія понятія, разныя и противоположныя, но не противорѣчивыя и другъ друга не исключающія. Свобода есть право личности (и общества, какъ совокупности личностей) распоряжаться собою, такъ какъ личность сама въ себѣ видитъ свою собственную цѣль, и ея право—требовать, чтобы ею не распоряжались безъ ея согласія, какъ средствомъ для достиженія цѣлей, ей постороннихъ. Разъ, однако, личность вынуждена существовать въ обществѣ (и въ государствѣ), и это существованіе ей полезно, она не можетъ требовать, чтобы ея свобода была безграничнымъ произволомъ, и личность даже должна желать, чтобы нѣчто ради ей собственнаго блага ограничивало произволъ другихъ личностей, а такъ какъ еще въ общественномъ состояніи своемъ личность не можетъ считать общественные интересы для себя совершенно чуждыми, то она и должна находить необходимою такую организацію (государство), которой принадлежало бы принудительное властвованіе, причемъ, замѣтимъ еще, послѣднее можетъ быть или всецѣло передано государству или раздѣлено между нимъ и обществомъ. А кто говоритъ: „власть“, тотъ говоритъ: „право государства (и общества) распоряжаться другими людьми, какъ орудіями для достиженія общественныхъ цѣлей“ Вся задача теоретической и практической политики—найти надлежащія отношенія между свободой и властью, между личностью и обществомъ, какъ совокупностью отдѣльныхъ личностей, носящими въ себѣ принципъ свободы, съ одной стороны, и между обществомъ, какъ цѣ-

Библиотека "Руниверс"

лымъ, и его воплощеніемъ въ государствѣ, какъ представителями принципа власти, съ другой. Хотя съ принципіальной точки зрѣнія и можно съ большею или меньшею удовлетворительностью рѣшить всѣ общіе вопросы, возникающіе на этой почвѣ, и притомъ не вдаваясь въ казуистику, но общаго практическаго рецепта, годнаго для всѣхъ странъ и временъ, для всѣхъ народовъ и государствъ, дать нельзя. Въ теоріи возможно лишь держаться на высотѣ критическаго отношенія, чуждаго всякаго догматизма, на практикѣ—сообразоваться съ общими принципами теоріи, съ данными условіями, съ реальными общественными интересами, съ существующими шансами успѣха и неудачи, пользы и вреда. Догматическому обоготворенію свободы или догматическому обоготворенію власти, одной, потому что она—свобода, другой—потому, что она—власть,—не слѣдуетъ быть ни въ теоріи, ни на практикѣ. Власть, въ себѣ самой имѣющая свою основу и свою цѣль или свобода въ такомъ же точно пониманіи,—власть, добивающаяся своего во что бы то ни стало и что бы отсюда ни вышло, и свобода, не считающаяся ни съ какими реальными условіями возможности пользоваться ею и не принимающая въ расчетъ никакихъ слѣдствій, какія отсюда могутъ произойти, —власть, видящая въ какой бы то ни было свободѣ своего врага, и свобода, отвѣчающая власти тѣмъ же, это—два враждебныхъ догмата, а не двѣ идеи, между которыми должно быть найдено правильное отношеніе, двѣ одна другую исключающія абсолютныя воли, а не двѣ силы, долженствующія служить человѣку въ его личномъ, общественномъ и государственномъ бытіи. Свобода и власть, это тѣ „субботы“, которыя должны существовать для человѣка, но не для которыхъ человѣкъ долженъ существовать. Подчиняя оба понятія идеѣ правъ и нуждъ личности и общества, мы не должны, однако, дѣлать это

Библиотека "Руниверс"

такъ, какъ поступаютъ люди, которые готовы отстаивать свободу, когда власть не на ихъ сторонѣ, и сами потомъ прежде всего дорожатъ властью, разъ она попадаетъ въ ихъ руки, совсѣмъ забывая чужую свободу. Свобода вытекаетъ изъ правъ личности, и *моя* свобода не можетъ основываться на какомъ-либо принципѣ, кромѣ того, на которомъ основывается и *чужая* свобода. Существованіе власти есть соціальная необходимость, и въ чьихъ рукахъ власть ни находилась бы—въ моихъ ли, въ чужихъ ли, одно это не можетъ служить основаніемъ для того, чтобы я въ первомъ случаѣ не поставилъ ей во имя чужой свободы тѣхъ границъ, какія во имя моей свободы нашелъ бы нужнымъ ей поставить во второмъ случаѣ.

Въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ свободы и власти, личности, общества и государства между теоріей и практикой не должно было бы существовать разногласія. Только узко-догматическія теоріи находятся въ противорѣчіи съ дѣйствительностью, и лишь историческая основа даетъ возможность критическому методу выработать идеальные и вмѣстѣ съ тѣмъ реалистическіе принципы теоретической политики. Только практика, руководимая вѣрными идеями и знаніемъ фактовъ, не будетъ идти въ разрѣзъ съ теоріей. Для общественной дѣятельности это—вопросъ величайшей важности, поскольку общественная дѣятельность есть проявленіе общества, дѣйствіе его свободныхъ и живыхъ силъ. Какъ можно болѣе думать и узнавать объ этомъ вопросѣ, подвергая его всестороннему, научному, критическому разсмотрѣнію, пользуясь данными теоретической и исторической его разработки,—одна изъ обязанностей каждаго, занимающагося общественною дѣятельностью или готовящагося къ ней.

Библиотека "Руниверс"

Приложеніе.

Литература по предмету, составляющему тему этой книжки, весьма незначительна, особенно на русскомъ языкѣ. Читателямъ, которые заинтересовались бы нашею темою настолько, что у нихъ родилось бы желаніе еще прочесть что-либо по затронутымъ въ ней вопросамъ, мы можемъ рекомендовать лишь немногое. Въ сочиненіи *Джона Стюарта Милля* они найдутъ разсмотрѣніе вопроса о томъ, какъ согласовать въ общественной дѣятельности личную свободу и общественный контроль. Брошюра *Рудольфа Іеринга* касается вопроса о той борьбѣ за право, безъ которой немыслима общественная дѣятельность. И при всякой дѣятельности, вытекающей изъ личной инициативы, и при отстаиваніи этою дѣятельностью своего или чужого права приходится считаться между прочимъ съ общественнымъ мнѣніемъ, сущность, происхожденіе и права котораго и составляютъ тему небольшого трактата *Ф. Гольцендорфа.* Общественное мнѣніе является лишь однимъ изъ тѣхъ условій, съ которыми вообще приходится считаться практическимъ дѣятелямъ и которыя часто заставляютъ ихъ идти на сдѣлки и уступки. Вопросу о послѣднихъ посвящено сочиненіе *Джона Морлея.* Въ дальнѣйшемъ мы указываемъ обстоятельнѣе на содержаніе этихъ четырехъ трактатовъ, при чемъ излагаемъ болѣе подробно тѣ мысли ихъ авторовъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ нашей темѣ.

Д. С. Милль. О свободѣ. Спб. 1882 (стр. 145—387 книги: „Д. С. Милль. Утилитаріанизмъ. О свободѣ. Переводъ А. Н. Невѣдомскаго“).

Знаменитое сочиненіе Милля имѣетъ въ виду свободу гражданскую и общественную, свойства и предѣлы той

Библиотека "Руниверс"

власти, которая можетъ быть справедливо признана принадлежащей обществу надъ индивидуумомъ. Недостаточно одной охраны только отъ правительственной тиранніи, нужна еще охрана и отъ тиранніи господствующаго въ обществѣ мнѣнія или чувства. Главный вопросъ Милля: какъ согласить личную независимость и общественный контроль? Вопросъ этотъ, несомнѣнно, имѣетъ важное значеніе въ общественной дѣятельности.

Каждый желаетъ, чтобы другіе люди поступали такимъ же образомъ, какъ и онъ, и всѣ сочувственные ему люди имѣютъ въ этомъ отношеніи одинаковое съ нимъ желаніе,—вотъ что̀ въ дѣйствительности руководитъ мнѣніемъ людей касательно правилъ поведенія. Мнѣніе людей о хорошемъ и дурномъ зависитъ отъ разнообразныхъ причинъ, вліяющихъ на образованіе того или другого желанія относительно поведенія другихъ людей. Никто не имѣетъ права принуждать человѣка что-либо дѣлать или что-либо не дѣлать на томъ основаніи, что отъ этого ему самому было бы лучше, или что, по мнѣнію другихъ людей, поступить извѣстнымъ образомъ было бы благороднѣе и даже похвальнѣе. Такія соображенія могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы поучать человѣка, уговаривать, усовѣщивать, убѣждать его, но никакъ не для того, чтобы принуждать его или, такъ сказать, наказывать его за то, что онъ поступилъ не такъ, какъ того желали. Только въ томъ случаѣ дозволительно подобное вмѣшательство, если дѣйствія человѣка причиняютъ кому-либо вредъ.

За введеніемъ, въ которомъ между другими высказаны и приведенныя мысли, слѣдуютъ три главы съ такимъ содержаніемъ: о свободѣ мысли и критики, объ индивидуальности, какъ объ одномъ изъ элементовъ благосостоянія, и о предѣлахъ власти общества надъ индивидуумомъ. Хотя главная тема Милля—свобода личности, т.-е. ея

Библиотека "Руниверс"

права, въ которыхъ лежитъ ограниченіе власти общества надъ личностью, однако, многое касается и поведенія самой личности. Напр., личная критика необходима не только по отношенію къ общественному мнѣнію, но и по отношенію къ самому себѣ. Въ ущербъ здравому смыслу, людская непогрѣшимость далеко не имѣетъ на практикѣ того значенія, какое за нею обыкновенно признается въ теоріи. Люди охотно признаютъ, что могутъ ошибаться, но мало такихъ людей, которые считали бы нужнымъ принимать какія-либо мѣры предосторожности противъ своей погрѣшимости и допускали бы предположеніе, что, можетъ быть, мнѣніе, считаемое ими истиннымъ, какъ разъ и есть одинъ изъ примѣровъ той погрѣшимости, которую они сознаютъ за собой. Привычка постоянно исправлять и дополнять свое мнѣніе черезъ сравненіе съ мнѣніями другихъ людей не только не производитъ въ человѣкѣ сомнѣнія или колебанія касательно примѣненія своего мнѣнія на практикѣ, а напротивъ, составляетъ единственное прочное основаніе справедливаго къ нему довѣрія. Такой человѣкъ, который сознаетъ, что внимательно выслушалъ всѣ доводы, какіе только могутъ быть приведены противъ его мнѣнія, что тщательно свѣрилъ послѣднее со всѣми возраженіями своихъ противниковъ, что не только не избѣгалъ, а напротивъ, искалъ возраженій и затрудненій и съ радостью ловилъ всякую мысль, которая могла разъяснить предметъ, отъ кого бы эта мысль ни исходила,—такой человѣкъ имѣетъ основаніе думать, что его сужденіе лучше, чѣмъ сужденіе другого человѣка или чѣмъ сужденіе толпы, не подвергавшееся подобной провѣркѣ. Изъ того, какъ Милль совѣтуетъ обществу относиться къ индивидуальному мнѣнію, легко вывести и то, какъ съ точки зрѣнія того же принципа и отдѣльная личность должна относиться ко всякому чужому мнѣнію. Интересны и тѣ страницы, гдѣ

Библиотека "Руниверс"

Милль говоритъ о должномъ отношеніи къ общественному мнѣнію, — тема, которую потомъ разрабатывалъ Гольцендорфъ. Говоря о предѣлахъ власти общества надъ индивидуумомъ, Милль касается также и вопроса о вмѣшательствѣ человѣка въ общественныя дѣла. „Заключать, —говоритъ онъ,—будто мы возводимъ въ доктрину эгоистическую индифферентность, будто мы признаемъ, что индивидууму нѣтъ никакого дѣла до того, какъ живутъ другіе индивидуумы, или что вообще поступки и благосостояніе другихъ людей касаются его только въ той степени, насколько замѣшаны въ это его личные интересы,—дѣлать такое заключеніе значило бы обнаружить крайнее непониманіе того, что мы говоримъ. Не ослабленія, а напротивъ, усиленія въ индивидуумѣ самоотверженнаго стремленія къ благу другихъ,—вотъ чего хочетъ излагаемая нами доктрина; но при этомъ она признаетъ, что не кнутъ и плеть (понимая это и въ буквальномъ, и въ метафорическомъ смыслѣ), а другія средства должны избирать благодѣтели для убѣжденія своихъ ближнихъ въ томъ, что есть благо. Въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ людямъ необходимо, чтобы индивидуумъ соблюдалъ въ большинствѣ случаевъ извѣстныя общія правила, дабы каждый зналъ, чего можетъ ожидать отъ другихъ; но въ томъ, что касается его самого лично, индивидуумъ долженъ быть вполнѣ самодержавенъ. Можно предоставлять ему разные соображенія и доводы, для того, чтобы направить такъ или иначе его сужденіе, можно увѣщавать его, чтобы дать то или другое направленіе его волѣ, все это можно дѣлать, если бы даже онъ этого и не желалъ, но онъ во всякомъ случаѣ есть высшій судья того, что и какъ ему дѣлать, и если онъ поступитъ вопреки всѣмъ совѣтамъ и предостереженіямъ и чрезъ это сдѣлаетъ самъ себѣ вредъ, то этотъ вредъ далеко не можетъ быть такъ великъ, какъ велико было бы то зло, если бы онъ на-

Библиотека "Руниверс"

сильно принужденъ былъ поступать такъ, какъ другіе признаютъ для него благомъ. Поскольку общество состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, постольку каждый отдѣльный его членъ долженъ такъ же уважать неприкосновенность другой личности въ сферѣ ея свободы, какъ и все общество"

Послѣдняя глава трактата касается частныхъ примѣненій тѣхъ принциповъ, о которыхъ шла рѣчь въ предыдущихъ главахъ. Одинъ изъ этихъ принциповъ Милль формулируетъ такъ: „Вслѣдствіе отсутствія общепринятыхъ общихъ принциповъ свобода нерѣдко признается тамъ, гдѣ ея не должно быть, и наоборотъ, нерѣдко отрицается тамъ, гдѣ должна быть признана... Чувство свободы въ новомъ европейскомъ мірѣ обнаруживается съ наибольшею силою именно въ томъ случаѣ, гдѣ оно, по моему мнѣнію, совершенно неумѣстно. Человѣкъ долженъ имѣть полную свободу поступать какъ хочетъ во всемъ, что касается только его самого; но нельзя признать за нимъ свободу поступать по своему усмотрѣнію въ томъ, что касается другихъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣла другихъ суть его собственныя дѣла"

Іерингъ, Р. Борьба за право. Переводъ О. А. Верта съ 11 изданія. Спб. 1895 (90 стр.). Другой переводъ І. Н. Юровскаго.

Этотъ небольшой трактатъ былъ уже прежде дважды переведенъ на русскій языкъ (въ „Юридич. Вѣстникѣ" и г. Волковымъ, оба раза въ 1874 г.). Новые переводы сдѣланы съ послѣдняго нѣмецкаго изданія, съ предисловіемъ и примѣчаніями автора. Цѣль права есть миръ, а средство—борьба. Пока право будетъ подвергаться нападенію со стороны неправа,—а это будетъ продолжаться вѣчно,—до тѣхъ поръ оно навсегда связано съ борьбою. Право не есть только логическое понятіе,—

Библиотека "Руниверс"

оно есть живая жизненная сила. Право есть непрерывная работа, и притомъ работа не только государственной власти, но и всего народа, слѣдовательно, и каждаго отдѣльнаго лица. Всякій индивидуумъ, кому хоть разъ приходится отстаивать свое право, принимаетъ участіе въ этой общенаціональной работѣ и вноситъ свою лепту въ дѣло осуществленія правовой работы на землѣ. Поддержаніе правового порядка есть со стороны государства не что иное, какъ непрерывная борьба противъ беззаконія, которое ему противопоставляется. Очень часто осуществленіе какой-либо реформы со стороны государства возможно только путемъ крайне сильнаго вторженія въ область существующаго права и частныхъ интересовъ, что вызываетъ и съ ихъ стороны отпоръ и борьбу. Высшей степени своего напряженія достигаетъ эта борьба, когда интересы приняли видъ пріобрѣтенныхъ правъ. Съ этой точки зрѣнія Іерингъ критикуетъ ученіе исторической школы юриспруденціи о незамѣтномъ и безболѣзненномъ, мирномъ и спокойномъ образованіи права. Видами и родами борьбы за право онъ называетъ и войны, и возстанія, и нарушенія конституціи правительствомъ, и случаи примѣненія такъ-называемаго закона Линча, и кулачное право съ своимъ остаткомъ, дуэлью, и необходимую оборону для самозащиты, и мирный способъ защиты въ формѣ гражданскаго процесса. Предметомъ своего трактата Іерингъ и дѣлаетъ легальную борьбу за частное право въ формѣ гражданскаго процесса. Онъ называетъ прямо обязанностью человѣка сопротивляться противъ злокачественнаго, ограничивающаго самую личность неправа, т.-е. противъ правонарушенія, которое въ основѣ своей имѣетъ характеръ неуваженія къ личности и нанесенія боли. Оно есть заповѣдь нравственнаго уваженія къ самому себѣ и долгъ въ отношеніи къ обществу, ибо необходимо, чтобы право осуществлялось. Въ правѣ за-

Библиотека "Руниверс"

щищаетъ человѣкъ свое нравственное бытiе; безъ права онъ сводится на степень животнаго. Терпѣливо перенося неуваженiе къ праву въ своемъ лицѣ, человѣкъ уже допускаетъ моментъ безправiя въ своей жизни. Степень энергiи, съ которою правовое чувство реагируетъ противъ оскорбленiя права, является вѣрною мѣрою той твердости, съ какою отдѣльная личность, сословiе или народъ понимаютъ значенiе своего права, какъ въ частныхъ, такъ и въ публичныхъ отношенiяхъ. Iерингъ особенно настаиваетъ на связи между правомъ и личностью,— связи, придающей всякому праву, какого бы рода оно ни было, неизмѣримую (идеальную) стоимость, отличную отъ стоимости, создаваемой матерiальнымъ интересомъ (реальной стоимости), и съ этой точки зрѣнiя онъ придаетъ важное значенiе правовому чувству, безъ котораго нельзя знать, что такое право, хотя бы у человѣка и помѣщался въ головѣ весь Corpus juris. Чувствительность, т.-е. способность воспринимать боль отъ правонарушенiя и дѣйствующая сила, т.-е. мужество и рѣшительность въ огражденiи права суть два важнѣйшихъ критерiя нормальнаго состоянiя правового чувства. Формы, въ которыхъ обнаруживается реакцiя оскорбленнаго правового и личнаго чувства, будетъ ли то дикимъ и страстнымъ поступкомъ, совершоннымъ подъ влiянiемъ аффекта, или соразмѣрнымъ и сдержаннымъ сопротивленiемъ, не могутъ служить мѣрою напряженности этого чувства: у дикихъ народовъ и у некультурныхъ людей, напр., преобладаетъ первая форма, но это не значитъ, чтобы у нихъ было болѣе живое правовое чувство. За доказательствами тезиса, что борьба за право есть обязанность правообладателя въ отношенiи самого себя, слѣдуетъ у Iеринга развитiе мысли объ огражденiи права, какъ обязанности по отношенiю къ обществу. Когда произволъ и беззаконiе осмѣливаются дерзко поднимать голову, это

Библиотека "Руниверс"

есть вѣрный признакъ того, что лица и учрежденія, призванныя къ защитѣ закона, не исполняютъ своей обязанности. Въ частномъ правѣ каждый призванъ защищать законъ и въ своей сферѣ быть его стражемъ и блюстителемъ. Кто защищаетъ *свое право*, защищаетъ въ его узкихъ рамкахъ *право вообще*. Интересы и послѣдствія его образа дѣйствій простираются далеко за его личность. Положеніе: „не терпи неправа“ Іерингъ ставитъ впереди положенія: „не дѣлай неправа“ Борьба за право можетъ такимъ образомъ вызываться матеріальнымъ интересомъ, болью нанесенной обиды (точка зрѣнія нравственнаго самосохраненія личности), чувствомъ долга или идеей права (сотрудничество отдѣльныхъ индивидуумовъ въ дѣлѣ развитія правовой идеи въ обществѣ). Если въ защитѣ каждымъ своего права и есть эгоистическій элементъ, то нравственное негодованіе развитой личности при всякомъ нарушеніи произволомъ чьего бы то ни было права, можно объяснить лишь одною исключительно нравственною силою, какую правовая идея имѣетъ надъ человѣческимъ умомъ. Между прочимъ, Іерингъ, касается и тѣхъ случаевъ, когда человѣкъ, достигнувъ этой вершины правового чувства, тѣмъ не менѣе дѣлаетъ, однако, ложные шаги, нерѣдко повергающіе его въ бездну беззаконія. Право есть идеализмъ характера, т. е. человѣка, который считаетъ для себя цѣлью себя самого и который поэтому, будучи затронутъ въ этомъ сокровеннѣйшемъ для него святилищѣ, не станетъ дѣлать различія, отъ кого идетъ посягательство на его право, отъ отдѣльныхъ ли индивидуумовъ, отъ власти или отъ чужого народа. Этотъ идеализмъ здороваго правового чувства самъ бы подкапывалъ свой собственный фундаментъ, если бы онъ ограничивался только защитою своего права, не принимая участія въ общей поддержкѣ правового порядка. Каждый долженъ знать, что онъ не только защищаетъ

Библиотека "Руниверс"

въ *своемъ* правѣ *общее*, но и въ *общемъ* правѣ *свое*. Въ заключеніе Іерингъ указываетъ на то, что окончательное рѣшеніе вопроса о томъ, что согласно или несогласно съ существомъ права, должна дать этика, которая какъ разъ не только далеко не отрицаетъ борьбы за право, но во многихъ случаяхъ даже считаетъ эту борьбу и для отдѣльныхъ личностей, и для цѣлыхъ народовъ прямо обязанностью. Безъ борьбы нѣтъ права, и съ того момента, какъ право отказывается отъ готовности къ борьбѣ, оно отказывается отъ самого себя.

Ф. Гольцендорфъ. Общественное мнѣніе. Переводъ. Н. О. Бера (№ 3 „Юридической Библіотеки" Я. Канторовича). Спб. 1895 (124 стр.).

На общественное мнѣніе существуютъ разные взгляды, благопріятные и неблагопріятные (въ книжкѣ приведены примѣры того и другого), но всѣ они сходятся въ томъ, что общественное мнѣніе въ новѣйшее время вообще представляетъ фактическую силу, съ которою нельзя не считаться общественнымъ дѣятелямъ, и что степень дѣйствительнаго значенія общественнаго мнѣнія не можетъ быть опредѣлена въ частности. Разногласіе касается еще вопросовъ о томъ, когда за опредѣленнымъ мнѣніемъ должно быть признано значеніе *общественнаго*, о формѣ его возникновенія и о томъ, кто —творцы общественнаго мнѣнія, т.-е. нѣкоторые ли только классы общества или же, наоборотъ, вся масса населенія. Гольцендорфъ считаетъ весьма важнымъ дѣломъ выработку критерія для опредѣленія цѣнности общественнаго мнѣнія въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Вооруженный такимъ мѣриломъ дѣятель едва ли впадаетъ въ ту или другую крайность, изъ которыхъ одна— принципіальное отрицаніе общественнаго мнѣнія, другая — слѣпое ему подчиненіе. Задачу своего изслѣдованія Гольцендорфъ ограничиваетъ вопросами объ историческомъ

Библиотека "Руниверс"

ходѣ развитія общественнаго мнѣнія (гл. II. и III), о его сущности, предметѣ и содержаніи (гл. IV и V), о процессѣ его зарожденія (гл. VI и VII) и о задачахъ государства по отношенію къ нему.

По опредѣленію Гольцендорфа, общественное мнѣніе не представляетъ собою ни рѣшающей или повелѣвающей власти, ни воли, направляющейся къ осуществленію себя въ дѣйствіи, а является инстанціей совѣщательной, произносящей свое сужденіе о фактахъ совершившихся, или о намѣреніяхъ, ожидающихъ своего осуществленія. Въ этой роли обладая возможностью усиливать, сдерживать, возбуждать и ослаблять мотивы, обусловливающіе дѣятельность правителей, государственныхъ людей и частныхъ лицъ, оно и пріобрѣтаетъ практическое значеніе. Первая трудность, связанная съ точнымъ установленіемъ общественнаго мнѣнія, заключается въ разграниченіи общественнаго мнѣнія отъ публично выраженныхъ мнѣній отдѣльныхъ личностей. Весьма легко принять частное мнѣніе, выраженное публично и не встрѣчающее противорѣчія, за мнѣніе общественное. Частное мнѣніе отдѣльныхъ лицъ, какъ-бы многочисленны они ни были, не можетъ быть принято за выраженіе общественнаго мнѣнія. Послѣднее по самой идеѣ своей есть нѣчто иное, чѣмъ сумма публично выраженныхъ мнѣній. Иногда даже мнѣніе, которое большинствомъ гражданъ признается за общественное, безмолвствуетъ, тогда какъ частныя мнѣнія, идущія въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, находятъ горячую публичную защиту. Общественное мнѣніе можетъ сдѣлаться политическою и нравственною силою лишь при условіи сохраненія права свободной, независимой критики по отношенію къ господствующимъ партіямъ, весьма часто добивающимся его расположенія и помощи. Кромѣ того, оно не должно быть также отождествляемо съ суммою всѣхъ отдѣльныхъ партійныхъ мнѣній, про-

Библиотека "Руниверс"

являющихся въ государственной жизни, такъ какъ нельзя себѣ представить общественное мнѣніе лишеннымъ внутренняго единства, которое только и обусловливаетъ могущество общественнаго мнѣнія. Благодаря этой живущей въ немъ силѣ, оно не можетъ быть разсматриваемо, какъ совокупность индивидуальныхъ, не связанныхъ между собою воззрѣній. Абсолютная тожественность всѣхъ вообще отдѣльныхъ мнѣній, такъ сказать, вовсе, однако, не требуется понятіемъ общественнаго мнѣнія. Рядомъ съ общественнымъ мнѣніемъ о томъ или другомъ вопросѣ могутъ существовать многочисленныя несходныя между собою частныя мнѣнія о томъ же предметѣ. Равнымъ образомъ представляется неправильнымъ полагать, что общественное мнѣніе является среднимъ отдѣльныхъ мнѣній. Правильная постановка теоріи общественной мнѣнія возможна лишь тогда, если принять за исходную точку тотъ всѣми признаваемый фактъ, что общественное мнѣніе проявляется въ народной и государственной жизни въ качествѣ силы, одинаково могущественной, какъ въ отношеніи частныхъ лицъ, такъ и въ отношеніи правительства. А для этого необходимо признать, что общественное мнѣніе есть господствующее мнѣніе самого народа, которое, однако, не успѣло воплотиться въ одинаково обязательномъ для всѣхъ положительномъ законѣ или правительственныхъ распоряженіяхъ. Установленіе, однако, точныхъ и общихъ для всѣхъ случаевъ признаковъ, по которымъ можно было бы судить о наличности въ данный моментъ господствующаго народнаго мнѣнія—представляется дѣломъ невозможнымъ. Оно можетъ существовать очень долго, не проявляясь въ какой-либо опредѣленной и осязательной формѣ. Бываютъ также случаи, что общественное мнѣніе остается нейтральнымъ зрителемъ происходящей въ газетахъ и въ обществѣ борьбы мнѣній. Но это бываетъ лишь до поры

Библиотека "Руниверс"

до времени. Разъ вызванное по какому-либо поводу, оно твердо и демонстративно выступаетъ на арену борьбы и даетъ себя знать чувствительнымъ для всѣхъ образомъ. Гольцендорфъ довольно много говоритъ о тѣхъ людяхъ, которые являются въ роли выразителей и истолкователей общественнаго мнѣнія, при чемъ отмѣчаетъ тотъ общій фактъ, что съ увеличеніемъ числа лицъ и органовъ, выступающихъ въ качествѣ выразителей общественнаго мнѣнія, и съ развитіемъ техническихъ способовъ для распространенія въ массѣ этихъ мнѣній увеличивается трудность точнаго установленія общественнаго мнѣнія по тѣмъ или другимъ общественнымъ вопросамъ, подлежащимъ публичному обсужденію. Чтобы правильно выяснить понятіе общественнаго мнѣнія, необходимо всегда имѣть въ виду вообще его отношеніе къ другимъ противополагаемымъ ему и соприкасающимся съ нимъ понятіямъ. Именно общественное мнѣніе противополагается мнѣнію индивидуальному, мнѣнію правительственныхъ органовъ, мнѣніямъ политическихъ партій, мнѣнію свѣдущихъ людей, сословному мнѣнію отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. Хотя такое состояніе общества, при которомъ совершенно отсутствуетъ общественное мнѣніе, мыслимо лишь при полномъ угасаніи народнаго духа, тѣмъ не менѣе безграничное преобладаніе общественнаго мнѣнія заключаетъ въ себѣ не мало опасностей, разъ только при этомъ страдаетъ законная самостоятельность индивидуальной жизни. Общественное мнѣніе не должно забывать, что и для него есть границы. Принципъ большинства, который находитъ себѣ относительное оправданіе въ сферѣ государственныхъ дѣйствій, не долженъ ни подъ какимъ видомъ быть распространенъ также на область выработки мнѣній. Гольцендорфъ подробно разсматриваетъ и вопросъ о томъ, всѣ ли предметы одинаково доступны пониманію общества, и рѣшаетъ его такъ:

Библиотека "Руниверс"

чѣмъ болѣе общимъ образомъ поставленъ вопросъ, выдвигаемый общественною жизнью, чѣмъ тѣснѣе онъ связанъ съ основными законами нравственности, тѣмъ скорѣе общественное мнѣніе въ состояніи произнести объ этомъ вопросѣ сужденіе, могущее имѣть практическое значеніе. Наоборотъ, чѣмъ сложнѣе вопросъ, чѣмъ болѣе частностей приходится принимать въ соображеніе при его разрѣшеніи, тѣмъ рѣже общественное мнѣніе даетъ на поставленный вопросъ правильный и полный отвѣтъ. Разсматривая процессъ образованія общественнаго мнѣнія, Гольцендорфъ съ особою обстоятельностью останавливается на роли печати въ этомъ дѣлѣ, при чемъ противополагаетъ одно другому, какъ двѣ враждебныя силы, общественное мнѣніе и партійныхъ духъ, коему такъ часто служитъ періодическая пресса. Наконецъ, у Гольцендорфа идетъ рѣчь и о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ общественному мнѣнію государственнымъ дѣятелямъ. Психологическая задача государственнаго человѣка—всюду одна и та же. Онъ долженъ, не обращая вниманія на свои собственные взгляды, стараться оріентироваться въ громадномъ и часто туманномъ лабиринтѣ партійныхъ противорѣчій и заблужденій и выяснить истинное и дѣйствительное убѣжденіе народа. На немъ лежитъ обязанность опредѣлить, не сложился ли тотъ или другой выводъ общественнаго мнѣнія подъ сильнымъ вліяніемъ необыкновенныхъ страстей и волненій, умаляющихъ его дѣйствительную цѣнность. Сообразно съ этимъ онъ долженъ опредѣлить и свой собственный образъ дѣйствій. Онъ обязанъ или, жертвуя своимъ собственнымъ положеніемъ, оказать противодѣйствіе требованіямъ общественнаго мнѣнія и возложить на другихъ отвѣтственность въ тѣхъ случаяхъ, когда у него есть основаніе опасаться печальныхъ послѣдствій для государства, или, выступивъ на путь компромисса, направить свои усилія на то, чтобы путемъ отсрочки важныхъ рѣ-

Библиотека "Руниверс"

шеній сдѣлать возможнымъ вторичное изслѣдованіе сомнительныхъ вопросовъ, или, наконецъ, своевременно уступить. Не обращать вниманія на общественное мнѣніе въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени—въ такой же мѣрѣ неразумно, какъ подавлять его силою.

Гольцендорфъ касается и вопроса о политическомъ образованіи. Необходимо, чтобы государственныя науки въ большей, чѣмъ это было до сихъ поръ, степени сдѣлались общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ классовъ. Къ сожалѣнію, даже среди культурныхъ слоевъ общества политическое образованіе, самостоятельность мышленія и независимость характера встрѣчаются гораздо меньше, чѣмъ это для нихъ необходимо, дабы въ видахъ общественнаго блага оказывать болѣе сильное вліяніе на убѣжденія массы. Часть прессы, повидимому, умышленно старается поддержать убѣжденіе, что ежедневныя газеты являются вполнѣ достаточнымъ ресурсомъ, для обезпеченія народу необходимаго запаса политическаго образованія. Государственные люди, конкурируя въ этомъ отношеніи съ ежедневною прессою, утверждаютъ, что спеціалисты профессора и преподаватели государственныхъ наукъ потеряли, благодаря своимъ теоретическимъ занятіямъ, способность высказывать правильныя и примѣнимыя на практикѣ мнѣнія по вопросамъ общественной и государственной жизни. Бюрократическая рутина чиновничества, заинтересованнаго только въ томъ, чтобы его проекты по возможности скоро прошли черезъ всѣ стадіи общественной критики, и поверхностность нѣкоторыхъ журналистовъ—сходятся въ качествѣ союзниковъ на общей почвѣ пренебреженія къ научнымъ занятіямъ въ области политики. Хотя даже самые строгіе методы статистическаго, философскаго и соціально-психологическаго изслѣдованія не исключаютъ возможности ошибокъ, не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію что среди ум-

Библиотека "Руниверс"

ственныхъ авторитетовъ общества первое мѣсто принадлежитъ наукѣ. — Въ концѣ концовъ единственно законными элементами общественнаго мнѣнія являются нравственное чувство долга гражданъ и общая вѣра въ могущество науки, которая одна во всеоружіи положеній, признаваемыхъ при данномъ ея состояніи истинными, способна одержать побѣду надъ разнаго рода предубѣжденіями, предразсудками и страстями.

Д. Морлей. О компромиссѣ. Переводъ М. Цебриковой со второго изданія. Спб. 1881. (Текстъ книги занимаетъ стр. 70--272). Новое изданіе (1896 г.).

Цѣль книги — разсмотрѣть нѣкоторыя изъ границъ, которыя здоровый разумъ ставитъ практикѣ различныхъ родовъ примѣненій, расчетливости, сдѣлокъ, соглашенія или компромисса, и даже отчасти рѣшить вопросъ, при какихъ обстоятельствахъ пользованіе теоретически общепризнаннымъ правомъ свободно мыслить и независимо поступать можетъ и должно осуществляться на практикѣ. Морлей стремится найти одинъ или два изъ наиболѣе общихъ принциповъ, которые должны регулировать практику соглашенія, и хочетъ указать на нѣкоторыя отношенія, которыя могутъ возникнуть при примѣненіи этихъ принциповъ къ нѣкоторымъ затруднительнымъ положеніямъ въ современныхъ условіяхъ поведенія. Онъ возстаетъ противъ фанатической и деспотической прямолинейности въ примѣненіи принциповъ, что заставляетъ его въ извѣстныхъ случаяхъ рекомендовать уступчивость по отношенію къ обстоятельствамъ и къ другимъ людямъ. Все дѣло въ опредѣленіи границъ, отдѣляющихъ разумную осмотрительность при выработкѣ убѣжденій, разумную сдержанность при высказываніи ихъ, разумную медлительность при попыткахъ ихъ осуществленія на практикѣ, съ од-

Библиотека "Руниверс"

ной стороны, отъ скрываемой неискренности или самообольщенія, отъ добровольнаго лицемѣрія, отъ нерадивости и малодушія, съ другой. Морлей прежде всего ставитъ вопросъ о томъ, необходимо ли, чтобы болѣе образованные классы общества не только по системѣ хранили свой свѣтъ подъ спудомъ молчанія, но и открыто еще поддерживали ради менѣе образованныхъ классовъ ученія, которыя не считали бы истинными для самихъ себя. Самое бо̀льшее, говоритъ онъ, что можно сказать въ защиту заблужденій въ мнѣніяхъ и мотивахъ, это то, что они — неизбѣжные элементы въ человѣческомъ развитіи, но неизбѣжное не тожественно съ полезнымъ. Морлей доказываетъ, что разъ убѣдились на основаніи разумныхъ причинъ, что такое-то ученіе ложно или что такіе-то мотивы дурно направлены, весь вопросъ сводится лишь къ возможности бороться съ ними при помощи средствъ, согласныхъ съ требованіями свободы. Всякая нерѣшительность въ этомъ дѣлѣ, происходящая отъ полускрытаго понятія, будто заблужденія могутъ быть полезны кому бы то ни было, есть слабость, задерживающая прогрессъ общества. Что касается до компромиссовъ, то Морлей различаетъ компромиссы безнравственные и компромиссы, имѣющіе нравственный характеръ. При этомъ онъ раздѣляетъ всѣ компромиссы на три категоріи, а именно на сдѣлки 1) въ принятіи мнѣній, 2) въ выраженіи мнѣній и въ 3) въ осуществленіи мнѣній. Доводы, относящіеся къ одной категоріи, непримѣнимы, говоритъ онъ, къ двумъ другимъ или примѣняются не въ одинаковой степени, а потому каждая категорія и разсматривается у него особо. Незаконный компромиссъ въ первомъ случаѣ есть неискренность или самообольщеніе, во второмъ—положительное притворство, въ третьемъ—малодушіе, т.-е. недостатокъ вѣры.

Выработка правильныхъ мнѣній должна совершаться

Библиотека "Руниверс"

и тогда, когда даже нельзя предвидѣть наступленія момента, благопріятнаго для ихъ осуществленія: разъ ничто, кромѣ убѣжденія, не можетъ производить великихъ и прочныхъ перемѣнъ, мы должны заботливо сохранять эту могущественную силу честною, здоровою, безстрашною и независимою. Между прочимъ, разсужденія Морлея въ данномъ случаѣ касаются и партійной дѣятельности. Особенно важное значеніе для насъ имѣетъ въ книгѣ Морлея пятая глава, посвященная вопросу о компромиссѣ въ осуществленіи мнѣній.

„Человѣкъ, который беретъ на себя трудъ выработать свои мнѣнія и убѣжденія, почувствуетъ, что онъ не обязанъ никакою отвѣтственностью большинству за свои заключенія. Если онъ искренне любитъ истину, если онъ одушевленъ страстью видѣть вещи такъ, какъ онѣ есть, и отвращеніемъ къ исповѣданію идей, которыя не соглашаются съ фактами, то онъ будетъ совершенно независимъ отъ одобренія или согласія окружающихъ его лицъ. Но когда онъ начнетъ воплощать убѣжденія свои на практикѣ жизни, то положеніе его совершенно другое“. Тутъ необходимо должны явиться умѣряющія соображенія, которыя оправдываются притомъ и правильными въ научномъ отношеніи взглядами на то, какъ совершается общественное развитіе. „Для хода общественной жизни старое должно доживать, пока новое еще не созрѣло, и этотъ вѣчный компромиссъ, есть необходимый спутникъ нормальнаго развитія“ (Спенсеръ). Но, замѣчаетъ Морлей, мы не должны доводить ни этотъ аргументъ, ни состояніе чувства, его сопровождающее, далѣе, нежели они могутъ честно идти. Для большинства натуръ опасность находится по сю сторону, потому что дѣйствуютъ и наша любовь къ спокойствію, и наши предразсудки. Компромиссъ можетъ быть двухъ родовъ, и изъ этихъ двухъ родовъ одинъ — законный, другой — незаконный.

Библиотека "Руниверс"

Компромиссъ можетъ означать обдуманное подавленіе или искаженіе мысли ради того, чтобы сдѣлать ее соотвѣтственною съ традиціонными взглядами или ходячими предразсудками о данномъ предметѣ, или же компромиссъ можетъ обозначать разумное признаніе того факта, что масса нашихъ современниковъ еще не приготовлена къ принятію новой идеи либо къ измѣненію порядковъ своей жизни сообразно съ новою идеею. Въ первомъ случаѣ человѣкъ компромисса отвергаетъ высшую истину или лицемѣрно скрываетъ свое согласіе съ нею, но во-второмъ онъ мужественно держится истины, какъ своего знамени для своихъ цѣлей, и только не принуждаетъ весь міръ немедленно принять ее, не ожидаетъ, чтобы весь міръ немедленно ее принялъ. Наиболѣе важными во всемъ трактатѣ являются страницы, на которыхъ Морлей разсматриваетъ отдѣльные доводы, приводимые въ пользу „незаконныхъ компромиссовъ“ Если человѣкъ отступаетъ предъ проведеніемъ своей идеи не потому, чтобы боялся быть одинъ, а потому, что, по его мнѣнію, время для новой идеи еще не приспѣло, то преждевременность осуществленія идеи не можетъ служить оправданіемъ для того, чтобы держать ее подъ спудомъ: пора могла еще не созрѣть настолько, чтобы двинуть насъ на активное завоеваніе, но всегда можно назвать время уже наставшимъ и созрѣвшимъ для обнародованія плодотворной идеи. Морлей находитъ неосновательнымъ и соображенія о временной полезности существующаго учрежденія, которое уже обречено на замѣну въ нашихъ мысляхъ лучшимъ. Это—прекрасный доводъ въ пользу того, чтобы не уничтожать немедленно или не видоизмѣнять фундаментально такихъ учрежденій, пока общественное мнѣніе [1]) не созрѣетъ для даннаго улучшенія, но это от-

[1]) И состояніе общества, прибавили бы мы.

Библиотека "Руниверс"

нюдь не можетъ быть причиной того, чтобы люди, желающіе улучшеній, говорили и дѣйствовали такъ, какъ будто бы они считали перемѣну совершенно ненужною и нежелательною; это отнюдь также не можетъ быть причиной того, чтобы люди, признающіе временную полезность убѣжденія, обычая, учрежденія, думали только объ одной ихъ полезности и забывали не менѣе важное ихъ свойство — ихъ временность. На разсмотрѣніи послѣдняго пункта, т.-е. того, что въ обществѣ ничто не бываетъ вѣчнымъ, Морлей останавливается подробно, признавая требованіемъ вполнѣ законнаго и разумнаго компромисса никогда, съ другой стороны, не проводить на практикѣ своихъ идей до отдаленнѣйшихъ логическихъ изъ выводовъ безъ отношенія къ тѣмъ временнымъ условіямъ, при которыхъ мы ихъ примѣняемъ. Успѣхъ въ политикѣ прежде всего предполагаетъ вмѣстѣ съ знаніемъ матеріала, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, и тѣ уступки, которыя необходимо дѣлать въ виду свойствъ этого матеріала. Въ общественномъ развитіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, все зависитъ иногда отъ мелкихъ видоизмѣненій, и часто изреченіе, что мелкія реформы суть самые худшіе враги реформъ великихъ,—изреченіе, заставляющее пренебрегать менѣе значительными перемѣнами въ ожиданіи болѣе крупныхъ,—бываетъ формулою въ общественномъ смыслѣ вредною. Но, съ другой стороны, мы не должны забывать, что это же самое изреченіе можетъ имѣть и значеніе глубокой истины. Мелкое и временное улучшеніе можетъ быть дѣйствительно худшимъ врагомъ великаго и прочнаго, если первое не сдѣлано по предначертаніямъ и въ направленіи второго. И такое улучшеніе бываетъ врагомъ, если его подсунутъ обществу, вмѣсто настоящаго крупнаго дѣла. Въ подобномъ случаѣ мелкая реформа, если она не была произведена въ связи съ какимъ-нибудь великимъ прогрессивнымъ принципомъ и съ намѣре-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ дальнѣйшаго ея расширенія, тѣмъ болѣе затруднитъ возвращеніе къ вѣрному направленію, лишь только снова потребуется улучшеніе, чѣмъ болѣе сдѣланная реформа далека будетъ отъ вѣрнаго направленія. Возможно зло отъ мелкой реформы еще и тогда, когда представляютъ эту реформу какъ-бы рѣшающею вопросъ: такая реформа приводитъ общественное сознаніе въ состояніе спокойствія, не оправдывающее тѣмъ, что было сдѣлано, а это дѣлаетъ тѣмъ болѣе труднымъ пробужденіе общественнаго сознанія къ новымъ усиліямъ, когда для нихъ наступитъ неизбѣжное время. Но, замѣчаетъ еще Морлей, правильное пониманіе политическаго метода, основанное на правильно истолкованномъ опытѣ условій, при которыхъ общества соединяютъ прогрессъ съ порядкомъ, заставляетъ мудраго консерватора принимать мелкія измѣненія ради того, чтобы не приходилось потомъ испытывать горшее для него зло, а мудраго новатора заставляетъ — схватывать каждый шансъ для мелкаго улучшенія, непрестанно работая, однако въ направленіи улучшеній великихъ. Если процессъ покажется намъ нестерпимо медленнымъ, мы можемъ сдержать наше нетерпѣніе, оглянувшись назадъ, на прошедшее.

Морлей предвидитъ между прочимъ, что все имъ сказанное о мелкихъ реформахъ и о политической терпѣливости можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, будто онъ безсознательно аргументировалъ такъ же сильно въ пользу энергическаго общественнаго консерватизма, какъ и въ пользу самозаявляющагося духа общественнаго совершенствованія. Держась принципа свободы, онъ строго ограничиваетъ дѣйствія какъ большинства, такъ и меньшинства областью одной пропаганды, ибо, замѣчаетъ онъ, лишь люди, которые не любятъ свободы, утверждаютъ, что серьезность убѣжденія оправдываетъ большинство или меньшинство въ употребленіи не только пропаганды, но

Библиотека "Руниверс"

и насилія. Въ данномъ случаѣ онъ вполнѣ присоединяется къ ученію Милля. Искренность убѣжденія не оправдываетъ насилій. Нельзя утверждать, будто искренность убѣжденія несовмѣстима съ сознаніемъ подверженности заблужденію. Человѣкъ, не считающій себя непогрѣшимымъ, можетъ быть проникнутъ истиною своего собственнаго мнѣнія о данномъ вопросѣ и будетъ дѣлать все, что можетъ, дабы дать этому мнѣнію преобладаніе на практикѣ, но въ числѣ вещей, которыя онъ не позволитъ себѣ дѣлать, непремѣнно будетъ насильственное подавленіе мнѣній другихъ людей. Впрочемъ, даже и вѣра въ собственную непогрѣшимость не ведетъ неизбѣжно къ нетерпимости. Увѣренность въ истинѣ своихъ мнѣній независима отъ какой бы то ни было спеціальной идеи о средствахъ, которыми другіе люди могутъ быть наилучшимъ путемъ приведены къ принятію этихъ мнѣній. Свобода — сама по себѣ вещь хорошая, и ею долженъ вполнѣ пользоваться человѣкъ въ сферѣ своихъ мнѣній и своего образа жизни (въ чисто личной сферѣ). Одною изъ причинъ того, почему эта истина такъ неохотно признается, является неразумное невѣріе людей въ способность самозащиты, присущую высоко развитому и здоровому обществу. Робкій человѣкъ компромисса, съ одной стороны, и поборникъ принудительныхъ ограниченій, съ другой, становятся одинаково жертвами чрезмѣрной болѣзни. Первый боится употреблять свободу по той самой причинѣ, по какой другой боится и дозволить.

„Принципъ, если онъ здравый принципъ, говоритъ Морлей въ заключеніи, представляетъ одну изъ наиболѣе широкихъ выгодъ. Отреченіе отъ нея ради кажущейся выгоды минуты есть пожертвованіе бо̀льшимъ благомъ ради ~~ради~~ меньшаго, и это на основаніи причины не болѣе похвальной того, что меньшее благо есть ближайшее благо. Лучше ждать и отложить осуществленіе идеи на-

Библиотека "Руниверс"

шихъ до той поры, когда мы можемъ вполнѣ осуществить ихъ, нежели ограбить будущее, обрѣзавъ это благо, если намъ приходится обрѣзать его для того, чтобы доставить ему далеко не полное торжество въ настоящемъ. Лучше нести бремя неудобоисполнимости, нежели задавить убѣжденіе и обрѣзать принципъ до того, что онъ превращается въ пустоту и пошлость. Гдѣ смыслъ, гдѣ нравственность пожертвованія болѣе великою полезностью для малой? Ничто не можетъ такъ сильно унизить эпоху, лишить поведеніе благородства, а характеръ возвышенности, какъ такой компромиссъ“

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе ко 2-му изданію	III
I.—Нравственность и общественная дѣятельность	1
II.—Цѣль жизни и жизненное призваніе.	26
III.—Общее благо, какъ цѣль общественной дѣятельности.	49
IV.—Творчество и осуществленіе общественныхъ идеаловъ	78
V.—Идеальныя требованія отъ общественнаго дѣятеля.	105
VI.—Необходимыя условія общественной дѣятельности.	136
Приложеніе	152

Библиотека "Руниверс"

Имѣющіяся въ продажѣ сочиненія Н. И. КАРѢЕВА:

Исторія Западной Европы въ новое время. Цѣна т. I—2 р.; II—3 р. 50 к.; т. III—3 р. 50 к.; т. IV—4 р.; V—5 р.

Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени. Ц. 1 р.

Основные вопросы философіи исторіи. 3-е (сокращенное) изд. Ц. 2 р. 50 к.

Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Ц. 4 р.

Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. Ц. 1 р.

Введеніе въ изученіе соціологіи. Ц. 2 р.

Указатель соціологической литературы. Ц. 25 к.

Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ до 1789 г. Ц. 1 р.

Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Ц. 1 р.

Польскія реформы XVIII в. Ц. 1 р. 25 к.

Литературная эволюція на Западѣ. Ц. 2 р.

Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 7-е. Ц. 50 к.

Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Изд. 4-е. Ц. 50 к.

Мысли объ основахъ нравственности. Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса. Ц. 40 к.

Учебная книга древней исторіи. Съ историческими картами. Ц. 1 р. 20 к.

Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Ц. 1 р. 10 к.

Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Ц. 1 р. 30 к.

Замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Ц. 50 к.

Главный складъ при типографіи **М. М. Стасюлевича**,
Спб., Вас. Остр., 5 лин., 28.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"